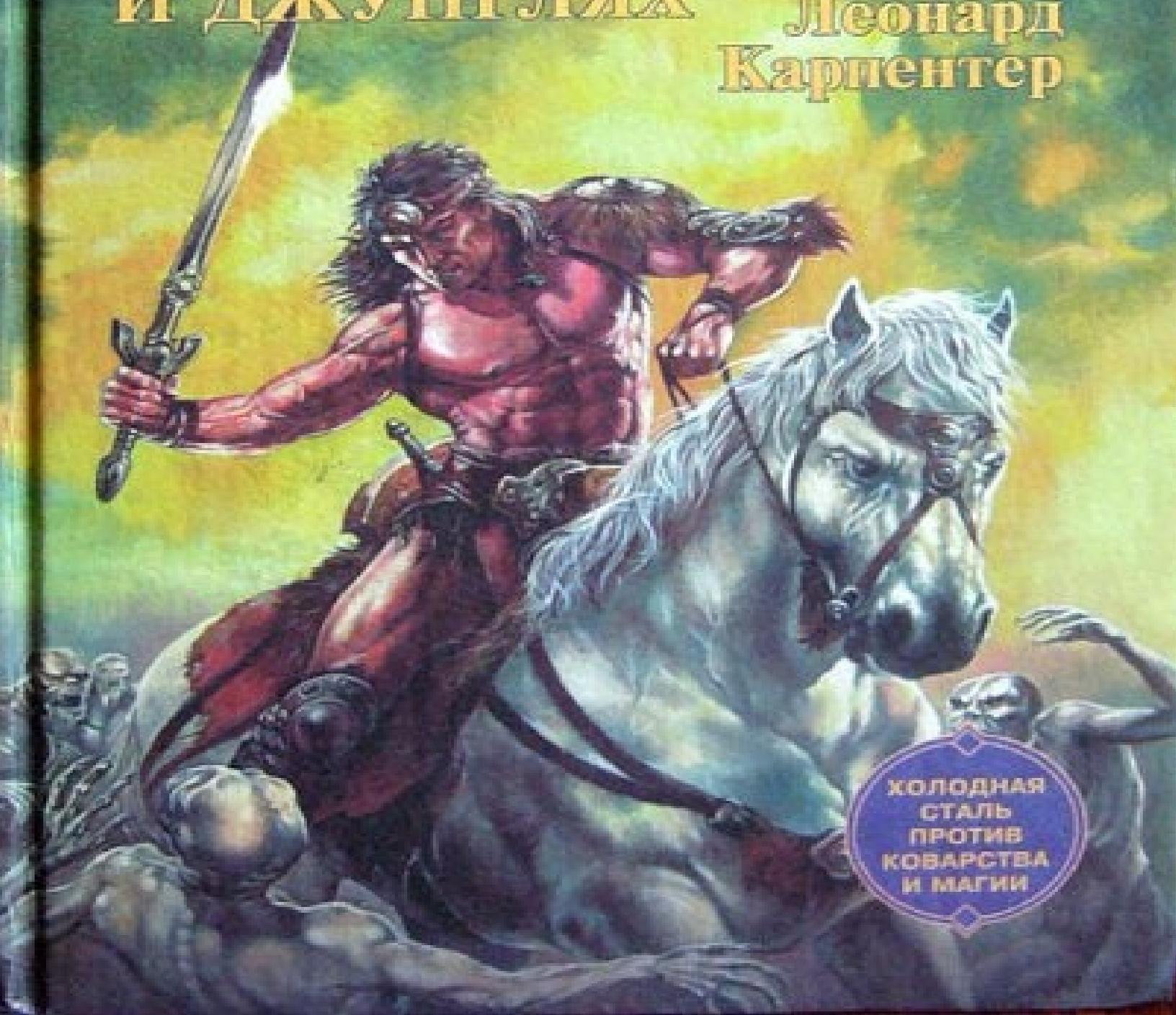

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОДАН

В ПУСТЫНЕ
И ДЖУНГЛЯХ

Леонард
Карпентер

ХОЛОДНАЯ
СТАЛЬ
ПРОТИВ
КОВАРСТВА
И МАГИИ

Annotation

Туранская армия, в которой служат Конан и его друг кушит Юма, сражается с вендиjsким племенем хвонгов, которых поддерживает колдунья Моджурна. В это же время в Туране зреет заговор против владыки Йилдиза, возглавляемый генералом Аболхассаном.

- [Леонард Карпентер](#)

- [ГЛАВА 1. ХРАМ БОГИНИ СИГТОНЫ](#)
 - [ГЛАВА 2. ЗНАК МОДЖУРНЫ](#)
 - [ГЛАВА 3. ФОРТ ШИНАНДАР](#)
 - [ГЛАВА 4. СЕРЕБРЯНЫЙ БАССЕЙН](#)
 - [ГЛАВА 5. ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ](#)
 - [ГЛАВА 6. СЛОНОВИЙ ПАТРУЛЬ](#)
 - [ГЛАВА 7. ВОЙНА КОЛДУНОВ](#)
 - [ГЛАВА 8. БЕЗУМНЫЙ ГОРОД](#)
 - [ГЛАВА 9. ЗАМОК ГУБЕРНАТОРА](#)
 - [ГЛАВА 10. КРОВЬ И ЛОТОС](#)
 - [ГЛАВА 11. БИТВА БОГОВ И КОРОЛЕЙ](#)
 - [ГЛАВА 12. ПРИЗВАННЫЙ КОРОЛЕМ](#)
 - [ГЛАВА 13. САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ПРИКАЗ](#)
 - [ГЛАВА 14. ПРЕДАТЕЛИ И ГЕРОИ](#)
 - [ГЛАВА 15. ТРИУМФ](#)
 - [ГЛАВА 16. ПРИЕМ ВО ДВОРЦЕ](#)
 - [ГЛАВА 17. НОЧНАЯ ПОГОНЯ](#)
 - [ГЛАВА 18. НОЧНЫЕ ПОЕДИНКИ](#)
 - [ГЛАВА 19. ПОЧЕТНАЯ НАГРАДА](#)
 - [ГЛАВА 20. ВОЗВРАЩЕНИЕ](#)
-

Леонард Карпентер
В стране Черного Лотоса

ГЛАВА 1. ХРАМ БОГИНИ СИГТОНЫ

Небольшое озерцо, словно диковинное темное зеркало, лежало посреди густых джунглей. Неожиданно легкая рябь пробежала по его поверхности от одного берега к другому. Затем плотные прибрежные заросли чуть раздвинулись, и из-за них показалось человеческое лицо.

С первого взгляда можно было подумать, что это морда вышедшего на охоту хищника — так напряженно и свирепо было его выражение. Но из-под косматых бровей неожиданно сверкнули двумя сапфирами глаза разумного существа, внимательно осматривающего заросли на противоположном берегу.

Не обнаружив ничего подозрительного, осторожный наблюдатель раздвинул преграждавшие ему путь ветви и бесшумно нырнул в воду. Он оказался высоким широкоплечим человеком, чье лицо и тело были размалеваны полосами черной сажи и темно-коричневой басмы. Двигаясь по пояс в воде, человек почти не производил шума. Все его тело было напряжено, как у акробата, приготовившегося сделать сложный, смертельно опасный прыжок. Боевую маскировочную раскраску лица и тела дополняли вплетенные в волосы зеленые ветки и пучки травы.

Единственной одеждой этого человека были короткие кожаные штаны и два ремня, перекрещающиеся на загорелой груди и спине. К ремням крепились ножны ятагана и кинжала. Если бы не блеск стального клинка и бронзовых пряжек, человек вполне мог бы показаться дикарем, родившимся и выросшим в джунглях.

На мгновение воин остановился, отведя изогнутым клинком ятагана направлявшуюся к нему желто-зеленую водяную змею, а затем вновь продолжил путь, осторожно ощупывая дно обутыми в кожаные сандалии ногами. Выбравшись на берег, он оторвал присосавшихся к телу пиявок и махнул рукой тем, кто оставался на другом берегу.

Первым из зарослей появился человек, которому явно не нужна была маскировка: его кожа и без того чернее ночи. Наоборот, черное лицо пересекали несколько светлых полос, оставленных белой глиной. Чернокожий гигант был ростом не меньше, чем синеглазый разведчик. Его тело прикрывала легкая кольчуга, а в руках он держал такой же, как у его товарища, тяжелый ятаган с дважды изогнутым лезвием.

Вслед за чернокожим воином в воду шагнули еще с полдюжины бойцов. Судя по оливковой коже и остроносым рожам, парни — чистокровные туранцы. В их облачении можно было угадать остатки формы туранской армии — на голове одного из них возвышался шлем в форме тюрбана, тело другого прикрывала рваная алая туника, на третьем была форменная кольчуга. Все они, как и их предводитель, были раскрашены и замаскированы зеленью. Когда солдатыступили в воду, раздались негромкие всплески, приглушенные ругательства и легкое звяканье оружия. Чернокожий офицер мгновенно обернулся и, яростно вращая глазами, жестами приказал сохранять тишину.

Светлокожий воин, первым перебравшийся через озеро, продолжал неслышно взбираться по крутыму берегу. Грозный ятаган был спрятан в ножны, укрепленные ремнями на спине северянина, двигавшегося порой почти на четвереньках. Лишь редкое мелькание его мускулистых рук и ног среди кустов да неровный танец потревоженных им бабочек обозначали продвижение умелого разведчика. Вокруг царила полная тишина — джунгли, обычно звенящие пением птиц и стрекотанием цикад, напряженно прислушивались.

Путь по склону вовсе не был легок. Человеку приходилось, соблюшая тишину, избегать не только сухих веток, но и множества опасных трав и лиан, одно прикосновение к которым могло вызвать сильное отравление, а то и смерть. К тому же на не прикрытое одеждой тело набрасывались тысячи комаров-кровососов и больно кусающих мух.

У самого гребня склона в листве показался просвет. Разведчик осторожно подтянулся на руках, держась за лианы, поставил ноги поудобнее и осторожно раздвинул последние ветви... В следующий миг он отшатнулся, чуть не потеряв равновесие. Его рука дернулась к рукояти кинжала, но, не успев выхватить оружие из ножен, остановилась. Раскрашенный сажей воин негромко выругался: его взгляд уперся в каменную оскаленную морду обезьяны — статуи, поставленной здесь в древние времена давно уже сгинувшими обитателями джунглей.

— Конан, у тебя все в порядке? — раздался снизу шепот чернокожего.

— Да, Юма, — одними губами прошептал разведчик, одновременно погрозив солдатам, также издавшим несколько вопросительных реплик. — Ерунда, тут просто чучело какое-то, — добавил он.

— Ладно. Но учти, киммериец. В следующий раз я пойду впереди, а ты управляйся с этими болванами! Тебя они лучше слушаются.

Усмехнувшись и кивнув головой, Конан снова повернулся к каменному изваянию. Такие статуи не ставились в джунглях где попало. Видимо, отряд уже недалеко от цели. Взобравшись на каменную башку идола, Конан внимательно осмотрел окрестности сквозь более редкие ветви на высоте примерно в два человеческих роста.

Его взгляду открылось сооружение, которое из-за своей величины не было полностью проглочено джунглями. Огромная скала, возвышавшаяся над лесом, некогда была превращена в храм: массивные каменные блоки обрамляли вход в пещеру — частью природную, а частью рукотворную. Древние зодчие усердно поработали над каменной глыбой, придав ей форму луковицы, над которой возвышался длинный шпиль. Вся площадь стен храма и шпиля — от вершины до галерей у подножия — была плотно покрыта рельефными изображениями.

Что именно изображали эти рельефы, сказать было трудно, особенно с первого взгляда. Кое-где сквозь листву виднелись части человеческих фигур в натуральную величину. Одни персонажи вели ожесточенные сражения, другие же предавались плотским, чувственным утехам. Конан предположил, что эти картины были фрагментами эпоса, рассказывающего о войнах, деяниях и отдыхе прародителей племени, поставившего храм, и их человекоподобных богов. Проследить сюжет и разобраться в картинах было невозможно — нижние ярусы рельефов сплошь покрывали лианы и лоза дикого винограда. Растения оплетали головы и тела персонажей, как бы стараясь не дать этим фигурам ожить, а заодно и понадежнее скрыть их от посторонних глаз.

Но храм не выглядел заброшенным. Расчищенная дорожка и каменные ступени вели ко входу. Более того, в храме были люди. Почти у самого входа плясал на камнях солнечный зайчик. Его мог отбрасывать лишь один предмет — начищенный наконечник копья или клинок другого оружия. Присмотревшись, Конан разглядел рядом с ним другое светлое пятно — лицо человека, внимательноглядывающегося в окружающие заросли. В довершение всего со стороны храма донесся запах дыма, ароматизированного ритуальными благовониями.

Шепотом и жестами Конан приказал Юме и туранцам занять позицию около основания храмовой лестницы и ждать сигнала к атаке. Сам же он так же беззвучно спустился ниже по склону и нырнул в заросли, уходя в сторону от своих товарищей.

Некоторое время о передвижении киммерийца можно было догадываться лишь по слабому колыханию веток. Затем массивная фигура Конана показалась у подножия каменной стены храма в стороне от входа. Не останавливаясь, уроженец горной Киммерии полез вверх, подтягиваясь на оплетающих стену лианах и упираясь ногами в каменные барельефы богов. Он делал это так же легко и бесшумно, как пробирался по джунглям, хотя любой другой человек не сумел бы подняться по такой стене без надежно закрепленной наверху веревки и уж по крайней мере не производя лишнего шума.

Киммерийца же нисколько не пугало то, что время от времени его ноги срывались с гладких, ненадежных выступов и повисали в пустоте и что в его руках то и дело оставались обрывки непрочных лиан. Прижимаясь всем телом к каменным богам и героям, он словно сливался с ними, становясь еще одним персонажем древних мифов и легенд, вырубленным из более светлого камня.

Добравшись до узкого балкона, опоясывающего храм, Конан быстро пробежал по нему и оказался над портиком, прямо над входом в гигантский купол. Здесь, среди остатков обрушившихся скульптур и пыльных зарослей кустов, пустивших корни прямо в крыше нависающего над дверным проемом козырька, он затаился, пытаясь вычислить точное местоположение часового. Того не было видно. Скорее всего, он отошел подальше в глубь сумрачного коридора. Подтянувшись на руках, Конан вплотную приблизился к краю козырька и, раздвинув последние прикрывающие его ветки, заглянул вниз.

В этот же момент оттуда раздался звук неторопливых шагов. Конан, опасаясь, что может выдать себя любым неосторожным движением, так и застыл, перегнувшись через карниз, словно голова какой-нибудь рухнувшей на портике статуи.

Часовой, ничего не подозревая, подошел к краю прикрываемой тенью козырька площадки, облокотился на каменные перила, ограждающие ее, и внимательно осмотрел окружающие заросли и ведущую к храму лестницу. Обе его руки упирались в камень перил, а бронзовый тесак висел, вставленный в веревочную петлю на поясе.

Словно тень смерти, нависал над часовым киммериец. Одной рукой ему ничего не стоило схватить стоявшего под ним солдата за волосы и кинжалом, сжатым во второй, перерезать тому горло, не производя при этом лишнего шума.

Но некое чувство благородства, смутное подобие древнего рыцарского кодекса, не одобрявшего нападение со спины, заставило киммерийца изменить план действий. Перевернув кинжал клинком вверх, он, коротко размахнувшись, ударил часового рукоятью по темени, оглушив его, видимо, на долгое время.

Спрятавшись на площадку, Конан успел подхватить медленно оседающее тело и тихо уложить его на камни.

Вдруг за его спиной раздался голос, произнесший несколько слов на хонгском языке — наречии племени, поднявшего мятеж и вступившего в войну с могучей Турецкой империей. Конан, всячески кляня себя за то, что не подождал смены часовых и теперь нарвался на второго стражника именно в момент, когда тот шел сменить своего товарища, резко развернулся. Молниеносным движением киммериец парировал удар деревянной дубины с острыми зубьями, выпиленными на толстом конце. Ятаган Конан выхватить не успел, поэтому подставил под удар клинок и эфес кинжала. Но тяжесть оружия противника была слишком велика, и Конан, не удержав кинжал в руке, выронил его, к тому же почувствовав, что шершавая дубина ободрала кожу на костяшках скимавших рукоять кинжала пальцев.

Прежде чем хонг успел второй раз поднять оружие, киммериец бросился на него с голыми руками. Схватив противника одной рукой за горло, а второй — за рукав его полотняной темно-зеленой рубахи, Конан с разворотом подсдел под не успевшего среагировать солдата, а затем, резко выпрямившись, выбил бедолагу из равновесия, перекинул через себя и швырнул его спиной на каменные перила. Еще один толчок — и стонущий часовой полетел вниз. Удар головой о камни у подножия храма оборвал его мучения.

Изрыгая проклятия по поводу сорвавшегося эффекта внезапности нападения и морщась от неприятной боли в ободранных пальцах, Конан нашел свой кинжал, сунул его в ножны и, выхватив ятаган, помахал им, условным знаком призываю своих солдат к себе. Те, не дожидаясь приказа, услышав шум схватки, уже неслись широкими шагами вверх по лестнице с ятаганами в

руках. Конан, не теряя времени на ожидание, бросился в сумрачный коридор. Оказалось, что тот сразу разветвляется надвое — широкая галерея уходила вверх, к куполу храма, и выглядела давно заброшенной. Вековая пыль покрывала широкие плиты пола. Из уходящего же книзу узкого прохода доносились звуки шагов и явно панических криков. Не раздумывая, Конан метнулся вперед по этому коридору. Вскоре сзади послышались шаги последовавших за ним его товарищей.

Перепрыгивая через несколько ступенек, Конан проклинал узость коридора, спиралью уходившего в глубь купола, не соответствующую огромным размерам храма снаружи. Дело заключалось, конечно, не в тяге Конана к большим пространствам, а в том, что в этом узком проходе можно было продвигаться лишь цепочкой по одному, и все равно при этом оставалось слишком мало места для того, чтобы в полную силу орудовать длинным ятаганом. А кроме того, очень скоро собственная тень киммерийца и тени туранцев за его спиной совсем загородили и без того слабый свет, проникавший за поворот коридора от входа. Пришлось пробираться вперед почти на ощупь, выставив вперед клинок.

Вскоре Конан оказался на перекрестке с другим, столь же темным коридором, где на него напали сразу с двух сторон. Справа изо всех сил ударила по выставленному вперед клинку ятагана деревянная палица, а слева нацелился в грудь киммерийца бронзовый наконечник короткого тонкого копья. Заметив отблеск на зазубренном треугольнике, Конан отпрянул назад, изо всех сил сжимая в руке ятаган, чтобы не уронить его. Мгновение спустя его клинок, словно змеиную голову, отсек метнувшийся к нему наконечник копья. Почувствовав спиной вплотную приблизившихся к месту боя товарищей, киммериец предоставил им разбираться с нападавшим слева, оставшимся практически безоружным, а сам набросился на вооруженного дубиной противника справа.

Завязался яростный бой. Искры дождем сыпались от камней, когда клинок киммерийца резко чиркал по полу или задевал стены. Глухие удары слышались в моменты, когда ятаган встречался в воздухе с прочной деревянной палицей. Противник киммерийца защищался отчаянно, пытаясь даже контратаковать. В какой-то миг ятаган крепко вонзился в плотное дерево и застрял в оружии воина-хонга. Тот весь напрягся, стараясь воспользоваться ситуацией, чтобы вывернуть оружие из рук киммерийца. Противники замерли в неподвижном противодействии. Казалось, что рука, держащая стальной клинок, дрогнула... но в этот момент отточенный, как бритва, кинжал Конана по самую рукоятку вонзился в бок его противника.

Защитник храма со стоном повалился на пол, и Конан добил его одним коротким ударом ятагана. Больше пока никто не нападал на вторгшегося в священные для хонгов стены. Судя по удаляющимся шагам, друзья киммерийца бросились по коридору в противоположную сторону. Переступив через лежащий у его ног труп, Конан направился вдоль прохода, в конце которого он заметил едва видное желтовато-красное свечение.

С парой солдат, последовавших вслед за ним, Конан быстро добрался до конца коридора, выходившего, как оказалось, в довольно большое помещение с низким потолком. В центре комнаты горел костер, дававший мало света и много пляшущих теней, скакавших по силуэтам древних статуй неведомых киммерийцу богов, стоявших вдоль стен.

В дальнем конце комнаты послышались звуки боя, где два хонга с копьями наперевес бросились защищать святыню, препреждая путь Юме и турanskим солдатам. Второй же вход оказался незащищенным, и Конан успел добраться почти до центра помещения, прежде чем молодой хонг бросился ему навстречу с тесаком в руке. Этого защитника встретили вступившие в бой солдаты, позволив Конану остановиться и, осмотревшись, оценить обстановку.

В круге света у костра стояла согбенная фигура человека в плаще с капюшоном. Конан понял, что это был какой-то шаман или колдун. В одной руке тот держал длинный посох,

увенчанный человеческим черепом, настоящим или выкованным из серебра — этого Конан не разобрал: так плотно покрывали страшный символ украшающие его драгоценные камни и золотые пластины. Обладатель посоха, что-то бормотавший и сыпавший в огонь какие-то вспыхивающие и дающие ароматный дым порошки и сухие листья, поднял голову, оторвавшись от своего занятия, и Конан увидел лицо человека, умудренного опытом и знаниями огромного количества прожитых лет. Шаман оглядел комнату и вернулся к своему делу, словно вторжение вражеских солдат его никак не касалось.

По другую сторону костра находилась еще одна примечательная фигура: высокая, красивая нетипичной для вендийских женщин красотой, стройная девушка, почти нагая, если не считать множества украшений на шее, руках и ногах. Двоих хонгов держали девушку за руки, и ее сопротивляющееся, вырывающееся тело походило на высокий язык пламени, пляшущий над затухающим костром. На лице девушки, не разомкнувшей губы для стона или крика, было написано безнадежное отчаяние.

Грозило ли молодой женщине сожжение, этого Конан не мог сказать наверняка. Но он нутром почувствовал, что дело здесь попахивает человеческим жертвоприношением. Удивил Конана и костер — пламя высотой по колено слишком равномерно слетало с уложенных многолучевой звездой коротких поленьев. Видимо, большую часть огня давали насыпанные в центре костра порошки и травы. При этом цвет пламени постоянно менялся — то его языки вспыхивали золотом, то становились солнечно-золотыми, золото сменялось серебром лунного света, а оно, в свою очередь, — почти прозрачными голубыми сплохами.

В несколько мгновений молодой хонг, бросившийся группе Конана наперерез, был изрублен солдатами чуть ли не в куски, киммериец воспользовался этим и метнулся к удерживаемой другими воинами-хонгами девушке. В это же время Юма, изрыгая проклятия на родном ему кушитском языке, безжалостно разделся с двумя противостоявшими ему защитниками храма, не оставив ничего ввалившимся за ним в комнату солдатам.

Один из державших девушку воинов отпустил тонкую руку своей пленницы и выхватил из-за пояса бронзовый тесак. Всего один раз столкнулся его клинок с ятаганом киммерийца. Второй удар тяжелого стального оружия перерезал хонгу горло, и несчастный, истекая кровью, рухнул прямо в костер. Его товарищ, не выпуская руку жертвы, потащил девушку куда-то в глубь комнаты. Увидев настигающего его великана киммерийца, он разжал хватку и бросился наутек куда-то за полускрытые в темноте колонны в глубине подземелья. Подбежав к упавшей девушке, Конан быстро оглядел ее, не обнаружив на ее теле ни явных ран или синяков, ни оружия. Тонкие пальцы вцепились в плечо киммерийца в молчаливой просьбе о помощи. Подняв женщину и убедившись, что она может стоять самостоятельно, Конан обернулся и взгляделся в то, что происходило в комнате за его спиной. Колдун, оторвавшись наконец от своего магического обряда, уже успел вывести из строя двух туранцев. Один, изрыгая ругательства, прыгал по полу и хлопал себя по телу руками, сбивая пляшущие по его тунике языки пламени. Второй пострадал более серьезно — он со стенами лежал на полу, и от его закрытого руками живота валил густой черный дым. Колдун же, ведомый под руку одним из оставшихся в живых хонгов, быстро удалялся куда-то в темноту, волоча за собой посох, из черепа на посохе все еще срывалось пламя — след выплетевших огненных шаров. Типичное, насколько представлял себе Конан, оружие не привыкших к стали клинка колдунов и чародеев.

— Вперед, туранцы! За ним! Это Моджурна! Убейте мерзкого старикашку!

Но немедленный погони не получилось. Юма и солдаты на какие-то мгновения задержались, одни — расправляясь с ранеными, но еще сопротивляющимися противниками, другие — наклонившись, чтобы помочь корчащимся от боли товарищам, ставшим жертвами огненных шаров, посланных колдуном.

Рывок Конана оказался остановленным вцепившейся в его руку девушкой. Не желая тащить за собой в опасную темноту безоружную слабую женщину, киммериец предпочел задержаться, чтобы освободиться от ее цепких пальцев.

— Да разрази тебя гром, женщина! — рявкнул Конан. — Дай мне расправиться с твоими мучителями!

Так и не успев разобраться, кого хотела защитить девушка — себя, его или убегающего колдуна, Конан сняхнул с себя ее руки и вместе с Юмой и еще двумя солдатами ринулся в погоню.

Преследование длилось недолго. Почти догнав убегающего шамана, Конан и его спутники рванулись вслед за ним в проход между алтарем и статуей какого-то божества. Там в стене открывался узкий лаз. Но сунувшийся туда первым Юма вдруг резко отпрянул назад, услышав угрожающий треск над головой. Он едва успел отскочить с того места, на которое в следующий миг рухнул огромный каменный монолит.

Короткий осмотр показал, что неподъемный каменный куб, приведенный в движение скрытым механизмом или колдовским заклинанием, надежно перекрыл путь преследователям.

— Отумба и Аджо! — помянул Юма богов своей родины, пнув ногой упавший камень и рубанув по нему ятаганом. — Стариk удра! Это был Моджурна, предводитель мятежников! Я уверен, Конан, это был он! Ладно, быстро наверх! Может быть, нам удастся перехватить его в джунглях!

— Вряд ли, ~ усомнился Конан, но поддержал предложение Юмы выбираться из подземелья. — Если этот колдун может двигать такие камни, то он вполне может захотеть отомстить нам, заперев в этом дьявольском храме навечно.

Повернувшись, Конан направился к перешедшей ему по праву победителя пленнице, которая стояла там, где он ее оставил. Взяв девушку за руку, киммериец повел ее к выходу. Совершенно раздетая, она спокойно шла, не смущаясь своей наготы перед поглядывающими на нее солдатами, занимавшимися связыванием легко раненных пленных хонгов и перевязыванием ран пострадавших от ожогов товарищей. Даже стонавшие раненые замолчали, не без интереса наблюдая за словно не замечающей никого молодой красавицей.

Проходя мимо догорающего костра, Конан нагнулся, собираясь взглянуть на останки сброшенного им в костер хонга. К его удивлению, несмотря на то что пламя не было очень мощным, а жаркие угли еще не успели образоваться на каменном ложе очага, человек, упавший в костер, успел сгореть полностью, оставив после себя лишь несколько бронзовых оплавленных застежек и обугленные крупные кости — позвоночник, ребра и череп.

— Опасное колдовство, клянусь Кромом! — пробормотал Конан, отходя от костра.

— Кром тут ни при чем. Это сделано именем Сигтоны, нашей богини, — негромко, но твердо произнесла девушка на правильном туранском, лишь с легким вендийским акцентом.

Отвернувшись от обгоревших останков своего соплеменника, она спокойно направилась к выходу из храма, облегченно добавив:

— Я рада, что мне не пришлось стать очередной жертвой ненасытной богине.

ГЛАВА 2. ЗНАК МОДЖУРНЫ

— Пропустите! Срочное дело к Повелителю!

Придерживая развевающиеся полы кафана, в которых то и дело норовили запутаться на бегу ноги, Асхар — ученик Верховного Колдуна — мчался по мраморным плитам, выстилавшим коридоры дворца. Не сбавляя скорости, он врезался в процессию бритоголовых, обнаженных по пояс евнухов и одетых в шелковые хитоны служанок, несших кувшины с водой и пачки выстиранного, благоухающего белья. Вслед молодому колдуну понеслись недовольные возгласы и оскорбительные выкрики самодовольных молодых людей — в конце концов, он был всего лишь учеником дворцового колдуна, а они служили самому великому королю.

Тем временем Асхар, чуть притормозив на повороте, свернул за угол и оказался на длинной галерее, шедшей вдоль одного из фасадов дворца. Слева, за ажурными решетками перил и изящными колоннами, открывался вид на Аграпур — столицу великого королевства Туран. Под палящим солнцем сверкали, словно зеркала расплавленного золота, купола храмов, огненными стрелами пронзали небо шпили минаретов, кроваво-красным огнем полыхали черепичные крыши. Вдали все это сливалось в медном зареве, дрожа и растворяясь в дыму десятков тысяч очагов, жаровен, печей для обжига и кузнецких топок.

Если бы не этот дым, Асхар мог бы рассмотреть на горизонте равнины и горы, принадлежащие Повелителю Турана. Но и без того юный чародей знал, что владения короля Иилдиза простираются так далеко, что с самой высокой горы не увидеть их границ даже в самый ясный день.

Вскоре Асхар вновь нырнул в сумрак и прохладу дворцового коридора, ведущего в сторону личных покоев короля. Перед высокими позолоченными дверями юноша остановился, тяжело дыша. В грудь ему уперлись лезвия двух алебард, скрещенных часовыми — одетыми в красные туники королевскими стражниками.

— Пропустите! — выдохнул Асхар. — У меня сообщение для Его Величества от Совета Мудрейших. Мне нужно передать королю...

— Хватит! — от хриплого окрика юноша чуть не подпрыгнул. При этом на иссеченном шрамами лице стражника не отразилось ничего — ни участия, ни раздражения. — Отправляйся в приемный зал и сообщи о своем деле евнуху Дашибит-бею. Если оно заслуживает внимания, тебя представят к аудиенции. Очередность определит Дашибит-бей.

— Но, господин... я хотел сказать, уважаемый стражник! Улутхан, Верховный Колдун, сказал мне, чтобы я...

Смущившись и вконец растерявшись, Асхар замолчал. Вдруг, хлопнув себя по лбу, он улыбнулся, быстро сунул руку за воротник кафана и зашарил рукой по груди, стараясь что-то нашупать. Стражники неподвижно и спокойно стояли перед ним, не проявив ни малейшего опасения по поводу того, что этот мальчишка мог вытащить из-под одежды какое-нибудь оружие.

Наконец Асхар вытащил на свет то, что искал. В его вытянутой вперед руке блеснуло золотом тяжелое чеканное кольцо на шелковом шнурке. Золотая печать застыла в воздухе перед глазами стражников.

— Двурогая раковина... знак Гильдии кхитайских колдунов...

Старший стражник перевел взгляд с Асхара на своего товарища. Тот понимающе кивнул. Владельцы печати Гильдии допускались туда, куда почти всем вход был закрыт, — даже к самому королю.

Не говоря больше ни слова, офицер стражи положил алебарду себе на плечо и, развернувшись, приоткрыл одну из тяжелых позолоченных створок огромной двери. Асхар

проскользнул вслед за ним, и в ту же секунду второй стражник затворил дверь за их спинами.

Асхар, с трудом спасая за тяжелым, широким шагом воина, осмелился лишь искоса осматривать роскошные залы, по которым они проходили. Радуга самоцветов, зеркальный блеск полированного мрамора пола и переливы шелковых подушек, резные колонны и тяжелые столы с золотыми ножками и столешницами из оникса — такого богатства молодой чародей никогда в жизни еще не видел. Тут и там в углах комнат стояли слуги — молчаливые и неподвижные, словно часть мебели. Не каждый вельможа мог позволить себе такую одежду, какая была на этих рабах. «И ведь это еще не сами царские покои, а только их преддверие», — подумал Асхар, затаив дыхание.

Его провожатый остановился и обменялся несколькими фразами с бородатым слугой, чей шикарный тюрбан свидетельствовал о высоком ранге его владельца. Затем все трое проследовали под резную арку и оказались в огромном помещении, напоминавшем зал для придворных балов. Правда, в этом зале пол спускался вниз широкими ступенями наподобие арены городского цирка.

На верхних ступенях сидели одетые в шелка евнухи и придворные — высшая знать Аграпура. На дальней стороне восседал на шелковых подушках сам великий король, у ног которого склонились две наложницы. Но даже больше, чем присутствие короля, Асхара поразило и заинтересовало действие, происходившее внизу, в центре арены.

Там в шутливой схватке сошлись две молодые красивые, хорошо сложенные девушки. Одна была вооружена печным ухватом, другая — камиными щипцами. Обе были босиком, но в рубашках и шароварах из тонкой полупрозрачной ткани, изодраных и перепачканных оружием соперниц. Видимо, целью поединка было сорвать с противницы одежду, изорвав их в клочья ухватом и щипцами.

Молодой колдун застыл, глядя на происходящее во все глаза. В этот момент одна из девушек — с черными как смоль волосами — сделала резкий выпад, и ее щипцы оставили изрядную дыру на шароварах соперницы, обнажив красивое бедро. Но и вторая — рыжеволосая — не осталась без добычи. Резко выбросив вперед ухват, она зацепила ворот рубашки брюнетки и одним движением почти оборвала рукав, предоставив зрителям любоваться изящным плечом и почти открытой грудью соперницы. Со стороны публики послышались возгласы одобрения и аплодисменты.

Неожиданно схватка прекратилась. Асхар, как и все присутствующие, обратил полный почтения взгляд на короля, наблюдавшего за приближением офицера своей личной стражи. По щелчу пальцев Йилдиза обе соперницы застыли, а затем беззвучно сели на нижнюю ступеньку арены.

Король Йилдиз, которого Асхар не имел раньше чести видеть так близко, оказался невысоким, худощавым, очень загорелым человеком. Подходя к нему, юный колдун тщетно пытался найти в облике Йилдиза признаки особого королевского отличия, печать высочайшего, почти божественного происхождения. Несомненно, его шелковое одеяние и туфли с загнутыми носками были великолепны, его ногти тщательнейшим образом подрезаны и покрыты лучшим лаком, а волосы великолепно уложены. Но оливкового цвета лицо, весь облик монарха — все несло на себе налет заурядности, обыденности, что никак не соответствовало тому, что ожидал увидеть Асхар.

— Ну, посланец, — король перевел взгляд маленьких темных глаз с коленопреклоненного стражника на застывшего истуканом колдуна, — что хочет мне сообщить Совет Мудрейших? Колдовское предупреждение о грозящем поражении в нашей южной кампании? Или какой-нибудь поворот в моей судьбе, увиденный нашими астрологами? — Йилдиз рассматривал Асхара с легким раздражением.

— Ваше Величество! — Словно молния вонзилась в голову колдуна, проклинающего себя за оскорбительные для Повелителя мысли. Асхар рухнул на колени перед королевской подушкой. — Великий Правитель! Простите меня, недостойного, за то, что я прервал ваши королевские мысли! — Пальцы молодого чародея скребли мрамор почти у самых носков королевских туфель, украшенных рубинами и вышитых золотом. — Мои мудрейшие наставники просили меня сообщить вам... Но я не смею беспокоить вас, Повелитель... — Его голос задрожал и оборвался вместе с последним движением трясущихся плеч.

— Ну, ну, я принимаю все извинения. Что за новости-то? Можешь встать.

Йилдиз нетерпеливо махнул рукой стражнику:

— Подними его.

— О Ваше Величество! — Асхар почувствовал, как могучая рука легко поднимает его за шиворот, отрывая от земли. — Мой учитель Улутхан сделал видимым изображение в волшебном окне... — Колдун прохрипел эти слова, все еще не отваживаясь поднять глаза и встретиться взглядом с королем. — Повелитель, меня просили передать Вам... Мы нижайше молим о Вашем светлейшем присутствии, Властитель Турана!

— Да неужели? — Йилдиз поспешил встал. — Хвала Тариму, наконец-то мои колдуны преуспели в этом. Буду счастлив лицезреть это чудо своими глазами.

От стены отделился один из слуг — с огненно-рыжей бородой — и, подойдя, водрузил на голову Йилдизу золотой тюрбан, изрядно добавлявший королю роста и значительности. Затем король поманил пальцем юношу и стражника:

— Идите за мной. Мы воспользуемся коротким путем. А состязания красавиц пусть продолжают услаждать моих гостей.

Не успели полураздетые соперницы вновь сойтись в потешном бою, как Йилдиз и его спутники покинули зал. Асхар совсем растерялся в череде комнат и охраняемых стражниками дверей. Наконец все трое оказались в длинном узком коридоре без окон, освещенном лишь свисающими с потолка масляными лампами в местах его пересечения с другими такими же сумрачными переходами. Асхар знал о том, что во дворце есть тайные ходы, которыми пользуется только король и его личная стража, но он даже не представлял себе их протяженности и разветвленности. Казалось, что эти коридоры, лестницы, узкие тоннели пронизывают весь дворец, проникая в его самые дальние уголки.

Неся в руках снятую с крюка лампу, стражник освещал им путь. Наконец после долгого подъема по винтовой лестнице они остановились у оббитой медью двери. Йилдиз достал из складок своего одеяния связку ключей и вставил один из них в замочную скважину. Скрипнув, дверь отворилась — за ней оказался зал Совета Мудрейших. Скрип громким эхом прокатился по залу, где в полном молчании предавались размышлениям колдуны и маги. Углы восьмигранного помещения тонули в тени. Там на старинных стеллажах лежали древние инструменты колдунов, их талисманы и свитки со священными заклинаниями. Центр же зала был залит солнцем, пробивавшимся сквозь прорези купола, под которым был установлен деревянный помост для наблюдения за звездами.

В комнате было несколько дверей и лишь одно окно на высоте человеческого роста. Перед ним стояли два человека — Верховный Колдун и генерал турецкой армии в форме и при оружии. Оба повернулись на звук открывющейся двери и, увидев входящего Йилдиза, застыли в глубоких поклонах.

— О Милостивейший, добро пожаловать! — Приветствующий — Улутхан — был высоким, статным человеком. На нем был надет черный бурнус члена Совета Мудрейших. Снятый капюшон спадал по его плечам и спине. — Мы призвали тебя, Повелитель, по причине, достойной твоего внимания. Сейчас Ваше Величество сможет увидеть наши заклинания в деле и

их результат.

— И вправду, о король, Улутхан и его ученики на этот раз не подвели нас. — Одетый в черную тунику генерал Аболхассан насмешливо кивнул в сторону колдуна, оскалив в улыбке желтые зубы под черными усами и крючковатым носом. — Похоже, что у нас теперь будет своя разведка южных территорий прямо здесь, во дворце.

Генерал повернулся, сверкнув знаками различия на тюрбане и рукавах и наградами на груди.

Предметом всеобщего внимания было окно. Уже издали вновь прибывшие были удивлены изумрудно-зеленым светом, шедшим из него, совершенно не похожим на бледно-золотые лучи солнца, пробивавшегося сквозь отверстия в куполе. Завороженный этим таинственным сиянием, Йилдиз быстро приблизился к окну. Вид, открывавшийся из него, не имел ничего общего с тем, что наблюдал Асхар, пробегая по галерее. Вместо огромного города глазам короля предстали тропические джунгли, густо-синее небо, шпили какого-то незнакомого храма и человеческие фигурки, двигающиеся у его подножия.

Как бы ни был огромен королевский дворец, любому зрителю было ясно, что он не мог простираться так далеко, чтобы выходить окнами на южный лес. Даже невозмутимый стражник с трудом подавил готовое сорваться с языка проклятие, поняв, что перед ним чистой воды колдовство. Окно было не более чем керамической рамой, вделанной в южную стену и покрытой плитой матового полированного хрустала. И выходило оно вовсе не в какой-нибудь внутренний двор с чудесным садом. Эти джунгли находились где-то далеко-далеко к югу от Аграпура.

— Действительно, великолепно! Отличная работа, Улутхан. — Король, подойдя к окну вплотную, кивнул улыбающемуся колдуна. — Я уже начал было сомневаться в силе ваших заклинаний. Но это зрелище вновь укрепило мою веру в тебя и твоих учеников. — Король ткнул пальцем в направлении человеческих фигур, едва видных сквозь густые заросли. — Непроходимые джунгли Венджипура! А это, как я понимаю, наши экспедиционные части, проводящие какую-то операцию?

Колдун довольно кивнул:

— Да, Ваше Величество. Чтобы достичь такого результата, мы работали много месяцев, переводя в это зеркало всю нашу астральную силу. Но долгое время, как вам известно, все наши усилия были напрасны. Враждебные заклинания колдунов противника не давали нам возможности получить это изображение. Но сегодня утром по причинам, еще не совсем нам ясным, заклятие вендицийцев ослабло. Воспользовавшись этим, мы усилили наше давление — и вот результат.

— Так ты не знаешь, что ослабило сопротивление?

— Нет, король. Но мы надеемся, что это вызвано смертью Верховного Шамана Моджурны. Если бы не его силы, вендиjsкие бунтовщики ни за что не смогли бы сопротивляться нашему колдовству.

Пока Улутхан говорил, изображение наклонилось и заскользило в сторону, заставив всех наблюдателей покачнуться и пошарить в воздухе руками в поисках опоры. Но вскоре все привыкли к ощущению движения, направление и скорость которого Улутхан регулировал, погружая пальцы в небольшую чашу с черным маслом, стоявшую на подставке перед ним.

Генерал Аболхассан подошел к Йилдизу и показал на приблизившиеся фигуры, пробивавшиеся сквозь джунгли.

— Эти люди — туранские солдаты. Один из лучших отрядов. Пол-луны назад я отправил в Вендию приказ, в котором указал на важность уничтожения Моджурны. Наверняка бойцы уже угубили этого несчастного шаманишку, развязав нам руки. Если нам станет доступной такая связь с Вендией, это существенно облегчит наши задачи. Да что там, тогда расширению нашей

империи не будет предела!

— И вправду. Но тогда я смогу вести эту войну и сам, без вашей помощи, генерал! — Едва удостоив Аболхассана насмешливого взгляда, Йилдиз завороженно глядел в волшебное окно. Повинуясь таинственным манипуляциям колдуна, туранский отряд все время оставался в поле зрения. Ближе всего к наблюдателям оказался замыкающий колонну воин огромного роста, внимательно оглядывающий джунгли, видимо, опасаясь погони.

— Этот великан — варвар с севера, не так ли? — спросил Йилдиз, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Из Ванахайма, похоже. Эти ребята роскошно выглядят в парадной форме. Жаль, что нечасто удается нанять таких.

Опасения замыкающего колонну воина-северянина оказались не напрасны. Из зарослей выскочили три тени, намеревающиеся окружить его. Клинок солдата сверкнул раз, второй, уложив на палую листву двух нападавших, затем описал широкий полукруг, отправив третьего вслед за ними. Не останавливаясь, одинокий победитель двинулся вслед за своим отрядом.

— Вот видите! — заявил Аболхассан. — Эти мятежники племени хвонг — никудышные бойцы. Наши королевские войска легко управятся с ними, — с помощью колдовства или без нее — это неважно. Все эти заклинания и чудеса — забавные штуки, но даже это окно немногим нам поможет: у нас ведь нет быстрой связи с полем боя. Мы можем только наблюдать за происходящим. — Генерал бросил взгляд на колдуна, молча шевелящего губами и старающегося не выпустить из поля зрения тропу в джунглях. — Почтовые голуби неплохо служили нам до сих пор. И, видимо, будут служить еще очень долго — если, конечно, наши чародеи не придумают чего-нибудь по-надежнее.

Йилдиз, похоже, не слушал генерала. Он глядел в зеленое окно с тем же вниманием, с каким недавно наблюдал потешный бой двух девушки на арене.

— Это просто восхитительно, Улутхан! Видеть, что происходит в этот миг за много дней пути отсюда! Я думаю, что это волшебство можно использовать, чтобы поднять воинский дух у нашей знати и склонить ее да и жрецов к одобрению этой кампании. Такое зрелище никого не оставит равнодушным! — Король улыбнулся, а затем рассеянно пожал плечами. — Нет, мы и так утвердимся в Венджипуре. Это лишь вопрос времени, и причем ближайшего. Но при помощи этого связующего звена между столицей и героическими воинами на границах империи мы сможем воодушевить всех сомневающихся в необходимости этой войны.

— Разумеется, Ваше Величество, отличная идея! — поддакнул Аболхассан не очень искренним голосом, а затем бросил через плечо Улутхану: — Ну а теперь, уважаемый чародей, я хочу напомнить, что судьба этого маленького отряда не является определяющим звеном успеха всей войны. Не могли бы вы теперь, когда наши герои сделали свое дело, убив шамана и предоставив вам свободу действий, показать нам главные ворота столицы Вендии — Венджипура? Я бы хотел взглянуть, как несет службу стражи на стене и у ворот. Поверьте, ничто так не отражает общий моральный дух армии, как... эй, что случилось?

Все пятеро присутствующих обернулись к мерцающему окну, по которому поползли серебристые клубы не то тумана, не то дыма, постепенно сгущающегося и скрывающего джунгли. Через несколько мгновений все окно оказалось затянутым плотной, непроницаемой пеленой.

В самом центре зеркала появилась какая-то черная точка. Пульсируя и увеличиваясь в размерах, она явно приближалась к наблюдающим с большой скоростью.

В тот момент, когда Асхар уже был готов отскочить с дороги таинственного предмета, тот остановился, заняв почти всю плоскость окна. На фоне клубящейся мглы из глубины зеркала на Йилдиза и его подданных смотрел огромный череп, отлитый или отчеканенный из серебра и украшенный драгоценными камнями. Его зубы были заточенными, как иглы, алмазами, в

глазницах сверкали кровавым огнем два больших рубина. Зеленые нефритовые и желтые топазовые пластины обрамляли страшную маску.

— Бисмиллах! — не сдержав проклятия, Улутхан взмахом руки опрокинул чашу с маслом. — Этот череп — личный знак Моджурны. Его талисман, фетиш. Да обрушит Тарим на него свои стрелы! Повелитель, примите мои извинения!

— Хм... это значит, что наш противник жив-здоров и вновь способен преодолеть все ваши заклинания? И так быстро? — Йилдиз с разочарованным видом перевел взгляд с окна на поникшего колдуна.

Тот вздрогнул, боясь поднять на короля глаза. Все присутствующие понимали, что означало разочаровать, пусть даже по вполне объективным причинам, человека с такой властью, как у короля Йилдиза.

Асхар, сам не веря своей дерзости, осмелился нарушить тишину и вступиться за своего учителя:

— Это очень сильное заклятие, Ваше Величество. Оно наложено или Моджурной, или очень сильным его учеником, я так думаю.

— Я полагаю, что это дело рук самого Моджурны, — добавил Улутхан. — Я чувствую его волю, исходящую от этого черепа. Видимо, подчиненным генерала не удалось уничтожить его.

— Провались ты со своими догадками! — В отличие от короля, Аболхассан немедленно перевел разочарование в гнев. — Я не вижу причин, чтобы упрекнуть моих людей, пробравшихся в самое логово противника в глубине его территории. Зачем вообще нужны все эти ваши многозначительные заклинания, если какой-то вонючий колдунишка, жгущий свои травки и жующий дохлых тараканов, может запросто рассеять их, как только это придет ему в голову!

— Вы слишком поспешны в своих суждениях, генерал! — Улутхан, все еще стоя рядом с перевернутой чашей, виновато взглянул на череп через плечо. — Не забывайте, что залив Сахиба находится далеко, очень далеко от Аграпура. Наши тайные силы произрастают здесь — в вере нашего народа в Тарима, в священных храмах и древних магических реликвиях; мы черпаем силу даже в священных камнях этого дворца. Эти силы могущественны, но не всемогущи. Чем дальше от Турана, через Холджийские горы, в южные джунгли, — тем слабее мы и тем сильнее наш враг!

— Жалкие оправдания! — Генерал самодовольно глянул на короля, а затем снова обратился к колдуну: — Вам, Улутхан, и вашей компании были предоставлены все запрошенные вами средства и условия... и даже больше. Причем вопреки мнению многих из нас. Вы получили все возможности, чтобы проявить себя! И что же? Получается, что могущественнейшая империя в мире не может воздействовать своей невидимой силой на какую-то банду дикарей из джунглей и невежественных крестьян-рисоедов?

— Генерал Аболхассан! — Голос Йилдиза, негромкий, но решительный, приструнил разошедшегося воина. — Не подобает вам так расстраиваться и гневаться тогда, когда ваш король сохраняет спокойствие. Ведь в любом случае победа в Вендии не за горами? Не в этом ли меня уверяли мои советники, и вы в том числе?

Король кивнул колдуну и направился к двери:

— Когда я сочту нужным отчитать Улутхана, я сделаю это сам. А пока что, надеюсь, он приложит все усилия для достижения успеха в своем деле.

— Безусловно, Ваше Величество! — Скрипя зубами, генерал коротко кивнул колдуну и проследовал за Йилдизом и стражником в коридор. Асхар и Улутхан проводили ушедших взглядом и неподвижно ждали щелчка замка. А в спину им ухмылялся, испуская зловещее мерцание, оскаленный череп.

ГЛАВА 3. ФОРТ ШИНАНДАР

По мере того как солнце поднималось все выше, жара становилась просто невыносимой. Пылающее светило, словно борец-тяжеловес, всем весом своего тела давило на противника, сгибая его, распластывая, прижимая к раскаленной земле.

С самого приезда в Вендию Конан не уставал удивляться контрасту между влажной, липкой духотой джунглей с плотной пеленой зловонных испарений и испепеляющим зноем военных городов и поселков. Придя на эту землю, завоеватели расчистили участки земли, убрали с них не только деревья, но и все кусты и лианы, а затем отгородились от джунглей частоколами. Голая земля в лагере каждый день к полудню покрывалась трещинами, осыпалась сухой пылью, и так до вечера, когда ветер с залива Сахиба приносил черные тучи и ливень превращал высохшую твердь в липкую грязь.

Ближе к полудню даже отраженный от земли жар становился нестерпимым. Конан передвинул свой табурет подальше в тень от тента над солдатской столовой. Но при этом он позаботился о том, чтобы склонившиеся над игральными костями солдаты и сидящие тут и там венджипурские кабацкие девчонки не закрывали ему вид на выход из штаба на другой стороне двора. Прислонившись к одной из опор тента, Конан неспешно потягивал пиво из большой кружки, краем уха слушая усевшегося рядом Юму.

Чернокожий великан, по своему обыкновению, недовольно бурчал:

— Не больно-то расщедрился капитан Мурад за набег на это логово демонов. Нет, Конан, нельзя быть таким честным. Зачем ты сказал капитану, что старый шаман сбежал? — Черный воин улыбнулся, в тени холста его зубы и белки глаз казались желтыми. — Нужно было отрезать голову самому тошнотворному из его охранников. После такой прогулки она сошла бы за голову любого колдуна. А там, глядишь, отпуск на недельку дали бы. Съездили бы в столицу Венджипур, отдохнули бы...

Конан покачал головой и положил руку на плечо друга:

— Нет, приятель, эта старая лиса — слишком опасный враг, чтобы вот так запросто шутить с ним. Если начальство будет думать, что он мертв, они тут сразу такого нагородят, таких операций напридумывают... А кому потом расхлебывать? Опять нашему брату... — Киммериец отхлебнул из кружки. — Видят боги снежных вершин! Вендия — гнилое место! Я нанялся сюда, потому что служба на юге казалась мне нетрудной. А теперь не знаю, как прожить день до заката.

— Да, Конан, тут ты прав... А помнишь, казалось, что Вендия — отличное место, чтобы сделать карьеру? — Зубы Юмы вновь сверкнули в широкой улыбке. — Но здесь все эти крючконосые офицеры-аристократы, рожденные только чтобы командовать. — Он презрительно сплюнул. — Если вся эта братия сидит в фортах и носа не высывает, — откуда же взяться вакансиям для нас? Нет, лучше об этом и не думать. — Кушит рассеянно оглядел всех находящихся под навесом. Его взгляд задержался на настоящем великане, превосходившем ростом даже Конана и Юму. Подойдя к нему, Юма спросил: — Ну а ты, Орвад? Ты-то как оказался здесь, в форте Шинандар?

Солдат, к которому он обратился, был настолько велик ростом, что его всклокоченные волосы доставали до парусины палатки над головой. Густые черные кудри неестественно гладко лежали по одну сторону лица, выдавая отсутствие уха, потерянного в каком-то бою, наверное еще в юности. Никто не осмеливался расспросить Орвада, чтобы выяснить подробности этого дела. Оставшиеся части головы, хотя и изрядно попорченные шрамами, выдавали в нем уроженца Турана или, возможно, Гиркании. Орвад, не торопясь с ответом, сначала долго глядел

на Юму, морща изувеченный лоб, а затем сообщил:

— Я убил одного трактирщика в Султанапуре. Этот парень хотел подсыпать мне в вино сонного порошка, а потом стянуть мои деньги. Потом пришлось убить кой-кого из родни трактирщика: они собирались отомстить мне за родственника. А потом — нескольких городских стражников, которые хотели помешать мне разобраться с ним. — Орвад задумчиво нахмурился. — Когда я вернулся в гарнизонную казарму, меня вызвал комендант и сказал, что если уж мне так нравится убивать людей, то самое мне место — в Вендии. Вот я и вызвался сюда. — Великан опустил глаза и покачал головой с чисто детским разочарованием. — Но комендант не сказал, что мне здесь некого будет убивать, кроме этих хвонгов — вонючих лесных мартышек. Это совсем не то же самое, что убивать людей!

Это замечание вызвало бурю шумливого сочувствия со стороны сидевших в палатке. За грубым мужским хохотом вскоре последовал и легкий женский смех — это солдаты перевели речь Орвада своим подружкам. Орвад подозрительно оглядел присутствующих, подозревая скрытую насмешку. Его глаза налились кровью, руки сами собой скжались в тяжелые кулаки...

Но тут Юма легко похлопал его по плечу и сказал:

— Ну да, Орвад, ты абсолютно прав. Здесь все думают точно так же. Но все-таки убивать хвонгов не то чтобы уж совсем легко. По крайней мере можно поразмяться...

Солдаты снова покатились со смеху, увидев, как Орвад расплывается в улыбке и кивает Юме в знак согласия. Кушит еще раз хлопнул великана по плечу, заказал ему кружку пива и вернулся к Конану. Киммериец, слушая все, что говорили в палатке, не отрывал глаз от деревянного здания в глубине двора.

— Даже костолому Орваду не нравится эта война, — пробормотал Юма, усаживаясь рядом с ним. — Интересно, найдется ли на свете хоть один чурбан, которому была бы по душе служба в Вендии?

— А почему нет? — возразил Конан и кивнул в сторону стола, за которым несколько солдат сидели, вдыхая желтый дым из длинных тлеющих трубок. — Не забывай, для любителей лотоса эта страна — настоящий рай. Все старые вояки, давно живущие здесь, рано или поздно привыкают к этому зелью. Кто знает, может быть, и мы с тобой в один прекрасный день полюбим Вендию всем сердцем!

Мягкий, негромкий голос раздался за их спинами:

— Иногда, братцы, я думаю, что все мы здесь только ради торговцев лотосом. — Стройный молодой солдат по имени Бабрак на правах старого приятеля влез в разговор Конана и Юмы. — В хайборийских странах экстракт красного и пурпурного лотоса стоит бешеные деньги. Вместе с другими дурманящими травами этот товар стал одной из основных статей дохода в туранской торговле. Негоже это для страны, клянущейся в вере в законы Тарима!

— И не говори, — буркнул Конан, не отрывая глаз от видневшегося за фигурами солдат выхода из здания штаба. — Я пробовал лотос, и не по своей воле — как обезболивающее. Нет, такие штучки не по мне: еще не хватало — себя не помнить.

— И не по мне, — весело улыбаясь, подхватил Юма. — В моей стране черный лотос был табу, но многие колдуны и ведьмы из других стран готовы были рисковать жизнью в джунглях, лишь бы заполучить его.

— Печально, — заметил Бабрак. — Да будет вам известно, что истинные последователи пророка отрицают любые наркотики как средство получения удовольствия и как способ достижения божественной благодати. — В руках молодого воина оказался походный свиток с главными изречениями пророка Тарима. — В таких проклятых странах, как эта, важно быть крепким в вере, чтобы защитить свою душу, научиться отвергать соблазны и искушения. Если вы когда-нибудь решите обратиться к вере Тарима...

— Да, да, это хорошая вера, вера настоящих бойцов, — поспешил согласиться Юма. — Вот и постараюсь пронять ею своих соплеменников-туранцев. Особенно этих трусов офицеров. А что касается меня — я уж лучше останусь верен богам моих предков.

— А ты, киммериец? — Холодные серые глаза Бабрака остановились на Конане. — Какого бога почитаешь ты?

— Я верен Крому и его яростным сыновьям со снежных северных вершин... — ответил Конан, но тут же прервал сам себя: — Стойте-ка. Мне пора. Похоже, допрос закончен.

Остальные вслед за ним взглянули на двух офицеров в сверкающих касках, вышедших из дверей штаба. Конан встал и направился к выходу. Его друзья поспешили за киммерийцем. Прочие солдаты тоже повернули головы в сторону бревенчатых стен штаба, ожидая хоть чего-нибудь интересного, что можно было бы обсудить, коротая время до обеда.

Двое солдат из местных жителей выволокли из штаба за ноги двух мертвых пленников из дальнего храма. Окровавленные трупы уложили в запряженную мулом телегу. В это время на пороге появился палач — плотный высокий человек с медно-красной кожей, с татуировкой, покрывающей щеки и бритую макушку. Конан знал, что это Сул, один из евнухов губернатора и командующего королевскими войсками Венджипура Фанг Луна.

Из тени за спиной Сула сделала шаг вперед Сария, которую евнух крепко держал за руку. Одним легким движением Сул вытолкнул ее вперед, заставив упасть на колени в пыли двора. От резкого толчка с плеч невольницы слетел тот кусок ткани, который ей дали ее похитители, чтобы девушка могла прикрыть свою наготу. И теперь она вновь оказалась обнаженной под взглядами десятков глаз. Щурясь от яркого солнца, она медленно встала на ноги и подняла свое одеяние. По толпе пронесся вздох удивления. Судя по всему, Сарию не пытали, и, к облегчению Конана, ни один из офицеров, а уж тем более евнух, не заинтересовался ею как женщиной. Киммериец сделал шаг вперед и позвал ее:

— Сария! Девочка, иди сюда, я найду для тебя подходящее место!

Не успела она поднять свои прекрасные глаза, как между нею и Конаном встал другой человек — жилистый, худощавый, дочерна загорелый, одетый в дорожную кожаную куртку без рукавов и кожаные шаровары. Из-под пропыленного тюрбана на выдубленное солнцем лицо спускались черные пряди. Длинный изогнутый кинжал висел в ножнах на его ремне, а рядом через ремень была перекинута тонкая ленточка из красного шелка — знак принадлежности к одному из элитных отрядов убийц-одиночек, в чьи обязанности входили долгие переходы по занятой врагом территории.

Конану этот парень был незнаком. Впрочем, знакомиться и не стоило. Репутация всех бойцов этого отряда говорила сама за себя лучше всякого имени. Киммериец сделал еще один шаг к Сарии, но человек с красной повязкой на поясе снова встал между ними:

— Ты куда так торопишься, сержант? Разве не знаешь, что, не считая высших офицеров и генералов, мы, Красные Повязки, первыми получаем всех женщин? — Тон, которым были произнесены эти слова, был убийственно ироничным. При этом солдат-убийца, не меняя спокойного выражения лица, смерил взглядом Конана, прикинув, насколько серьезен его соперник.

— Проваливай, приятель. — Голос Конана был глух, но ясен. — Этую девчонку я захватил в бою там, куда ни один из вашей компании даже не сунулся бы.

Ее оставили мне. И я не собираюсь делиться добычей. Пошел отсюда!

— Это что — приказ? Слушай, ты, варвар с северных гор. Ты не подумал, что за такие слова отвечать придется? Ты посмотри — звания у нас, конечно, одинаковые. Но член-то у меня длиннее! — Солдат с красной повязкой оглядел толпу зрителей, окружившую их. Из толпы раздались подобострастные смешки. — Ты, должно быть, и есть тот невежа, любимчик капитана

Мурада. Ты здесь недавно, сержант, так посмотри вокруг: видишь — твои люди уже смеются над тобой. Ты затеял скандал со мною, а значит, добровольно записался в мертвцы. Теперь за твою жизнь никто и гроша не даст. Так что знай свое место, сержант, — я тебя предупреждаю, — или ты здесь, в Венджипуре, быстро ноги протянешь!

Сделав шаг, воин с красной повязкой положил руку на плечо Сарии и на глазах Конана погладил ее. Многие зрители покатились со смеху, наслаждаясь позором варвара, назначенного их командиром. Самые дерзкие даже строили киммерийцу рожи, выглядывая из-за плеча его соперника.

— Не волнуйся за девчонку, сержант! — раздались голоса из толпы. — Через несколько дней она все равно окажется среди остальных девок в форте. Тогда, глядишь, и до тебя очередь дойдет!

Взрыв хохота последовал за этой репликой. В этот миг Конан одним почти неуловимым движением встал между соперником и девушкой, которая от неожиданности чуть не упала на спину. Не меньшей неожиданностью этот прыжок оказался и для зрителей. В какой-то миг на том месте, где стоял Конан, просто никого не оказалось — лишь черная молния, вонзившись между девушкой и солдатом, приобрела вид Конана, стоящего в боевой стойке с кинжалом в руке. Но каким бы быстрым ни было это движение, оно не застало врасплох противника. Доказательством этому служила кровоточащая рана на левой кисти киммерийца. Второй воин также принял боевую стойку, совершенно незнакомую Конану. Лезвие изогнутого кинжала разведчика-убийцы было испачкано кровью.

— Видишь, северянин, как быстро все происходит в этой южной стране. Кобра кусает быстро, а мангуст — еще быстрее. Если бы ты не высовывался, то, глядишь, и дожил бы до того, чтобы стать достаточно проворным. Но, увы, тебе уже поздно набираться ума.

Все сказанное послужило лишь ширмой для приготовлений убийцы. Два легких движения ступнями — и он что-то вогнал пальцами ног в носки сандалий. Ножи на ногах, понял Конан, — слишком поздно, чтобы что-то с этим поделать. Оставалось принять бой на условиях противника.

Конан слышал об этом оружии — небольших острых клинках, спрятанных между стопой и подошвой, которые можно было зажать первым и вторым пальцами. Умением пользоваться этим оружием славились воины южных стран. Лезвия, показавшиеся из сандалий противника киммерийца, были бронзовыми, в форме листа, с глубокими гравированными канавками. Вполне могло оказаться, что они отравлены.

Зрители сбились в плотный круг в ожидании поединка. Почти никто не заключал пари. Большинству исход боя представлялся ясным. Конан заметил, что Юма и Бабрак встали рядом с Сарией, угрожающе положив руки на рукоятки своих кинжалов — на тот случай, если какой-нибудь шутник задумал бы отвлечь Конана, привязавшись к девушке. Мысленно поблагодарив друзей, Конан напрягся, чтобы встретить первый натиск противника.

Разведчик-убийца выхватил второй кинжал из-за спины, обеспечив себе по железному когтю на каждой конечности. Согнувшись, как лук, он вдруг бросился на Конана, словно сверкающее стальными спицами колесо смерти. Удар одной ногой, второй, затем обеими руками в голову и живот... Всё в полном молчании, лишь с хриплым выдохом.

Киммериец, понимая, что вряд ли может отразить одним кинжалом дюжину ударов под разными углами, решил великодушно уступить противнику дорогу. Шаг в сторону — и вот уже тот, сверкая кинжалами, проскочил мимо, меряя двор акробатическими кувырками и пирами. Его движения были в немалой степени рассчитаны на публику и отработаны скорее всего в кабацких стычках. Вряд ли он выделявал такие коленца в настоящих боях в джунглях.

Сначала Конан решил предоставить противнику напрыгаться вволю и подождать, пока тот

устанет. Но, заметив нездоровий блеск в его глазах, понял, что ждать придется очень долго — наркотики могли, подтачивая общее здоровье, на некоторое время сделать человека практически неутомимым. Размышая об этом, Конан методично отбивался от тех ударов, которые могли достать его, стараясь уходить в сторону с линии атаки.

Неожиданное изменение ритма чуть не застало Конана врасплох и не стоило ему жизни. Киммерийцу пришлось упасть на землю и откатиться в сторону. Раздались крики зрителей, уже предвидевших конец поединка, но через мгновение все увидели Конана, стоящего на ногах, целого и невредимого.

Единственная рана на кисти, нанесенная ему противником в самом начале схватки, почти перестала кровоточить. И именно из этого кулака полетела в лицо противнику горсть пыли, схваченной Конаном в момент падения. В тот же миг сильнейший удар ногой добавил неприятелю скорости, и тот со всего размаху влетел в толпу зрителей. Раздались крики двоих, раненных кинжалами убийцы, и недовольные возгласы тех, кто отделался лишь ушибленными лбами и отдавленными ногами. Затем по толпе пронесся шепот: это самые Нетерпеливые, уже усомнившись в исходе поединка, стали заключать пари, ставя на Конана.

Не дожидалась, пока противник вновь станет в стойку, Конан ринулся вслед за ним и успел подскочить вплотную. Два тела покатились по земле. Руки вцепились в руки, ноги закрывали животы от пинков противника. В ближнем бою, где все решалось силой мышц, противник Конана потерял свое преимущество в количестве клинков. Наоборот, киммериец даже надежнее и тверже мог опереться в землю ступней, не мешая себе дополнительным ножом.

Чтобы крепко схватить и удержать руки противника, Конану пришлось выпустить кинжал. Но вскоре, сжимаемые его могучей хваткой, разжались и руки убийцы с красной повязкой. Некоторое время зрителям все еще казалось, что, находясь наверху в этом узле из двух тел, разведчик-убийца одерживает победу. Но мало-помалу всем стало понятно, что его спина все сильнее прогибается самым неестественным образом. Упервшись в землю плечами и головой, зажав ноги противника железными клещами своих ног, Конан продолжал давить. Вот уже гримаса боли исказила лицо его противника, в какой-то момент он был бы рад сдаться, но ни единого звука уже не могло вырваться из передавленного горла. Еще несколько мгновений безумных конвульсий, и вдруг в тишине раздался короткий громкий хруст. В этот миг воин с красной повязкой вздрогнул и затих.

С трудом разжав руки, киммериец сбросил с себя неестественно согнутый труп и, превозмогая боль, встал на ноги. Полная тишина повисла над фортом. Молчали не только солдаты, но и офицеры, прибежавшие на шум поединка да так и застывшие, не в силах оторвать взгляда от схватки двух настоящих бойцов.

Оглядевшись и убедившись в том, что больше вокруг нет желающих помериться с ним силой, Конан медленно подошел к Сарии и, обняв ее, поцеловал в подставленные губы. Хотя и без этой демонстрации прав на девушку вряд ли кто-нибудь из присутствовавших посмел бы прикоснуться к ней.

Взглядом заставив толпу расступиться, Конан взял Сарию за руку и пошел к выходу из форта в сопровождении своих друзей.

— С этой минуты будь трижды осторожен, — негромко сказал Бабрак. — Ты теперь враг Красных Повязок, а они готовы уничтожить любого, поднявшего руку на кого-либо из их банды.

— Действительно, Конан, — невесело усмехнулся Юма. — Тебе обязательно нужно было убивать его при всех? Вряд ли я теперь могу считать себя в безопасности, числясь твоим другом.

Завернув за угол казармы, все четверо ускорили шаг.

— Драки было не избежать, если я хотел спасти жизнь Сарии. А теперь каждый, кто захочет причинить ей зло, будет знать, что ему придется иметь дело со мной. — Конан вел компанию к

воротам внутреннего частокола. — Мы можем снять домик в деревне у форта, где живут офицеры со своими женами. — Он положил руку на плечо Сарии и добавил: — Нравится или не нравится тебе это, девочка, но мы снова вместе. Только не волнуйся, я обещаю, что не трону тебя против твоей воли.

Сария аккуратно взяла его раненую ладонь в свои руки и сказала:

— Бедный мой, раненый король-мангуст. Ничего, мы это вылечим в два счета. — Глаза девушки встретились с глазами киммерийца. — Во всей Вендии нет воина сильнее и благороднее тебя, Конан. И поверь, я сумею доказать тебе свою благодарность.

ГЛАВА 4. СЕРЕБРЯНЫЙ БАССЕЙН

Удар гонга эхом прокатился по аркам и отразился от колонн одного из залов королевского дворца. Стражник с алебардой дождался легкого кивка короля и только тогда растворился в полумраке завешенной тяжелыми портьерами входной арки. Через мгновение генерал Аболхассан, о чьем визите и сообщил удар гонга, неохотно вошел в зал.

— Ваше Величество, новости, которые я хотел сообщить вам, не столь уж важны. Я не знал, что вы... э-э... заняты. Если вам будет угодно, я могу зайти попозже...

— Ни в коем случае, генерал! Я требую, чтобы вы остались. — Иилдиз обратился к посетителю со своего ложа в центре зала, где он полулежал в компании двух Жен из своего гарема. — Проходите и рассказывайте о вашем деле.

— Повелитель, я только хотел сообщить данные разведки из Вендии, они связаны с последней неудачей Улутхана... Но это вовсе не так срочно и может подождать. — При взгляде на то, как отдыхает король, генерал смущился и потупил взгляд.

Ложе короля представляло собой тонкий матрас, обтянутый бархатом, который плавал по широкому, наполненному ртутью бассейну с бортиками, отделанными мрамором. Сверкающий металл, по глади которого не пробегала ни единая полоска ряби, без труда удерживал на плаву матрас с королем и двумя его женами, лежащими одна рядом с ним, а другая в его изголовье. На обеих оставалось куда меньше одежды, чем положено женщине из королевского гарема перед глазами постороннего мужчины. Но ни одна из женщин не сделала ни единого движения, чтобы укрыть свое почти обнаженное тело. Они словно не заметили появления в зале генерала и продолжали ласкать Иилдиза как ни в чем не бывало. К счастью, король все-таки удосужился прикрыть срам шелковым покрывалом.

— Не смущайтесь, Аболхассан. Мне ваше присутствие ни в малейшей степени не мешает. — Иилдиз слегка повернул голову, обращаясь к генералу. — В конце концов, мне так часто приходится заниматься сразу несколькими делами... Что поделаешь — таково бремя власти. Да что вам объяснять... У вас у самого дел по горло... Так что садитесь и угощайтесь вином, если желаете.

С этими словами король подтолкнул к генералу золотой поднос с хрустальными чашами и кувшином. Поднос легко заскользил по неподвижной серебристой глади бассейна, неторопливо крутясь, пока не уперся в стенку.

— Благодарю вас, господин. — Аболхассан сел на мраморную скамейку у края бассейна и даже не протянул руку к подносу. — Я буду краток, повелитель. Из форта Шинандар сообщают, что наш рейд в джунгли не достиг своей цели — Верховный Шаман Моджурна жив. Солдаты прервали какой-то зловещий ритуал в его логове, но мерзавец сбежал не то при помощи хитрости, не то — своих заклинаний. — Говоря все это, генерал старательно рассматривал узор на мраморной плитке у себя под ногами. — К сожалению, господин, следует ожидать, что зловредное влияние этого колдуна на мятежников сохранится, а следовательно, они и дальше будут упорствовать в неразумном сопротивлении власти Вашего Величества в Вендии. Прискорбно, но это так, господин. И большое спасибо за то, что вы меня выслушали.

Аболхассан встал, чтобы уйти, но был остановлен голосом Иилдиза:

— Рейд в джунгли, вы сказали?.. Это не тот, что мы наблюдали в тот день сквозь волшебное окно Улутхана?

Генерал неохотно повернулся и кивнул:

— Да, Ваше Величество, это был тот самый рейд, которым командовали два наемных сержанта — Конан и Юма. — Аболхассан даже не предполагал, что говорить под бесстыдным

взглядом королевской наложницы, продолжавшей ласково поглаживать живот своего господина, может быть так трудно. — Он прокашлялся и добавил: — Это была моя ошибка, господин. Я должен был назначить командиром кого-нибудь из офицеров-аристократов.

— Конан — да, северное имя. Если не ошибаюсь, он из Асгарда или Ванахейма... — Йилдиз устроился поудобнее на своем ложе, напомнив генералу единственного петуха, живущего в переполненном курятнике. — Но какое впечатляющее зрелище — этот варвар в бою! Нам не хватает здесь при дворе некоторой доли этой дикой свирепости и храбрости. Нужно вдохнуть боевой дух в наших придворных. Знаете, генерал, у меня частенько возникает ощущение, что евнухи в большинстве своем не очень-то пылко поддерживают нашу южную кампанию. Вам это не приходило в голову? Да и некоторые аристократы и придворные, и к тому же их старшие жены тоже зачастую неодобрительно высказываются об этой войне. Ну что ты будешь делать, если даже в собственном дворце царит уныние и не чувствуется боевого азарта!

— Позволю себе напомнить, Ваше Величество, — почти насильно задержанный своим Повелителем, Аболхассан в раздражении решил напомнить Йилдизу то, что самому ему казалось очевидным, — абсолютный монарх сам определяет настроения своих подданных. Несколько сосланных придворных, аресты, десяток отрубленных за пораженческие настроения голов, парочка колесований — и, глядишь, ваш двор и вся страна преисполнятся такого боевого духа, который не снился и диким варварам.

И хотя ласкающие короля женщины словно не слышали этой кровожадной речи генерала, Йилдиз покосился на них и недовольно поежился.

— Да, мой дорогой Аболхассан, вы совершенно правы. Но я предпочитаю, чтобы жизнь двора шла своим чередом. Не забывайте, мы очень зависимы от евнухов как от администраторов. Смятение в их умах немедленно отразится на управлении всей страной. — Йилдиз перевернулся на живот, подставив спину ласкам двух пар рук с ярко накрашенными ногтями. — Да и знать тоже имеет свои веками выработанные свободы и привилегии. Нет, я не хотел бы иметь более кровавую войну в собственном городе, чем та, которую мы ведем в Венджипуре. И потом, если я и вправду абсолютный монарх, — разве не должен я решать все проблемы, опираясь в основном на силы разума?

— На разум или еще на что-нибудь, мне все равно. Как вам больше нравится! А теперь, если я вам больше не нужен...

— Нет, нет, генерал. Еще минуту-другую. Я приношу свои извинения за то, что, наслаждаясь и отдыхая сам, не предложил вам подобного развлечения. Присаживайтесь и отдохните так, как сочтете нужным.

Не вставая, Йилдиз щелкнул пальцами и сделал легкое движение рукой. Тотчас же в зал вошла одна из бесчисленных королевских наложниц — красивая, совсем юная, одетая в дорогие шелковые шаровары и короткую, расшитую жемчугом куртку. Спадающие на миленькое лицико черные как вороново крыло волосы были перехвачены на голове обручем из чистого золота. Не говоря ни слова, девушка подошла к генералу и положила руки ему на плечи. Резко дернувшись, Аболхассан сбросил с себя ласковые женские ладони.

В это время Йилдиз, прокашлявшись, сказал:

— Ну, генерал, а теперь — снова к делу. Пытаясь доказать своим подчиненным важность и нужность Вендейской войны, я вынужден выслушивать и их доводы. И мне хотелось бы послушать вас — человека опытнейшего в военных вопросах, — что вы скажете в ответ на их претензии?

Несмотря на постоянные настойчивые ласки своих двух жен, Йилдиз вовсе не казался расслабленным или рассеянным. Несомненно, он умел противостоять если не трудностям, то уж наверняка искушению наслаждением. Речь короля была столь же точна и хорошо выстроена, как

если бы он произносил ее, сидя на троне перед советниками.

— Итак, генерал, один из их основных доводов таков: непомерные расходы, причем не на саму войну, а на поддержание роскошной жизни сколачивающих целые состояния королевских военных и гражданских чиновников. Мне говорят, что большая часть караванов с оружием, снаряжением и продовольствием не доходят до гарнизонов, как и деньги, выделяемые для их обустройства. Все это бесследно исчезает по дороге. Разумеется, мы-то с вами понимаем, что некоторые, скажем так, неточности в распределении казенных средств являются своеобразной смазкой, обеспечивающей плавный ход всей государственной машины. Я пытался объяснить им это, но критики заявляют, что речь идет уже о совершенно обратном положении вещей, когда до цели доходит лишь ничтожная часть выделенного.

— Какая дерзость, Повелитель! Кто осмелился выдвинуть такие безответственные обвинения? Этот лжец и предатель заслуживает четвертования, дыбы, самой мучительной казни! Но я все равно назначу расследование... — Тут генерала прервало легкое щекотание ласковыми пальцами за ухом. Дернув плечом, Аболхассан чуть не уронил сидевшую рядом девушку. — И если обвинения подтверждаются хотя бы в малейшей степени — я клянусь, что виновные понесут жесточайшее наказание.

— Великолепно, генерал! Теперь я с большей уверенностью смогу вести дискуссию по этому поводу и даже ссыльяться на вас. Второй пункт, несомненно связанный с первым, это вопрос о нашей дипломатии в Вендии. Критики утверждают, что на наши деньги мы поддерживаем там не те силы, которые реально смогут управлять этой страной под нашим протекторатом, а напротив — преступные кланы, мелкие банды, интересы которых на самом деле не имеют ничего общего с нашими. Что вы скажете по этому поводу?

— Невероятно, Повелитель! — Аболхассан наконец-то смог отделаться от навязчивых ласк наложницы, сильно ущипнув вскрикнувшую девушку за руку. — Разумеется, я сам не бывал в Вендии. Но я готов поклясться, что выбор союзников сделан безупречно. Наши союзники в этой стране — это местные военачальники, потомки древних родов народов-завоевателей, исповедующие те же принципы аристократии и единоличной власти, по каким вы, Ваше Величество, правите нашей страной.

— Отлично, Аболхассан! Я запомню ваш довод. — Повернувшись, Йилдиз внимательно посмотрел на генерала. — Я вижу, вы отказываетесь от тех скромных удовольствий, которые я могу предложить вам. Может быть, вам не нравится эта девушка? Я могу позвать другую — с более крупными формами или, быть может, более опытную?

— Нет, господин! — Аболхассан вскочил со скамьи, потемнев от злости на задающего столь бесстыдные вопросы. — Просто я привык к суровым походным условиям, Повелитель, — узкое жесткое ложе одинокого воина, так это называют. А удовольствия — от случая к случаю, где-нибудь в караван-сарае накануне сражения или — еще лучше — среди развалин и пожаров взятого города.

— Понятно, — кивнул Йилдиз. — А может быть, вы предпочтете юношу? — Увидев резко побледневшее лицо генерала, его словно сведенные судорогой челюсти, король поспешил добавить: — В общем, как вам будет угодно. Если надумаете — всё в вашем распоряжении. — Чуть заметным жестом он отоспал наложницу прочь и продолжил: — Последний и наиболее серьезный довод, который большинство из критиков войны даже не решается высказать мне в лицо и о котором я знаю через своих тайных агентов, состоит в том, что вся Вендиjsкая война — лишь повод для самореализации военных. Причем не на поприще снискания славы королевству, а в деле укрепления своей касты за счет ослабления людей власти. Разумеется, верность офицеров моего штаба не подлежит сомнению. Но все же я встревожен. Скажите, откуда вообще мог пойти этот страшный слух? Не связано ли это с большим количеством

иностранных наемников, целых иностранных полков, появившихся в наших войсках? А может быть, дело в распрях внутри самого королевства? Нет ли у вас сведений о каких-то планах восстания в одной из провинций?

Аболхассан встал, выпрямился и гневно взглянул на своего мучителя:

— Несомненно, Повелитель, такие страшные подозрения слишком серьезны, чтобы быть просто отброшенными или отмеченными в одной беседе. Я клянусь вам внимательнейшим образом расследовать все то, о чем вы сегодня мне сообщили, и в случае подтверждения подозрений буду действовать самым решительным образом. Благодарю за оказанное мне доверие. А теперь, Повелитель, позвольте покинуть вас. Все услышанное произвело на меня слишком тягостное впечатление...

Повернувшись кругом, генерал покинул зал со ртутным бассейном с такой скоростью, что едва ли дал Йилдизу шанс успеть позвать его вновь.

Уже в коридоре до слуха генерала донеслись слова прощания Йилдиза:

— Всего хорошего, Аболхассан. Да, генерал. Держите меня в курсе относительно судьбы этого чужеземца, Конана. Мне кажется, со временем он нам может очень пригодиться. Причем в более высоком звании.

В тот же вечер генерал побывал на другой аудиенции, правда не в столь шикарном зале. Эта встреча состоялась в небольшой комнате, затерявшейся где-то в бесконечных дворцовых лабиринтах. В ней не было ни окон, ни арок, ни колонн — ничего, где можно было бы спрятаться непрошенному глазу или уху. Только голые стены, покрытые синей штукатуркой, и массивная дверь, накрепко закрытая собеседниками. В комнате стоял лишь невысокий стол, вокруг которого было раскидано несколько подушек. Единственная масляная лампа освещала помещение. Но даже здесь никто не говорил прямо того, что хотел сказать. Все обменивались многозначительными взглядами, кивками и ничего не значащими фразами. Таковы были неписаные законы королевского дворца Аграпура, где и стены имели уши.

Хозяином комнаты, да и первой скрипкой встречи, если не по рангу, то уж несомненно по шику и собственным габаритам, был старший евнух — Дашбит-бей. Он восседал у длинной стороны прямоугольного стола, едва ли не превосходя его в ширину. Свет лампы отражался в десятках драгоценных камней, украшавших костюм евнуха, превращая его в подобие ходячей сверкающей куклы. Начальник дворцовой канцелярии предпочел бы, разумеется, не терять времени даром и хорошенъко поесть в течение разговора. Но срочность и даже некоторая скрытность встречи заставили его ограничиться лишь корзиной, из которой он то и дело вынимал разные фрукты и отправлял их себе в рот, слушая негромкую речь Аболхассана.

— Старый развратник! Бесстыжая рожа? Седина в бороду — бес в ребро! Представляешь, он принимал меня лежа, и все это время его облизывали со всех сторон две шлюхи из его борделя! А я, боевой генерал, должен смотреть на все это, словно мальчик, подающий полотенца. У него еще хватило наглости выпустить одну из его кобыл из стойла, чтобы та отрабатывала на мне свои штучки. Хорошо, что его свержение — дело решенное. Иначе я утопил бы его в этой ртутной луже за одно это оскорбление!

Дашбит-бей потянулся, и по стенам запрыгали десятки солнечных зайчиков, отраженных от его наряда.

— Иногда Йилдиз усыпляет таким образом бдительность собеседника, помогая ему выболтать лишнее. Со мной такие штучки не проходят. Я глух к плотским страстиам. — Евнух срыгнул и швырнул в угол персиковую косточку. — Но скажите мне вот что, генерал: каков был тон его расспросов? Подозревает ли король кого-нибудь конкретно, или же его терзает лишь смутное беспокойство?

Аболхассан почесал подбородок, подкрутил усы и покачал головой:

— Нет, ничего конкретного он подозревать не может. Он слишком занят собой, своими удовольствиями; он не слышит почти ничего, кроме собственного голоса. И вот когда дворцовые слухи уже переросли в громогласный рев, он пытается отвести возможные упреки в свой адрес, переложить их на меня. Король делает вид, что держит ситуацию под контролем, хотя сейчас и глупцу ясно, что он выпустил из рук все вожжи.

— Но, генерал, — раздался хриплый голос, — видит великий Тарим, король повторил вам то, что болтают забывшие про веру безбожники-аристократы. Именно те, которые готовы разрушить и королевство, и наши храмы и которые в последнее время приобрели большую силу При дворе.

Эти слова были произнесены мертвенно-бледным человеком, одетым в коричневый хитон, — Верховным Жрецом храма Тарима. Таммураз был обеспокоен состоянием светской власти не меньше, чем церковными делами, — ведь от степени приверженности двора вере в Тарима зависело напрямую, сколько денег получат храмы и сколько из них можно будет прикарманить Верховному Жрецу.

— Если Йилдиз последует их советам, нас ждут тяжелые времена. Король и так в последнее время больше полагается на советников, предсказателей и черных магов, чем на веру в Сияющего Пророка.

— По правде говоря, нам нечего бояться придворных и аграпурских аристократов, — заметил Дашибит-бей, вгрызаясь в очередную грушу. — Когда дойдет до дела — что они смогут нам противопоставить, прия на помощь Йилдизу? Мелкие отряды своей охраны? Несерьезно. Большинство солдат в войсках, да и почти все горожане верны вере Тарима...

— И евнухам, — добавил с улыбкой Аболхассан. — Да, не забудь и про своих приятелей, Дашибит-бей! Кстати, Йилдиз что-то чует и всячески старается обелить вашего брата, заручиться твоей поддержкой, понимая, что на вас лежит вся машина государственного управления.

— В этом он прав. Реальная власть в наших руках. — Начальник канцелярии разодрал пополам спелый гранат, из которого закапал ему на костюм алый сок. — К счастью, я могу вас уверить, что мои люди будут до конца верны мне. Причем, генерал, поверьте, они не будут плести интриг против вас. Пока нам это не нужно. Пока. А дальше, когда у нас будет лидер, достойный почетного звания правителя королевства, мы сумеем привести его к власти и посадить на трон.

Его заявление было воспринято остальными как шутка, вызвав взрыв хохота у присутствующих. Все еще улыбаясь, Аболхассан начал перечислять войска, которые будут верны ему в восстании. Южный и восточный экспедиционные легионы, городской гарнизон Аграпура, большая часть городской стражи, отряды шахов западных провинций и наемные полки в горных поселениях Ильбарса и в Гиркании.

Загибая по очереди пальцы, Аболхассан собрал их в плотно сжатый кулак и высоко поднял руку:

— Вот что есть у нас! А теперь посмотрим, чем располагает противник: отряды аграпурской знати, почетная стража короля, дворцовая охрана, отдельные верные Йилдизу шахи в своих провинциях. В общем — почти ничего. Но большинство их сил находится здесь, в Аграпуре, а мобилизация наших войск и подтягивание их к столице потребует много времени. Вот почему мы должны все очень тщательно спланировать.

— Реально ли ждать, что в провинциях в ближайшее время вспыхнут мятежи? — Вопрос был задан одним из присутствующих придворных вельмож — Филандером.

— Несомненно! — уверенно ответил Аболхассан. — Стоит бросить искру, и мятежи пожаром прокатятся по стране. Не забывайте, тратя силы и деньги на Вендиjsкую войну, Йилдиз

основательно ухудшил положение дел в самом Туране. Народ недоволен непомерными налогами, крестьян почти насильно загоняют в армию. Все только и говорят, что ради победы в Веджипуре король готов заморить собственную страну голодом. А делает ли это он по недалекости или злому умыслу — простому народу наплевать!

— Да, мои агенты подтверждают это, — вставил Верховный Жрец Таммураз. — Остается только молиться Тариму, чтобы король продолжал усердствовать в этой губительной для него затее.

— За это не беспокойтесь. Он без ума от войны. Он, словно мальчишка, представляет ее себе игрой в солдатики. — Аболхассан оглядел присутствующих с улыбкой. — Йилдиз сам роет себе яму слишком увлекаясь идеей популяризации этой войны при дворе. Сейчас он носится с мыслью сделать героем кого-нибудь из солдат. Он даже приметил одного — какого-то варвара по имени Конан. Пусть король забавляется, а мы, храня молчание, будем готовиться к решительному броску. Смерть глупому и безвольному правителью! Смерть Йилдизу!

ГЛАВА 5. ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ

— До тебя когда-нибудь дойдет, чурбан с севера, что тебя сюда прислали для того, чтобы уничтожать врагов короля, а не таких же, как ты, туранских офицеров?

Прохаживаясь взад-вперед вдоль стены штаба, шариф Джраф старался не выходить из тени росших во дворе пальм. Время от времени он зло поглядывал на Конана, стоявшего по стойке «смирно» на самом солнцепеке. За спиной молодого тарифа маячил непосредственный командир Конана — капитан Мурад.

Шариф продолжил свою нотацию:

— И все из-за какой-то девчонки! Тебе мало было других? Полон форт баб! Тебе повезло, что меня в тот момент не было в лагере. А еще благодари судьбу, что ты не кадровый офицер. За такие штучки тебя отхлестали бы плетьми до полусмерти. — Шпоры офицера взрыли землю в момент резкого поворота на месте. — Я всегда говорил, что нельзя наемникам-чужестранцам присваивать командирские звания туранской армии! Позорный случай! — вновь напустился он на киммерийца. — Ну, что? Можешь хоть что-нибудь сказать в свое оправдание?

Стоя под палящим солнцем, Конан с трудом подавлял желание выхватить ятаган из ножен и ответить на оскорблении так, как подобает воину. Конвоиры, передавшие ему приказ явиться на эту головомойку, не решились разоружить киммерийца. Сейчас они стояли в дальнем углу двора, у самых ворот, и вряд ли успели бы ему помешать разделаться с обидчиком. Чтобы не слушать бесконечные оскорблений, Конан лишь твердил про себя, что он теперь офицер регулярной армии и должен подчиняться командиру, соблюдать дисциплину, не обсуждать приказы и так далее.

Неожиданно Конана поразила мысль: ведь этот сопляк Джраф даже не понимает, какой опасности подвергает его хорошо подвешенный язык.

С большим усилием киммериец разжал зубы и процедил:

— Я убил эту сви... этого офицера, защищая свою жизнь... шариф. — Последнее слово долго не могло вылететь из сдавленного горла киммерийца. Но так было положено в армии — называть командира по званию.

— Да неужели? Ладно, по крайней мере я вижу, что ты раскаиваешься. — Меряя шагами двор и переводя взгляд с Конана на капитана Мурада, шариф продолжил свои нравоучения: — Скажи мне, до тебя когда-нибудь дойдет, чурбан с севера...

— Сержант, сколько вам лет? — Капитан Мурад решил прийти на помощь подчиненному или, скорее, их общему командиру. — И откуда вы родом?

Конан на некоторое время забыл про обиды и погрузился в вычисления.

— Последняя зима была для меня девятнадцатой, если не ошибаюсь, капитан. А уж что я знаю точно, так это то, что я из Киммерии.

— Девятнадцать? Совсем сопляк! — воскликнул Джраф, которому самому-то было, быть может, на пару лет больше.

— И уже получил сержантское звание, — продолжил Мурад свою мысль. — Редкий случай. И, я смотрю, ты выиграл схватку почти без потерь для себя. — Его взгляд скользнул по ладони Конана, перевязанной листьями лечебных растений. — Ну, сержант, а чем же вы еще отличились перед туранской армией?

Конан поднял синие глаза на своего командира и, внимательно глядя на капитана, начал перечислять, стараясь не сболтнуть лишнего:

— Я был последним, вышедшим из боя в битве при Яралете. Я лично убил командира мятежного отряда. После этой битвы город Яралет снова перешел в наши руки.

— Я слышал, — кивнул Мурад, — что под Яралетом было жарко. Тысячи убитых с обеих сторон.

— Все это так, дорогой капитан, — небрежно перебил своего подчиненного Джадар. — Этот варвар вернулся после битвы один. И все, что там происходило, мы знаем только с его слов. Но нельзя не учитывать и другого. Последний оставшийся в живых солдат — либо прекрасный воин, превосходящий остальных силой и мастерством, либо трус и предатель, переждавший самое опасное...

— В любом случае Конан сам, добровольно вызвался служить в Венджипуре, — вставил Мурад, делая страшные глаза прищурившемуся Конану. — И вообще, до этого случая он был у меня на отличном счету. Пойми меня, Конан: хороший офицер на дороге не валяется. Это честь и гордость турецкой армии. И нет смысла терять их во внутренних распрях или делать инвалидами, подвергая пыточным наказаниям. — Тут Мурад внимательно поглядел на рукоять ятагана киммерийца, в которую тот впился мертввой хваткой, и добавил: — Еще меньше мне хотелось бы терять офицеров, нарушающих субординацию и поднимающих оружие против старших по званию.

При этих словах Конан с явным неудовольствием разжал руку, сжимавшую клинок.

— Такие люди, как ты, — закончил капитан Мурад, — нужны нам живыми, разящими врагов на поле боя.

— Да, парень. — У тарифа Джадара прорезался зуд к полезным советам. — Если бы повод был хоть чуть более достойный, скажем, дуэль двух офицеров-аристократов или публичная казнь за попытку дезертировать, — это другое дело. В таких случаях нет проблем объяснить начальству необходимость и неизбежность происшедшего, даже если речь идет об офицерах. А тут... убить своего же брата-сержанта элитного отряда. Научитесь выбирать способы достижения цели, сержант. Не всегда клинок — единственный советчик. У вас ведь и голова на плечах, хотя...

— Хватит... в том смысле, что отлично сказано, тариф. Ну а теперь, сержант, постойте здесь, а мы обсудим ваше дело. — Мурад взял за руку юного шарифа и повел его внутрь штаба. Конан остался стоять посреди двора, ощущая, как палящие лучи прожигают насквозь не только рубашку, но и кожу, добираясь огненными языками до самых костей.

Единственным звуком, нарушавшим тишину, был шелест пальмовых листьев. Это слуги-вендинцы обмахивали стоящих в стойлах офицерских лошадей. Бедные животные не выносили такой жары и погибли бы, если бы не это принудительное вентилирование. Смешно было говорить об использовании кавалерии в бою или в дальнем рейде в этой духоте. Однако многие штабные офицеры никак не хотели расстаться с кавалерийскими замашками, воспринимая лошадей скорее как часть формы или амуниции.

Капитан и тариф вновь показались в дверном проеме, торжественно глядя на Конана.

— Сержант, вот наше решение, — помолчав, изрек Мурад. — Наказание будет назначено в виде увеличения трудностей, связанных с выполнением ваших обязанностей. Начнем с внеочередного патрулирования завтра же. Это пойдет на пользу не только вашему перевоспитанию и обузданию ваших порывов, но и внесет свой вклад в общее дело королевской армии.

Шариф не хотел оставлять последнее слово капитану:

— Мы назначили бы вам более суровое наказание, сержант, если бы это удовлетворило тех, кого вы оскорбили убийством их друга. Но Красные Повязки будут искать возможности отомстить вам в любом случае. И смею вас заверить, их методы будут куда менее гуманны, чем наши. Если выживете — научитесь многому.

— Шариф Джадар прав, Конан. — Капитан Мурад кивнул и опустил глаза. — Мы направим

в штаб Красных Повязок объяснение случившегося и строгое предупреждение от старших офицеров, но гарантировать ничего не можем. А теперь пошел прочь, подготовься заступать в патруль и, главное, берегись нападения сзади. Красные Повязки — не воины. Они разведчики и убийцы.

Кивнув и подняв руку в военном приветствии, Конан развернулся и направился к выходу из лагеря. Наказание и вправду было суровым. Патрулирование было одним из самых опасных и бессмысленных заданий для солдат.

Пройдя ворота, киммериец наткнулся на толпу солдат, с нетерпением ждавших его появления. Слухи и догадки были валютой в войсках, а прокручивались эти деньги в спорах и пари. Вот и сейчас кто-то, еще несколько минут назад уверяющий, что варвара арестуют и подвергнут бичеванию, отдавал свои деньги другому. Кое-кто немедленно бросился бегом к дальним палаткам, чтобы собрать свои комиссионные на чужих пари. Многие с нескрываемым любопытством глядели на Конана и уже прикидывали, какие ставки можно делать на то, сколько дней осталось жить этому безумцу.

Пожалуй, единственным человеком, которому Конан действительно обрадовался в этой толпе, был Юма. Черный великан протолкался к киммерийцу и хлопнул его по плечу:

— Ну, старина, ты еще сержант или тебя разжаловали?

— Лучше бы разжаловали, да оставили в покое, — ухмыльнулся в ответ Конан. — Каравалы и наряды вне очереди. Плюс патрулирование сверх графика. А так — ничего страшного. Все-таки лучше, чем тюрьма или плеть.

— Сержант, — обратился к Конану молодой солдат, — а вас действительно отправят в Аграпур отбывать наказание? Так нам сказал сержант Юма.

— Нет, приятель, — рассмеялся Конан, — и не вздумай никому рассказывать эту чушь. Иначе у нас тут одна половина гарнизона перебьет другую, лишь бы понести такое же наказание.

Шумное обсуждение этого вопроса и веселый смех привлекли к Конану внимание еще нескольких солдат. Но большинство лишь издали бросали ему слова поздравления и отходили подальше. Все понимали, что у киммерийца теперь слишком могущественные и коварные враги. Вскоре Конан вместе с Юмой отправился в деревню. По дороге киммериец стал расспрашивать приятеля о Сарии.

— Не волнуйся, я оставил ее в доме с Бабраком, а пришел в лагерь потому, что тебе, помоему, грозит большая опасность, чем ей. Пойдем быстрее, а то наше дитя Тарима опаздывает в казарму к заступлению в караул.

Они прошли к воротам форта, заглянув мимоходом в солдатскую столовую. Конан сделал это не для того, чтобы показать всем сомневавшимся свою хоть временную, но победу. Подойдя к своим подчиненным, он объявил им, что их отделение завтра выходит в патрулирование. Раздались недовольные возгласы и ругательства. Но не в правилах киммерийца было укреплять боевой дух уговорами. Выполнив обязанности, он в сопровождении Юмы поспешил в деревню.

За те два дня, которые Конан находился под арестом, руками его подчиненных и подчиненных Юмы во главе с самим чернокожим сержантом на опушке леса было выстроено небольшое, но уютное бунгало в местном стиле. Здесь толстые бревна по углам соседствовали с тонкими бамбуковыми стенами, переплетенными сухими лианами; длинные жерди служили стропилами, которые были покрыты пальмовыми листьями. Под руководством Сарии солдаты успели сплести несколько толстых циновок.

Во время сбора бамбука солдаты наткнулись на дикого кабана, который успел ранить одного из людей.

Вечером следующего дня кабан был торжественно зажарен в честь окончания строительства. Заботливые руки Сарии перевязали рану пострадавшего, а во время общего ужина

она заставила его съесть кабанье сердце, чтобы избавиться от преследований духа ранившего его зверя. И вот теперь череп кабана с острыми белоснежными клыками торчал на щесте у входа в дом, отпугивая привидения и злых духов.

Приятели издалека заметили сидевшего со свитками закона Тарима в руках Бабрака. Молодой солдат расположился на веранде, более обжитой за эти два дня, чем обе внутренние комнаты. Сария, одетая в ярко-синее платье с местного рынка, выскочила навстречу своим спасителям. С Конаном она обменялась лишь долгим поцелуем и не стала ни о чем расспрашивать.

— Ты идешь, гордо подняв голову, следов плетей не видно. Видимо, самое страшное тебя миновало. Надеюсь, мои молитвы Пророку тоже возымели свое действие, — сообщил Бабрак, обнимая киммерийца.

— Ах, вот кому я обязан своей судьбой. Значит, это Тарим надумил наше начальство предоставить Красным Повязкам наказать меня.

— Не бойся ничего, Конан, — сказал Бабрак. — Если потребуется — я встану рядом с тобой против всего отряда этих убийц! Тарим учит нас защищать правду.

— Ладно, за себя я уж как-нибудь постою, — сказал Конан, усаживаясь в тени на веранде, — но если со мной что-нибудь случится, я попрошу вас позаботиться о Сарии. У нее нет родных и никакого дома, кроме этого.

— Неужели это так, девочка? — удивился Юма. — А где же твой клан, твоё племя?

— У меня нет никого. — Девушка села на циновку, поджав под себя ноги. — Сколько я себя помню, я всегда росла в джунглях — в шатрах и храмах при учениках Моджурны. И лишь недавно я узнала, что меня растят, чтобы принести в жертву. Теперь, когда я избежала пред назначенной мне участи, мои сестры и ученики Моджурны не примут меня обратно.

— Даже учитывая все эти печальные факты, — заметил Конан, — лучше, что ты осталась жива.

Киммериец подсел к девушке поближе и обнял ее за талию.

— Да, Конан. Жить так здорово! — Она прижалась к нему и поцеловала в шею. — Я видела так мало в своей жизни. А хочется столько всего узнать, сделать.

Неожиданно она замолчала, а затем, резко вскочив, подбежала к очагу и поставила на горящие угли несколько горшков.

— Хорошая девушка, — сказал Юма, наблюдая за ее работой.

— И не говори. Похоже, она меня просто околдовала, — честно признался Конан. — Она уже опустошила мой кошелек, а я ничего не имею против. Все, что она купила для дома, полезно, по крайней мере красиво. Она умеет сделать жизнь удобней.

— Ну ладно, обитатели благословенного дома, — сказал со вздохом Бабрак. — Прошу прощения, но вынужден откланяться. Второй колокол уже отыграл, а я не рискну опаздывать на развод караула. Оставляю вас наедине с вашим ужином, — юноша улыбнулся, — сдается мне, это будет не совсем то, к чему мы привыкли в солдатской столовой.

Попрощавшись с Сарией, Бабрак спустился с веранды и пошел в лагерь.

Конан проводил его взглядом и протянул руку к фляге с местным вином. Ему уже давно не терпелось сделать пару глотков, но в присутствии трезвенника Бабрака он решил подождать. Хлебнув вина, Конан поинтересовался:

— Интересно, на что рассчитывает Бабрак? Неужели он и вправду думает, что сумеет обратить нас в свою веру?

— Кто его знает? — сказал Юма, протягивая руку за флягой. — Но парень он хороший. Слишком хороший для Венджипура.

Фляга переходила из рук в руки, и к тому моменту, когда Сария объявила, что ужин готов, в

головах у приятелей уже стоял изрядный шум. Пол веранды больше не казался им таким ровным. Пошатываясь, киммериец подошел к очагу и взял голыми руками горячий горшок. Не желая демонстрировать свою глупость, он с показным равнодушием донес горшок и поставил его на место. Когда горшки были установлены в центре передней комнаты дома и Сария сняла с них крышки, из них вырвались клубы ароматного пара, напоминающего появление джиннов в восточных пустынях.

— Выглядит аппетитно, — заявил Юма, — чем-то напоминает то, что я ел дома в детстве.

При всем этом чернокожий воин разглядывал еду с некоторым недоверием.

— Пахнет вкуснее, чем вареное с бобами мясо мула, которым нас кормят в казарме, — добавил он, принюхавшись и садясь на циновку рядом с горшками.

— Ну, девочка, признавайся, из чего это сделано?

— Это маринованный угорь с рынка. Вот печенный корень тсуду, а это вареные клубни осоки.

Сария, орудуя бамбуковой ложкой, проворно разложила еду на банановые листья.

— А это свежевяленые кузнечики. Я их Покупала утром еще живыми. Очень свежие.

— М-да... Непривычно, — заметил Конан, внимательно осматривая со всех сторон выданную ему импровизированную тарелку. — Это действительно едят здесь, в Вендии?

— Да, и я подобрала продукты специально для тебя. Угорь придаст тебе ловкости, а кузнечики усиливают... мужскую страсть, — покраснев, ответила девушка.

— Ну, я не могу пропустить такое угощение. — Закатив глаза, Юма принял причитающуюся ему зеленую тарелку.

Понюхав еще раз, кушит зажмурил глаза и отправил в рот первый кусок. Через мгновение он уже скакал по комнате, заливая себе рот чуть ли не кипящим чаем. Наконец он смог вздохнуть:

— Может быть, чуть многовато перца, Сария? Но вкусно, девочка, вкусно.

— Нет, редкое блюдо, несомненно редкое, — повторял Конан, внимательно разглядывая кузнечика, которого держал двумя пальцами. Оборвав насекомому пару самых больших ног, киммериец отправил его в рот. Кузнечик чем-то напоминал креветок с моря Вилайет; пожалуй, он был даже вкуснее, но перец! Перец плюс какие-то местные травы и корешки! Слезы выступили на глазах у Конана, когда он, не жуя, проглотил первого кузнечика. Глоток вина,казалось, только добавил огня во рту.

Между тем Сария принялась за ужин, ловко орудуя маленькой бамбуковой ложечкой. Конан и Юма последовали ее примеру, найдя остальные блюда более съедобными. Угорь был нежен и в меру остр, а овощи благоухали не столь жгучими специями.

— Отлично! Какая вкуснотища! — не уставая, повторял Юма. — Похоже на то, что едят в моей стране на побережье. Сколько лет я не видел ничего подобного.

— Мы в Киммерии тоже едим грубую пищу, — сказал Конан, потягивая ароматный чай, — после нее можно привыкнуть к любой еде, даже к этому адскому зелью. И туранская армия была бы намного мобильнее и сильнее, если бы могла переходить на местные продукты, покупая их или выменивая, вместо того чтобы везти в такую даль караванами.

— Это правда, продовольственные караваны — легкая добыча для противника, — согласился Юма, ковыряя в зубах щепочкой. — Но ты попробуй заставить туранцев жрать рис — основное местное блюдо. Гиблое дело! Кому от него плохо, кого тошнит, и всем не нравится. Лично я ничего не имею против. Вообще надо глядеть на проблему шире: туранцы, жители пустыни, с трудом привыкают к Вендии. Их лошади дохнут от влажной духоты, стальные клинки ржавеют на глазах, да и сами они через одного болеют страшными местными болезнями.

— Да, здесь гниет не только железо, — сказал Конан, добавляя в чай вина. — Гниет и человеческое тело. Грибок и проказа сжирают человека, начиная с любой самой крошечной

ранки, а то и без нее. Достаточно булавочного укола, чтобы человек подхватил какую-нибудь заразу. Мне повезло, что этот шрам заживает так быстро. — Киммериец помахал в воздухе перевязанной рукой. — Проклятая жара, дожди, грязь высасывают из человека силы, как комары — кровь. Но стоит обычному цивилизованному туранцу пробыть здесь пару сезонов и при этом не сдохнуть, как он перестает все это замечать и уже не обращает внимания на муравья с кулак величиной, впившегося ему в горло.

— А ты, Конан, — спросил его Юма, — останешься ли ты тем, кто ты есть сейчас, после двух лет в Вендинии? Какое средство ты держишь про запас? Быстроногого верблюда, который увезет тебя на запад, в Иранистан?

Конан рассмеялся:

— Нет, Юма, нет. Таким, как мы, здесь самое место. Ты только посмотри: любая эпидемия — это наш шанс. Отравление в офицерской столовой — тоже. Чем дальше, тем больше здесь будут нужны опытные офицеры, не слишком привязанные к образу жизни туранских аристократов. Кому, как не нам, занять эти места? Не за этим ли мы ввязались в чужую войну?

— Ты так думаешь? — с сомнением протянул Юма, задумчиво разглядывая опустошенную тарелку. — Неужели ты считаешь, что для улучшения ситуации в Веджипуре не хватает только опыта и храбрости офицеров? Что ты сам можешь предложить?

— Я? Много чего. — Взмахнув кружкой, Конан расплескал по полу вино. — Во-первых, я бы сменил систему питания, как мы уже говорили, чтобы наши войска не зависели от поставок из Турана. Собрал бы всех лучших местных поваров — таких, как Сария, — и лекарей. В конце концов, они-то знают, почему хвонги не дохнут от болезней, косящих наших солдат. Нужно сменить форму и подготовку солдат. Да что там — всю тактику! Ну на кой ляд нужна здесь, в зловонном болоте и непролазном лесу, кавалерия? Нужно создать силу, которая не только выиграет войну, но и сможет поддерживать мир. Но все эти перемены — лишь малая часть того...

Настала очередь Юмы от души посмеяться.

— Хватит, Конан. Ты хоть сам-то понял, чего нагородил? Как ты собираешься реализовать все свои проекты? Твои же подчиненные возьмутся за тебя с большим рвением, чем за хвонгов. Попробуй предложи туранским солдатам ужин наподобие того, что мы ели сегодня. Они объявит эту еду нечистой, плонут в тарелки и отставят их. Пожалуйста, Сария, это я не в обиду твоим кулинарным способностям. — Юма бросил извиняющийся взгляд на внимательно слушающую его девушку.

— Нет, Конан, — продолжил Юма. — В этом мире есть много плохого. Но стоит затеять какое-либо улучшение, как все становится еще хуже. Эта война — прекрасный тому пример. Не ищи в ней славы, умоляю тебя. Будь настолько маленьким и незаметным, насколько можешь. Выполняй приказы и еще более точно следуй местным традициям. Не высывайся, не вызывайся добровольцем. Ты уже понял, чего стоит привлечь к себе лишнее внимание. Худшее, что может случиться на этой войне, — это оказаться на ней героем.

Конан рассмеялся и покачал головой:

— Эх, Юма, Юма! Если бы я хоть мог поверить, что ты день проживешь по этим чертовым правилам, которые ты мне расписал... Нет, нет, нет и еще раз нет. И мы оба знаем об этом. — Конан переполз по циновке поближе к другу и положил руку ему на плечо. — Для таких людей, как мы, Юма, нет пределов! Скажи, ты когда-нибудь играл в шахматы по правилам стигийских мудрецов? Ну, там, где пешка может стать королем? — Конан внимательно посмотрел в глаза другу.

— Конан, я не шучу. — Юма с беспокойством бросил взгляд на приоткрытую дверь. — Ты знаешь, как опасны даже щутки на эту тему. Так что давай поговорим о чем-нибудь другом. Разве

ты не видишь, что Вендия готова породить столько страданий, что ни одна армия не сможет их переварить и остаться целой? Мы должны удержаться на плаву и не оказаться проглоченными этим чудовищем вместе с остальными.

Друзья еще долго обсуждали самые разные темы. Спустился вечер. Сначала Конан и Юма отправились во двор, а затем, когда пошел дождь, вновь поднялись на веранду и еще долго сидели, болтая, отгородившись от всего мира прозрачной шуршащей стеной.

Когда сквозь тучи на горизонте мелькнули красные лучи садящегося в залив солнца, Юма ушел в лагерь, прыгая с камня на камень, чтобы не измазать в липкой грязи сандалии. Конан вошел в дом и задвинул засов на бамбуковой двери, а затем прошел во вторую комнату через занавешенный портьерой дверной проем.

Сария ждала его. Их спальня была украшена цветами. Последние лучи заходящего солнца веером разлетелись по циновкам на полу и бамбуковым стенам. Воздух уже наполнился вечерним ароматом влажной земли. Конан знал, что аромат некоторых местных цветов дает эффект, похожий на тот, что дает лотос, только гораздо слабее. Видимо, какие-то дурманящие ростки были вставлены Сарией в букеты. Пьянящий аромат обострил все чувства киммерийца, который застыл на месте, глядя, как Сария стягивает через голову свое ярко-синее платье. Ее тело, гибкое, как стебель лилии, отливало янтарным светом в вечернем полумраке.

Киммериец подошел к девушке, обнял ее и, легким движением подняв, понес к большому гамаку, висевшему в комнате. Покачивающееся воздушное ложе стало последней каплей, обострившей их чувства. Два молодых красивых тела слились в едином порыве страсти.

Сария постепенно привыкла к обязанностям и радостям ее новой жизни. Здесь, в этом мире, ей приходилось больше заниматься хозяйством, но ведь и сам мир — огромный и разнообразный — заслуживал некоторых трудов, чтобы жить в нем. Не зная, сколько продлится их с Конаном счастье, она полностью отдалась своему чувству, не думая о будущем.

Конечно, вокруг было много опасностей, но Сария верила, что нет такого зла, с которым Конан не справился бы. Она знала, что даже после тяжелого боя и долгих, изматывающих занятий любовью он спит не более крепко, чем пантера, охраняющая своих детенышей. Сария часто слышала сквозь сон, как он просыпается от малейшего звука за стенами хижины, а иногда и выскользывает из гамака и со сверхъестественной легкостью в полной тишине исчезает за окном спальни, сжимая в руках кинжал.

Однажды после такого возвращения она почувствовала еще свежий медный запах крови, исходивший от Конана. Сария поняла, что его ярость и смелость или спасут их и в будущем, или погубят обоих. Будь что будет. Она любит его — и это главное.

ГЛАВА 6. СЛОНОВИЙ ПАТРУЛЬ

Мокрые листья хлестали по лицам наездников, обрушивая на шеи и тела людей целые потоки воды. Капли сбегали, словно быстрые насекомые, по коже под грудными и спинными пластинами доспехов. Никто не обращал на воду внимания — она не охлаждала, не согревала тела, давно привыкшие к температуре окружающего воздуха.

Под ногами солдат колыхалась, словно на волнах, небольшая платформа, укрепленная на спине слона. Время от времени хобот животного змеей взлетал вверх, чтобы ухватить особо аппетитную ветку; тогда наездники принимали форменный душ.

— Эй, Тхан! Смотри по сторонам! — В раздражении Конан даже ткнул погонщика в плечо. Погонщик сидел ниже, верхом на шее животного, и ему доставалось куда меньше воды. — Веди свою зверюгу в обход деревьев! Или я тебе устрою!

Едва ли вендиец понял сказанное ему Конаном на туранском языке с сильным северным акцентом. Погонщик лишь пожал худыми плечами и взмахнул своим жезлом с бронзовым наконечником. Ритм шагов слона ничуть не изменился, а ветви все так же продолжали хлестать наездников по лицам.

— Вряд ли удастся что-то изменить, сержант. — Лучник по имени Калак, говорил на чистом, красивом туранском. — Слоны пролезают сквозь мокрые заросли, чтобы охладиться, а кроме того, чтобы набить желудок, — улыбаясь из-под густых бровей, объяснил он киммерийцу. — Погонщики, по-моему, вообще только делают вид, что управляют ими. Эти серые великаны всегда себе на уме.

Конан пробурчал, вглядываясь в заросли:

— Замечательные зверушки, но меня сейчас больше волнует наш противник. В этих зарослях мы не заметим ни ловушку, ни засаду. Может быть, твои мудрые создания сами позаботятся об этом?

— Они-то? — Калак удивленно поднял брови. — Да им до наших войн дела не больше, чем до мух, вертящихся вокруг их задниц! — Калак, довольный своей шуткой, рассмеялся во весь голос. Его смех подхватил третий наездник — Муймур, сидевший у задней ограды помоста. Неожиданно лицо Калака вновь стало серьезным. — Правда, сержант, здесь нечего бояться ловушек. Я же сказал, что наш слоник себе на уме.

Конан искоса взглянул на Калака. Он уважал этого солдата, хотя и знал, что парень балуется лотосом. И сейчас частью своей легкости и остроумия он был обязан дурманящему порошку. Но поделать с этим киммериец ничего не мог. Оставалось только крутить головой и внимательно всматриваться в заросли по обеим сторонам.

В этой духоте солдаты оставляли на себе минимум одежды и доспехов, подставляя голые руки и ноги тучам комаров и вражеским дротикам. Безопасность шла в ущерб прохладе и подвижности. Шлемы и верхняя половина доспехов должны были прикрыть самые уязвимые части тела, а ниже пояса защитой служило дно помоста и брюхо гигантского зверя. По обе стороны помоста на невысоком ограждении были установлены крепления для арбалетов, легко и быстро взводящихся при помощи специального рычага. Костяные зажимы удерживали стрелы у бортов. При этом арбалеты крепились таким образом, чтобы была возможность поразить цель у самых ног слона.

Слон, на котором ехал Конан, был самым большим из трех в его отряде. Кроме слонов, за сержантом шли около полусотни воинов с копьями и мечами. Замыкали колонну четыре всадника на полумертвых от жары лошадях. Если патрулю встречались крупные силы противника, то делом отряда было ввязаться в бой, а тем временем всадники должны были

скакать в форт за подкреплением.

Даже наездники, сидящие на спинах слонов, не чувствовали себя в безопасности, несмотря на частокол стрел и копий на помосте. Конан поймал себя на том, что был бы рад, если бы враг не захотел повстречаться им сегодня. Киммерийцу очень не хотелось принимать бой в этих неравных условиях — когда одна сторона фактически не видит противника. Конечно, маленький отряд хвонгов можно было бы смять и растоптать, но маленький отряд не станет и связываться с патрулем, а преспокойно исчезнет в джунглях. Было бы лучше сегодня ограничить доклад о патрулировании кратким сообщением о проведенной разведке местности за холмами и демонстрации силы короля Йилдиза в нескольких отдаленных деревнях. Больше всего Конан опасался неорганизованного налета большой толпы мятеjников, которые могли появиться в любую секунду. Этим дикарям ничего не стоит наброситься на небольшой отряд патруля, а почувствовав сопротивление, вновь раствориться в джунглях.

Но пока что джунгли не проявляли враждебности к патрулю. Поросшие лесом склоны холмов медленно ложились под неторопливо переставляемые ноги слонов. Время от времени сплошная стена бамбука и лиан расступалась, открывая взору турецев небольшие поляны, поросшие цветами. Иногда им попадались и деревни — небольшие группы жалких лачуг посреди рисовых полей в заболоченных долинах. Крестьяне-рисоводы с темной, почти черной кожей внимательным долгим взглядом провожали проходящий мимо них отряд.

Патруль получил задание пройтись по сети лесных троп к северу от форта. Не имея достаточных ориентиров, Конан доверил своему слону поиск дороги. Время от времени киммериец безуспешно пытался сверить местность с картой, которую ему выдал капитан. Иногда ему казалось, что он видит тропу перед собой, а порой было впечатление, что слон лезет напролом через самую чащу. В одном месте под ногами слона показались плиты какой-то древней мощеной дороги. Несколько обвитых лианами колонн, словно слепые странники, проплыли мимо. Конан с подозрением поглядывал вокруг, всячески напоминая себе, что храм Моджурны находится совсем в другом месте.

Когда колонна приблизилась к повороту древней дороги, первый слон остановился у одной из плит, почти скрытых диким виноградом и лианами. Погонщик не сделал ни малейшего усилия, чтобы подогнать животное, а, наоборот, уселся поудобнее и приготовился терпеливо ждать. В это время второй слон протиснулся вперед и встал рядом с первым, словно серый демон в сверкающей медной маске, защищающей его морду во время боя. Розовый кончик хобота потянулся к тому месту, над которым опустил голову первый исполин.

— Что там так заинтересовало наших зверей? Почему мы остановились?

Не переставая глядеть в джунгли, Конан повторил вопрос по-турецки и по-венгийски. Не обращая на людей внимания, первый слон аккуратно убрал хоботом все растения с каменной плиты, открыв выбитые на ней символы. Киммериец увидел, как влажный пальцеподобный кончик хобота проскользил по изгибам одного из символов — свернутой в тройную петлю линии с опущенными вниз концами.

— Не забывай, сержант, что этот зверь во много раз старше нас с тобой, — раздался над ухом Конана шепот Калака, говорившего без всякой иронии. — У слонов тоже есть свои боги, данные им древними обитателями этого леса. Лучше не мешать им отдать дань уважения их высшим силам.

Не будучи уверенным, что все происходящее не затеяно только чтобы разыграть его, Конан предпочел больше ни о чем не спрашивать. Вскоре животное тяжело вздохнуло и зашагало по тропе дальше, а на его место встал второй слон, также принявшийся чертить кончиком хобота, повторяя узоры на камне.

Киммериец приказал погонщику остановиться и подождать, пока растянувшаяся колонна не

соберется вместе. Конан понимал, что пехота будет рада передышке, — ведь слоны, даже в броне доспехов и груженные оружием, задавали довольно высокий темп марша. В ожидании Конан встал на помосте, чтобы потянуться, и вдруг заметил впереди какое-то движение. Присмотревшись, он понял, что это цепочка местных жителей с корзинами на головах движется им навстречу в сотне шагов впереди.

Конан тотчас же хлопнул обоих своих спутников по плечу в молчаливом предупреждении, а затем шепотом приказал Муймуру спуститься со слона и передать всем остальным приказ сержанта: слоны должны продвинуться немногого вперед по обе стороны от тропы. Фаланга копьеносцев занимала позицию на тропе чуть сзади. Последний приказ Муймур должен был передать кавалеристам. Двоих Конан отсыпал в форту за подмогой, а двое оставшихся должны были двигаться вплотную за слонами, чтобы, получив новый приказ, не теряя времени, отправиться исполнять его.

Калак устанавливал и заряжал арбалеты, пока Конан продолжал напряженно высматривать противника впереди. Он хотел приказать Тхану загнать слона подальше в чащу, прочь с тропы, но было поздно: противник подошел уже слишком близко, и треск ломаемых пятачимся слоном веток все равно предупредил бы его об опасности.

Догадка Конана оказалась верной. Это были мятежники — воины племени хонгов и вооруженные крестьяне из других племен в куртках цвета зелени джунглей. С криками удивления мятежники побросали свои корзины и, выхватив оружие, приготовились к бою, рассыпавшись по обе стороны тропы. За их спинами раздался тонкий свист деревянной флейты — несомненно, сигнал предупреждения.

— Вперед, воины Турана! Смерть врагам!

Крик Конана заглушили хлестнувшие киммерийца по лицу ветки — это Тхан погнал слона вперед. Но пехотинцы-копьеносцы услышали команду и бросились в атаку, воодушевляя себя воинственными криками. Подгоняемые погонщиками слоны вытянули хоботы и протяжно затрубили. Вибрация гигантских легких ощущалась даже сквозь бамбуковый помост. Казалось, что от этого рева сотрясается весь лес. Испуганные таким напором, многие крестьяне-мятежники побросали оружие и в панике разбежались по джунглям.

Слон Конана, обогнав пехоту, пронесся по брошенным мешкам с рисом и тюкам одежды, и вскоре крик первой жертвы, раздавленной могучими ногами животного, возвестил о начале боя. Не останавливаясь, приученный к участию в сражениях слон нагнал следующую группу убегающих противников, которые в несколько мгновений были раздавлены, вспороты гигантскими бивнями с бронзовыми наконечниками или с силой брошены хоботом о стволы деревьев.

Рев разъяренного видом крови зверя превратил вопли раздавленных жертв в ужасающую пантомиму. Этой бойней всецело руководил Тхан, все так же сидевший на шее слона и выкрикивавший ему в уши команды и одобрение.

Все это время Конан пытался помочь зверю, но стоило ему навести арбалет на намеченную жертву, как она исчезала из поля зрения, отброшенная хоботом или раздавленная гигантскими ногами.

— Лучше приготовиться к отражению атак сбоку, — сказал Калак, внимательно следивший за манипуляциями киммерийца. — А так мы только рискуем прострелить нашему великану хобот или, что более вероятно, уши, а то и угробить погонщика.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Конан, переставляя тяжелый арбалет и укрепляя его на другом борту помоста. — В любом случае скоро у нас будет полно мишеней.

Впереди показались две цепи воинов-хонгов, рассыпавшиеся вдоль тропы и, судя по всему, не собирающиеся в панике бежать вслед за своими союзниками-селянами. Противник был

вооружен бронзовыми топорами, копьями и дротиками и, судя по слаженности действий, имел опыт боев с турецкими войсками в джунглях.

— Опытные ребята, — кивнул в сторону противника Конан, — хорошо, что наши успели перестроиться в фалангу. Но и слонам не мешало бы ударить одновременно.

Но первый слон, разгоряченный видом крови, двигался быстрее, чем его собратья, продирающиеся сквозь густые заросли вдоль тропы.

По команде Конана Тхан остановил зверя и подождал остальных. И лишь когда все слоны оказались на одном уровне, а пехота подошла к ним вплотную, раздалась команда:

— Ребята, за Тарима и Йилдиза — в атаку!

Вместе с последними звуками своего голоса Конан почувствовал, как его слон резко рванулся вперед. На этот раз противник оказался по бокам животного. На обеих сторонах помоста почти одновременно щелкнули арбалеты. Уже вторая стрела киммерийца нашла свою цель — один из хонгов покатился по земле, хватаясь руками за торчащее из-под ребер древко.

Дюжина стремительных бесшумных смертей слетела со спины огромного животного, но затем противники сошлись так близко, что, выстрелив из арбалета, можно было угодить в своего пехотинца. Из-за кустов к бокам слонов потянулись копья с бронзовыми наконечниками, но пока что звери в основном самиправлялись с угрожающими им противниками.

Чтобы рассвирепевший зверь ненароком не раздавил своих пехотинцев, Конан приказал Тхану держать животных почти на корпус впереди строя турецких.

Оставив арбалеты, Конан и Калак взяли в руки длинные копья, чтобы не дать хонгам возможности подобраться вплотную к незащищенному брюху и ногам слона. Копья и колья противника то и дело мелькали внизу. Дротики со свистом пролетали рядом с наездниками, иногда ударяясь в их доспехи. Впереди Тхан орудовал своим жезлом с бронзовым наконечником как дубинкой, отбиваясь от нападающих, а сам слон, схватив одного из хонгов хоботом, расшивывал остальных его телом. Турецкие пехотинцы, опасаясь попасть слону под «горячий хобот», все же старались прикрыть уязвимые, не прикрытые доспехами брюхо и зад зверя.

Несмотря на безудержный натиск турецких, мятежники не собирались не только бежать, но и отступать. Одна группа, ощетинившаяся копьями, перекрыла тропу, а две другие бросились в стороны, чтобы зайти с флангов.

— Биссмиллах! — воскликнул Калак. — Никогда не видел такую орду этих проклятых обезьян!

Конан посмотрел в сторону, куда показывал Калак, и увидел двигающиеся в их направлении сотни голов и наконечников копий.

— Кром! Мы, наверное, наткнулись на один из самых больших отрядов мятежников на марше. — Конан поиском глазами своего вестового. — Муймур, отправляй оставшихся всадников в форту. Пусть сообщат, что дело серьезное. Кавалерию нужно выслать немедленно, а за ней — слонов и пехоту.

Муймур, шедший в общем строю рядом с командирским слоном, поднял голову и крикнул:

— Всадников уже нет, сержант! Они ускакали! Шариф приказал кавалеристам не участвовать в подобных схватках. Он их для чего-то другого бережет.

— Мерзавцы! Бесполезные, ни на что не годные трусы!.. Ладно, посытай гонцов! — Отложив копье, Конан перегнулся через ограждение помоста и негромко сказал: — Найди тех, кто знает кратчайшую дорогу к форту. Пусть передадут капитану Мураду, что мы ввязались в бой по меньшей мере с тысячей хонгов.

— Есть, сержант!

Муймур скрылся в зарослях, а Конан едва успел подхватить копье, чтобы отразить новый натиск мятежников, уже облепивших, как мухи, бивни и хобот слона.

Пехоте приходилось, пожалуй, еще жарче. Преимущество туранцев в выучке и умении держать строй было почти потеряно из-за множества препятствий в виде деревьев и кустарников. Хвонги отступали, выжидая момент, когда строй разомкнется, и бросались несколько человек на одного туранца, тыкая в него копьями и размахивая длинными, чуть изогнутыми ножами. Доспехи защищали от большинства таких атак, но неизбежно то тут, то там туранские воины падали, не сумев отразить натиск дюжины-полутура хвонгов. А противник, похоже, не считался с потерями и был готов платить десятком своих погибших за одного туранца.

Конан увидел, как трое его пехотинцев скрылись за толстым стволом дерева, а появились из-за него уже вдвоем.

— Кром! — воскликнул Конан и, повернувшись к Калаку, прокричал: — Во что бы то ни стало нужно атаковать! Слоны не годятся для отступления. Стоит развернуться — и от первого же дротика в заднице они, обезумев, передавят всех наших. Остается только пробиваться вперед!

— Отличный план, — съехидничал Калак, выпуская стрелу в группу хвонгов и вновь заряжая арбалет. — Но эти обезьяны не собираются помогать нам в его исполнении. Никогда не видел, чтобы они сражались так упорно, Тарим подери их!

— Они пытаются соорудить что-то вроде строя, но это больше похоже на толпу, — заметил Конан и наклонился к голове слона, чтобы спросить погонщика: — Слушай, нужно попытаться прорваться сквозь эту кучу обезьян на тропе. Главное, не дать им организовать атаку. Твой слон сможет прорваться через эту груду копий и топоров?

Загадочно улыбнувшись, смуглый погонщик развернулся и дотянулся до переднего края помоста. Дернув за какую-то веревку, он сорвал кусок ткани, закрывавший никогда раньше не виданное Конаном оружие — огромный широкий обоюдоострый бронзовый клинок с толстенной рукоятью, обмотанной грубой кожей, с широким кольцом у основания. Тхан перехватил своим жезлом хобот слона и подвел изогнувшуюся серую змею к лежащему поперек слоновьей спины оружию. Крепко схватив рукоятку хоботом, слон поднял клинок высоко в воздух. Удивленные возгласы послышались с обеих сторон линии боя. Огромный зверь, прикрываемый сзади бегущими пехотинцами, бросился в атаку.

Сбившиеся в кучу хвонги и крестьяне перекрыли тропу, лишив себя маневренности и возможности спастись бегством.

Одним взмахом гигантского, в рост человека, клинка слон расчистил себе дорогу, снеся первый ряд противников, ощетинившийся копьями и топорами. Словно коса по траве, прошлось бронзовое лезвие по частоколу копий, с равной легкостью перерубая древки и отсекая держащие их руки. В воздух ударили фонтаны крови. Прежде чем остальные мятежники успели приготовиться к защите, слон ворвался в их гущу, топча живых и мертвых и настигая убегающих окровавленным великаническим мечом.

Все это время Конан и Калак занимались тем, что орудовали копьями, словно рыбаки острогами во время нереста рыбы. В этой бойне ни единого дротика не было направлено в их сторону. Находясь в относительной безопасности, Конан успел оглянуться и с удовлетворением отметил, что рядом с другими слонами образовались такие же кровавые воронки.

— Вот так и будем продолжать! — крикнул Конан, вонзая копье в очередную жертву. Оружие крепко застряло в теле, и киммериец не стал тратить время на то, чтобы выдернуть его. Отпустив древко, он выхватил из чехла на помосте другое копье. — Если слоны будут продвигаться вдоль линии пехоты, они не дадут хвонгам собраться и организовать отпор. Тогда нашим людям будет легче держать строй и рубить этих обезьян.

Однако сержант-киммериец был вынужден временно прекратить наступление. Преследуя противника, его слон налетел на дерево, почти выворотив его с корнем, да так и остался стоять,

выпустив свое оружие. Его бока ходили ходуном, броня на морде превратилась в сплошную кровавую маску. А хвонги еще долго продолжали убегать, несмотря на то что туранская пехота остановилась рядом со слонами.

— Слонам нужна передышка, — объявил Конан солдатам, — когда они очухаются, мы погоним хвонгов дальше. А пока берегитесь их контратак. И не забудьте — нам предстоит долгий бой, прежде чем подойдет подкрепление.

Несколько часов спустя на глазах Конана погиб Муймур, пронзенный копьем, воткнувшимся в него между передней и задней пластинами доспехов. Калак был уже мертв; прямо ему в глаз вонзился дротик, скорее всего отравленный. Вдвоем с Тханом Конан продолжал разить врагов со спины измученного зверя, возглавляя атаку ради атаки, без ясной цели, лишь бы не подставлять врагу спину. Стреляя поочередно из обоих арбалетов, Конан посыпал последние драгоценные стрелы в мелькающие среди зарослей тени.

Киммериец не знал, скольких людей он убил за этот день. Десятки. Может быть, сотню? И это собственоручно, не считая уничтоженных слоном под его командой. Но и туранский отряд основательно поредел. Один из трех измученных слонов оказался на какие-то мгновения без прикрытия и рухнул под градом копий, вонзившихся ему в брюхо, и ударов топорами по ногам. Конан не видел вокруг ни единого рубежа, за который можно было бы зацепиться, чтобы перейти к обороне. Оставалось только перестроиться в каре со слонами в центре строя и дожидаться темноты.

В десятый раз за день измученный слон остановился у какой-то лужи и втянул хоботом воду. Затем, изогнув его, животное обдало себя и сидевших на его спине людей теплым душем. Сквозь водяную пелену киммериец увидел, как Тхан рухнул на землю, пронзенный бронзовым наконечником вражеского копья.

Схватив меч, Конан прыгнул с помоста, чтобы броситься на помощь погонщику. В этот миг другое копье вонзилось ему в ногу. Киммериец почувствовал, как оно прошло сквозь мышцу, вызвало сильную боль, скользнув по кости, и вышло с другой стороны, проткнув бедро насеквоздь. Конан успелолоснуть своего противника лезвием ятагана по лицу и рухнул на землю. Тхана не было видно. Но слон по-прежнему стоял на месте, и киммериец увидел, как огромный зверь продолжил свое дело, схватив одного из хвонгов хоботом и бросив его с размаху на землю.

Больше Конан не видел ничего. Боль ослепила его, заполнив все тело. Киммериец, не удержавшись, разжал зубы и испустил дикий, волчий рев. Словно обжигающая кислота понеслась по его венам, заставляя судорожно дергаться все тело. Киммериец сколько мог сопротивлялся этой всепроникающей, парализующей боли от яда, оставленного в ране отправленным наконечником копья, стараясь не потерять сознание.

Собрав все силы, Конан сел, вырвал копье из рук мертвого противника и несколькими ударами ятагана перерубил древко у самой раны. Из ноги остался торчать бамбуковый обрубок и острие бронзового наконечника с другой стороны. Прикинув, Конан решил не сразу вытаскивать его из раны, чтобы не потерять еще больше крови. Расстегнув перевязь и сняв с нее ножны, Конан перетянул ремнем ногу выше раны, скжав ее до головокружения.

Затем, подложив под торчащий из ноги наконечник копья ножны, киммериец стал обеими руками прижимать ногу к земле. Обрубок копья защевелился, вызывая страшную боль, и медленно пополз прочь из раны. Звериный рев вырывался из груди человека, и, когда наконечник все же вышел наружу, Конан не выдержал и потерял сознание.

Шариф Джадар стоял на узком помосте за частоколом и всматривался в джунгли, казавшиеся сплошной черной стеной в предзакатных сумерках. Будь на помосте побольше места,

Джафар ходил бы из угла в угол. Не имея возможности успокоить нервы таким образом, он выражал свою взволнованность, комментируя свои наблюдения стоящему рядом капитану Мураду:

— Никакого движения. Ни одного человека с той стороны. Ни наших солдат, ни противников. И никаких известий. Может быть, стоит послать батарею слонов с зажженными на их спинах факелами, чтобы обыскать окрестности в этом секторе? А вдруг кто-нибудь заблудился или, раненый, не может добраться до форта?

— Я бы не советовал. Небольшой отряд с факелами будет хорошо заметен противнику и в темноте может стать легкой добычей для него. Там, где противник действует партизанскими методами на своей земле, нельзя распылять силы. Лучше было бы выслать большое подкрепление ввязавшемуся в бой патрулю еще днем, как я предлагал.

— Это был бы уже перебор, я уверен! — Молодой шариф упрямо мотнул головой. — Вестовые всадники не сообщили ничего ужасающего. Трех десятков кавалеристов за глаза хватит, чтобы разогнать любую стаю обезьян, встретившуюся патрулю варвара из Киммерии.

— Если они еще нашли его в джунглях, — усомнился Мурад. — А что прикажете делать с гонцом, который еле дополз до ворот, истекая кровью, и сообщил, что патрулю Конана противостоит тысяча хонгов?

— Чушь! У страха глаза велики! А может быть, это бред, вызванный ядом, попавшим в рану с отравленной стрелы. И все же этот настырный сержант Юма настоял на том, чтобы со своим отделением отправиться на помощь своему дружку. Дружба дружбой, но зря я ему разрешил. — Шариф говорил все громче и громче, словно пытаясь убедить в своей правоте самого себя. — Не забывайте, капитан, помимо лесных засад нам угрожают и другие опасности. Эта резня может быть устроена хонгами специально, чтобы выманить из форта побольше наших солдат.

— Да как же они могли организовать там засаду, если вы сами только сегодня утром определили патрулю задачу и маршрут! — Мурад тяжело вздохнул. — Неужели вы не понимаете, что сила форта как раз в том, что его можно защищать малыми силами против больших сил неприятеля! А нарывавшемуся на противника патрулю следовало отправить на помощь основной полк, как и положено. Скорее всего, наши солдаты наткнулись на основные силы армии хонгов. Что толку посыпать туда эскадрон кавалерии или отделение Юмы? Здесь нельзя действовать полумерами.

— Капитан, не забывайтесь! Безусловно, ваше мнение имеет некоторую ценность благодаря вашему опыту. Но мое мнение важнее, потому что я не только старше вас по званию, но и являюсь аристократом по рождению! Вам следовало бы повежливее высказывать свою точку зрения начальству! — Шариф самодовольно оглядел капитана с ног до головы, даже не обратив внимания на гнев, застывший в глазах Мурада.

Помолчав и не дождавшись ответа от своего подчиненного, Джадар заявил:

— В конце концов, небольшой отряд, тройка слонов — невелика потеря, даже если они погибнут все до единого. Не вы ли учили меня, капитан, что офицер должен привыкать распоряжаться жизнью солдат, посыпая их, если надо, на верную смерть?

Капитан кивнул, а затем спросил:

— А что будем делать с секретным приказом, полученным сегодня?

Джафар нахмурился, а затем деланно рассмеялся:

— Кто бы мог подумать! Надо же — именно сегодня получить приказ побеспокоиться о том, чтобы этот варвар-наемник оставался цел и невредим, потому что на него имеет какие-то виды королевский штаб. Что ж, ничего не попишешь, придется написать рапорт Аболхассану, что его экзотический любимчик пал как герой. И, честно говоря, такой поворот дела мне больше по душе, чем повышенное внимание штабных генералов к одному из моих подчиненных... Стоп, а

что это там двигается? — Шариф пристально уставился в какую-то точку на опушке леса. — Стой! Кто идет? Пароль!

На крик Джадара к частоколу бросились солдаты. С обеда гарнизон находился в боевой готовности, а жители деревни перешли под защиту форта. Через несколько мгновений в свете факелов показалась громадная тень приближающегося слона в доспехах. Иссеченное шрамами, залитое кровью животное, тяжело ступая, двигалось к воротам.

— Это один из наших слонов! — сказал Мурад. — Если, — конечно, мятежники не обзавелись ими, добыв как трофеи где-нибудь в другом гарнизоне. Он без погонщика, так что будьте осторожны: возможно, это ловушка. Не забывайте наблюдать за джунглями!

Из-за слоновьей туши донесся усталый, слабый голос:

— Капитан, не стреляйте! Свои!

Только сейчас все заметили идущего рядом со слоном человека, чья черная кожа сливалась с темнотой сгустившейся ночи.

— Кто идет?. — раздался оклик дюжины часовых, натянувших тетивы свои арбалетов.

— Сержант Юма! Со мной мои солдаты и несколько человек, оставшихся в живых, из отряда Конана. Мы наткнулись на слона в джунглях и проследовали за ним к форту. Остановить его нам так и не удалось. Только так мы нашли обратную дорогу и не заблудились в темноте.

По мере приближения рядом со слоном показались другие фигуры в шлемах в форме тюрбана.

— Капитан! — раздался крик одного из часовых, наклонившегося над спиной слона, подошедшего вплотную к воротам. — Там на помосте два человека. Скорее всего, они мертвые.

Голос шарифа заставил замолчать всех:

— Сержант Юма, если это, конечно, вы. Постройте своих подчиненных в одну шеренгу, чтобы мы видели ваши лица! Это не моя прихоть, а положенная мера предосторожности.

Через несколько минут ворота были открыты, и солдат впустили внутрь форта. Один из погонщиков успокоил слона и, подведя его к посадочной платформе, усадил на колени. Джадар и Мурад наблюдали, как два тела были перенесены с помоста на большую деревянную площадку, освещенную несколькими факелами.

— Это Тхан, один из лучших наших погонщиков, — мрачно сказал Мурад. — Копье угодило ему в грудь. Но слоны верны своим хозяевам. Они часто подбирают своих погибших погонщиков. Так получилось и на этот раз. А это, — капитан дрожащей рукой убрал с неподвижного лица залитые кровью волосы, — Конан, командир отряда. Истек кровью от раны в бедро. Хотя нет, нога была перетянута жгутом. Значит, отправлен ядом на наконечнике копья. Наверное, он погиб на своем боевом посту, продолжая руководить патрульным отрядом.

— Печально, — пробормотал шариф и шагнул к краю платформы, чтобы обратиться к стоящим вокруг солдатам. — Итак, сержант Конан и его люди погибли в жестоком бою с небольшим, но упорным отрядом противника. Тяжелая потеря для нас, но оправданная ради общего дела, окончательной победы...

— Врешь... жалкий трус! — раздался за спиной шарифа почти загробный голос. Через мгновение голос обрел плоть в виде тяжелой руки, легшей на плечо Джадара. — Ты обещал выслать подкрепление, если мы встретим большой отряд хвонгов! Мы сражались целый день... Я видел, как погибали мои люди!

Все застыли, глядя, как бледнеет от ужаса лицо тарифа, как сильная рука усаживает его на платформу и обхватывает его горло.

Из-за плеча тарифа показалась кровавая маска, в которой с трудом можно было узнать человеческое лицо. Маска рявкнула в ухо Джадара:

— Где твои подкрепления, негодяй? Ты предал нас!

— Прекратить! Отпусти его немедленно!

Капитан Мурад бросился на помощь шарифу и оторвал сжимавшуюся руку Конана от его горла. Двое солдат по знаку капитана снова уложили сержанта на помост. Подскочивший Юма, придерживая своего друга, стал успокаивать его, упрашивая лежать спокойно.

Мурад помог встать шарифу и сказал:

— Яд помутил его разум, шариф.

Затем он обернулся к солдатам и приказал унести Конана в лазарет.

— Попытайтесь его спасти, — не очень уверенном бросил он им вслед.

— Да уж постараемся, — буркнул Юма, подхватывая киммерийца под плечи.

Все это время Джадар только беззвучно шевелил руками и губами, не в силах произнести хоть слово.

— Несите его в лазарет, — приказал Мурад. — Да не тарифа — киммерийца. Приставьте к нему охрану. Не забывайте о его врагах.

Помогая шарифу сойти с платформы, Мурад негромко сказал:

— Хотя в лучшем случае, если он даже выживет, то останется без ноги.

ГЛАВА 7. ВОЙНА КОЛДУНОВ

— Ну, дорогой Улутхан, как наши дела? — раздался насмешливый голос генерала Аболхассана, ступившего на выложенный гранитными звездами пол зала Совета Мудрейших. — Евнухи утверждают, что венджипурские шаманы все так же препятствуют, и небезуспешно, вашим попыткам преодолеть их заклинания. — Остановившись в центре зала под сводом пронзенного лучами солнца купола, генерал торжественно скрестил на груди руки. — Можете ли вы, со всей вашей компанией, хотя бы предсказать день, когда ваша деятельность будет хоть на грош полезна королю?

Асхар и остальные ученики Верховного Колдуна, не поднимая голов, продолжали внимательно изучать древние свитки, вглядываться в магические кристаллы и перебирать другие атрибуты своего ремесла. Но их учитель Улутхан раздраженно отодвинул от себя резной пюпитр красного дерева с несколькими пожелтевшими страницами на нем и взглянул в глаза нахальному гостю:

— Нет, генерал. Я должен признать, что мы не продвинулись ни на шаг вперед, к величайшему сожалению нашего Повелителя. — Бледный, с провалившимися от бессонных ночей глазами, Верховный Колдун недовольно смерил взглядом посетителя, которому он ничуть не уступал в знатности и важности в придворной табели о рангах.

— И хотя, — продолжил колдун, — мы, в отличие от некоторых, неустанно трудимся во исполнение воли нашего великого Повелителя, используя все имеющиеся в нашем распоряжении средства, — при этом Улутхан обвел рукой старинные стеллажи и сундуки с различными колдовскими приспособлениями и талисманами, — все же я не могу заявить, что наши усилия вознаграждены легким или быстрым успехом. При этом я не вижу причин, чтобы наши неудачи, которые являются таковыми и для нашего короля, служили мишенью для легкомысленных шуток и необоснованных оскорблений.

— Ладно, колдун, я не хотел тебя обидеть, — улыбнувшись, Аболхассан пожал плечами, но не сменил надменной позы. — Даже если временами мне кажется, что затраты на ваше заведение... э-э... несколько превышают его пользу, я ни на секунду не усомнюсь в твоей преданности королю и искренности твоих благих намерений. — Генерал благосклонно улыбнулся. — Но я никак не возьму в толк: как такой мудрейший человек, как Верховный Колдун короля, вот уже который месяц не может сломить сопротивление каких-то язычников из джунглей, поклоняющихся сущеным ящерицам... Это же просто древние суеверия, а у вас вся сила колдовской науки...

— Мой дорогой генерал. — Голос Улутхана был преувеличенно вежлив. — Едва ли древность может говорить не в пользу веры или ослабить могущество заклинания. А что касается народов Вендии, нельзя забывать, что некогда они создали могучие государства, о чем свидетельствуют развалины огромных городов и храмов в джунглях. Кто знает, быть может, их империи прошлых веков могли бы соперничать, а то и превосходить мощью и богатством наш Туран. — Колдун покачал головой. — Но все это не столь существенно в сегодняшней борьбе. Сейчас все решает расстояние от нас до Вендии.

Сделав многозначительную паузу, чтобы привлечь внимание собеседника, Верховный Колдун продолжил:

— Как бы ни была велика наша сила здесь, в Аграпуре, она не может быть запросто перенесена на новую, дикую землю, где почти нет последователей истинной веры, мало наших храмов, священных предметов. О чем говорить: эта страна ни разу не была пройдена из конца в конец ни одним из жрецов Тарима. Вся эта земля находится под властью множества

примитивных, жестоких божеств, а злосчастный Моджурна — их воплощенный пророк. Разумеется, они не страшны нам здесь, в нашей цитадели. Насколько я знаю, на улицах Аграпура еще не появлялись демоны джунглей. Не мешают они нам и в осуществлении наших предсказаний, ценность которых для короны не оспариваете, кажется, даже вы, генерал. Но все меняется, когда мы пытаемся вторгнуться с нашими силами в проклятые Таримом джунгли побережья залива Сахиба!

Вдохновенная речь Улутхана оборвалась, когда колдун наткнулся взглядом на генерала, равнодушно, словно не слушая, рассматривавшего сверкающий драгоценными камнями череп в магическом окне.

— Да, да, дорогой Улутхан, — думая о чем-то другом, сказал генерал Аболхассан. — Благодарю вас за столь исчерпывающие объяснения. Теперь мне и самому многое станет ясно. И все же я хотел бы уточнить, можем ли мы надеяться, что заклятие Моджурны будет снято в ближайшее время, чтобы наш возлюбленный Повелитель вновь, как в тот раз, смог бы встать у волшебного окна и возглавить отсюда, из дворца, великую битву в далекой Вендии?

— Прямой вопрос требует прямого ответа. Что ж, я отвечу: нет, в ближайшее время это вряд ли произойдет. — Улутхан вновь наклонился над своими пожелтевшими пергаментами, давая понять, что разговор окончен, а затем, не поворачивая головы, добавил: — Впрочем, судя по всему, мы близки к прорыву, и теперь, милостью Тарима и короля Йилдиза, вполне вероятно... но это дело не самого ближайшего будущего, генерал.

— Благодарю тебя, мудрейший. На большее я и не рассчитывал. — Не проявив заметного разочарования, генерал развернулся на месте и почти строевым шагом направился к выходу из зала Совета Мудрейших.

В некотором роде, думал про себя Аболхассан, эти козни Моджурны были ему на руку. Появясь сейчас возможность управлять войной из дворца так, словно находишься в самом Венджипуре, — и этот слонятай Йилдиз присвоит себе все лавры командующего. А в ситуации неведения генерал с успехом ловил свою золотую рыбку в мутной воде, оставаясь единоличным поставщиком информации для короля.

Стремительным шагом Аболхассан пронесся по прохладным сумрачным коридорам покоев колдунов, пересек раскаленную солнцем галерею, шедшую вдоль стены одного из внутренних двориков дворца, и нырнул в резную арку дверного проема, оказавшись в приемной галерее королевского суда.

Здесь, словно океанский прибой, неустанно раздавался гул множества голосов, обсуждавших разбираемые дела — жалобы купцов на таможню и покупателей на купцов, семейные междоусобицы, перерастающие в кровную месть, и дела о наследстве. Все это名义ально являлось предметом рассмотрения Верховного судьи государства.

Генерал стремительно пересек галерею суда, счастливо избежав хватаний за рукава и заглядываний в глаза уверенных в своей правоте истцов, а также торжественных обращений за помощью от красноречиво завывающих адвокатов. Путь Аболхассана лежал дальше — во внутренние покои дворца, в отделение Протокола, в главном зале которого происходили торжественные встречи, требовавшие присутствия самого короля или его ближайших советников.

Безмолвные охранники легким движением распахнули перед генералом последние двери. Оказавшись в роскошно украшенном зале, Аболхассан был изрядно удивлен громким и требовательным женским голосом, эхом разносившимся под сводчатым потолком:

— Вы призываете наших сыновей и мужей во все новые и новые полки! Они отправляются умирать в далекую, чужую страну. Вы учите их убивать и грабить — и больше ничему. Сердца тех из них, кому суждено вернуться, навеки окаменеют и будут глухи к заветам великого Тарима!

Аболхассану показался знакомым этот сильный голос и его обладательница — красивая, богато одетая женщина с копной светлых, распущеных по плечам волос. Ее речь была обращена к одиноко сидевшему на троне королю Йилдизу, явно чувствующему себя не в своей тарелке под яростным огнем критики.

Воодушевленная его замешательством и беспомощностью, женщина продолжала:

— Я спрашиваю вас, Ваше Величество, есть ли хоть какая-то польза от военных походов в столь далекие страны, как Вендия? И какова цена подобных войн?

Сколько бойцов погибло там, сколько горя и страданий принесли такие походы? Какова судьба всех общественных начинаний здесь, у нас дома? Где новые дороги, каналы, храмы? Неужели это менее важно для страны, чем, простите, звериное геройство наших близких в забытых Таримом джунглях Вендии!

Женщина тряхнула головой, и ее волосы засверкали в лучах солнца, пробившихся сквозь резные ставни. Светлые локоны особенно хорошо смотрелись на фоне смоляных причесок пяти других придворных дам, сидевших рядом с блондинкой — госпожой Ирилией, супругой одного из высших государственных чиновников. Ее красивая фигура, шикарное голубое платье и шаль из золотистого шелка — все это смягчало и одновременно усиливало эффект, производимый ее словами. Генерал поймал себя на том, что впервые по-новому оценил возможности этой женщины. Сейчас он присматривался к ней более внимательно.

— Подождите же, госпожа, минутку... а, генерал, наконец-то! — Йилдиз заметил стоящего у дверей Аболхассана и вздохнул с видимым облегчением. — Я тут пытаюсь объяснить госпоже Ирилии разумность и долговременную перспективу нашей южной политики. Она и ее подруги проявляют весьма обширные знания по этому вопросу и, надо сказать, выдвигают совершенно неоправданные, но хорошо обоснованные аргументы в пользу своей точки зрения. — Король издал нервный смешок и с тревогой посмотрел на Ирилию, явно собирающуюся вновь взять слово. — Я пытаюсь объяснить уважаемым придворным дамам, что есть механизм государства и как он функционирует. Королевство — словно могучий океан, который никогда не бывает абсолютно спокоен. Если в одном месте штиль, то в другом буря, не говоря уже о приливах и отливах и неумолкающем прибоем. Так же и Турецкое королевство. Мы должны сохранять движение вовне, поддерживать наш натиск, хранить боевой дух наступления не только на границах, но и здесь, в самом сердце древнего Турана.

— Я не вижу здесь недостатка боевого духа, — произнес Аболхассан с легким поклоном и, смерив оценивающим взглядом Ирилию, подошел к королю. — Но полагаю, что образованные дамы не вполне понимают ход событий в мире. Я имею в виду нависшую над нами угрозу со стороны варваров. Человеку, не посвятившему долгие годы своей жизни изучению карт и планов, не понять шаткости, ненадежности положения Турана. Со всех сторон нас окружают варварские орды, которые ждут лишь сигнала — малейшего проявления нашей слабости, малейшего пятнышка ржавчины на наших доспехах, — чтобы кинуться на нас, одновременным ударом со всех сторон смять наши границы, разрушить города, вытоптать поля, осквернить храмы. ~ Генерал внимательно следил глазами за производимым его словами эффектом, переводя взгляд с Ирилии на ее спутниц. — Подумайте, под угрозой оказываются все наши ценности, включая и столь похвальные добродетели турецкой женщины... — Достаточно, генерал! Я уже слышала подобные речи раньше. — В отличие от остальных дам, Ирилию абсолютно не обеспокоили мрачные перспективы женщин Турана, обрисованные Аболхассаном. — Лично я не вижу необходимости опасаться столь отдаленной угрозы нашему благополучию. Гораздо более опасно, на мой взгляд, все возрастающее могущество воинского сословия внутри нашего государства. — При этих словах глаза Ирилии встретились с глазами Аболхассана почти со слышимым скрежетом — словно два сомкнувшихся в воздухе клинка.

— Скорее, чем далекие варварские орды, наши дома разрушит и опустошит все возрастающая жадность жестоких, умеющих лишь убивать и тратить чужие деньги людей, ввергающих Туран в бездну. А ведь таков был конец многих великих империй прошлых веков, не так ли, мудрый генерал?

Аболхассан холодно улыбнулся:

— Тем нужнее для турецких воинов полигон, чтобы Отточить свое мастерство, которое может им очень пригодиться в тяжелые времена. И кроме того, мы сможем быть уверены, что ни один внешний враг не справится с нашими войсками.

— Любезные дамы, — объявил король Йилдиз, — вы — любимые жены моих самых верных и знатных шахов. Я призываю вас выслушать меня внимательно. — Сладкий, интригующе-заигрывающий тон короля был выбран им абсолютно точно, чтобы всецело завладеть вниманием слушательниц. — Вы вполне сведущи в государственных делах, вы всегда помогаете достойным советом своим мужьям. Полагаю, что шах Фасхаразендр — супруг госпожи Ирилии — до некоторой степени обязан ей своими успехами на поприще государственных дел и коммерции. Сейчас он находится далеко от нас, ведя суда, караваны слонов и верблюдов и прославляя в далеких странах наш великий Туран. Жаль, что он сейчас не с нами, не с вами, дорогая Ирилия, чтобы утешить вас в ваших заботах о судьбе государства.

Блондинка разомкнула коралловые губы, чтобы что-то ответить, но, передумав, промолчала, продолжая слушать короля. Йилдиз же наклонился поближе к даме и продолжил:

— Если вы уж так разбираетесь в государственных делах, вы оцените то, что я вам сейчас расскажу. — Йилдиз положил руку на колено одной из придворных дам, которая даже сквозь оливковый загар покрылась румянцем гордости за это проявление высочайшего внимания. — Итак, среди тех, кто воюет сейчас в Вендии, есть ваши родные и прочие благородные воины-аристократы, но немало там и других, чье происхождение, скажем так, не столь знатно. Кто-то из них погибает, а кто-то, доказывая свое умение воевать и верность трону, делает служебную карьеру, получает признание товарищей и даже, как знать, становится героям Турана. — Внимательные глаза Йилдиза поочередно останавливались на всех женщинах, заставляя всех, кроме Ирилии, отводить взгляд. — Королевству нужны герои, если оно хочет выжить, — объявил король с видом мудреца, изрекающего древний закон. — Один такой солдат недавно привлек мое внимание... Ничем на первый взгляд не примечательный сержант из одного далекого форта — командир патрульного отряда пограничной пехоты. Зовут его Конан. — Йилдиз выразительно пожал плечами. — Как видите, даже не турец, иностранный наемник. Кажется, из Ванахейма, в общем, с севера, как мне доложили.

— Милостивый Тарим! — всплеснула руками в притворном удивлении Ирилия. — Неужели это один из тех нависших над нами варваров-головорезов, которыми нас так пугают?

— Именно так, любезная госпожа, — негромко парировал Аболхассан, — но когда такого головореза удается обратить в истинную веру — лучшего бойца еще поискать. В конце концов, именно поэтому мы и посылаем варваров сражаться с варварами!

— Вот именно, — подхватил Йилдиз, обрадованный неожиданной поддержкой генерала. — Этот человек впервые привлек мое внимание во время мятежа в городе Яралете. — Король нахмурился — неприятные воспоминания всплыли в его памяти. — Во время мятежа большой отряд, посланный на усмирение, был полностью уничтожен, причем не в честном бою, а посредством какого-то подлого, дьявольского колдовства. Вскоре после этого гонец принес мне весть о том, что какой-то безымянный солдат выжил в той бойне и, тяжело раненный, практически один вернул взбунтовавшийся город в лоно королевской власти. Затем я узнал, что имя этого солдата — Конан. Вскоре после этого он подал рапорт и был добровольно переведен на южный фронт.

Король покачал головой в искреннем восхищении, ожидая ответных чувств у собеседниц, а затем заметил:

— Таким людям, как Конан, нужна арена для проявления их талантов.

Йилдиз продолжал говорить, возлагая руки на колени всех слушательниц поочередно, исключая лишь Ирилию, которая старалась держаться вне его досягаемости.

— Из такого человеческого материала, умело обработанного и закаленного, и выковывается могучее королевство! — заключил Йилдиз.

— Невероятно. — Ирилия изобразила такое же восхищение, какое было написано на лицах ее подруг. — Надеюсь, что, имея таких чудо-воинов, способных в одиночку усмирять целые города, вы не будете больше посыпать все новые легионы в Вендейский котел. Кстати, успехи этого варвара на южном фронте не разочаровали Ваше Величество?

— Отнюдь, — самодовольно ответил Йилдиз. — Недавно во главе горстки храбрецов он проник далеко в глубь территории противника и совершил налет на скрытый в джунглях храм. В том бою он был близок к тому, чтобы поразить самого Моджурну — Верховного Шамана, вдохновителя вражеского сопротивления. И это еще не все. — Глаза короля горели все ярче, а руки все вольнее прохаживались по коленям и бедрам его слушательниц. — Сегодня мне сообщили о новых подвигах этого воина. Сейчас наш дорогой Аболхассан расскажет нам об этом подробнее.

— С превеликим удовольствием, Ваше Величество! — Генерал еще раз скрестил взгляд, словно клинок, со взглядом Ирилии.

При этом генерал не без беспокойства следил за все более настойчивыми ласками Йилдиза, обращенными к придворным дамам. В мозгу Аболхассана пронеслась омерзительная сцена, свидетелем которой ему пришлось стать, делая предыдущий доклад королю в спальне со ртутным бассейном. Теперь генерал не без оснований опасался повторения чего-нибудь подобного. Ему стоило немалых усилий привести свои мысли в порядок и направить их на дело.

— Мы только что получили известие о том, что бригада боевых слонов в сопровождении королевской пехоты и при массированной поддержке кавалерии нанесла тяжелый удар по противнику. Разрушен тайный лагерь в джунглях, уничтожено около десяти тысяч мятежников, а оставшихся в живых сейчас преследуют наши войска. Потери с нашей стороны незначительны. Сержант Конан лично возглавлял атаку в боевом строю и сам был тяжело ранен, причем его выздоровление весьма проблематично. Но как бы там ни было, эта победа является знаком перелома во всей войне и знаменует скорое окончательное установление туранского господства над всей Вендией.

— Да уж надеюсь, генерал, — язвительно заметила Ирилия. — Я удивлена, что там вообще набралось столько мятежников. Ведь, судя по вашим заверениям, их силы были всегда незначительны и многие из их бойцов уже были уничтожены нашими войсками.

— И все же, госпожа, — со змеиной улыбкой продолжил Аболхассан, — мы сумели предугадать направление тайного наступления скрытых отрядов противника. Теперь конец войны уже не за горами.

— Поистине отличные новости, — умиротворенно произнес Йилдиз, поправляя расшитый драгоценными камнями тюрбан. — Но я обеспокоен судьбой сержанта Конана. Он один из лучших бойцов в южных легионах, если не лучший. Не могли бы вы послать его командирам мой срочный приказ — сделать все возможное для его скорейшего выздоровления?

— Безусловно, Ваше Величество. — Аболхассан почтительно поклонился. — Надеюсь, что Конан все-таки выживет, а уж я прослежу, чтобы его излечению было оказано должное внимание.

— Вот и замечательно. — Довольный Йилдиз упер руки в бока и сказал: — А теперь, дамы,

если у вас нет больше срочной необходимости в продолжении дискуссии, я попросил бы прервать наш разговор. Полученные из Вендии сведения очень важны, поэтому я позволю себе удалиться в кабинет, чтобы внимательно, с картой под руками, разобраться в деталях.

Наклонившись, король ласково похлопал женщин по коленям в знак прощения.

— Не сомневайтесь, что ваши сомнения и пожелания были услышаны и что я серьезнейшим образом обдумаю их и приму соответствующее решение. Надеюсь, что эта встреча не Последняя. Полагаю, что в следующий раз мы соберемся в менее официальной обстановке... Что нам мешает накрыть легкий стол в одном из моих личных покоя? Я отдаю соответствующие распоряжения, и вас пригласят. Сегодняшняя встреча была для меня истинным удовольствием.

Встав вместе с королем, Ирилия шагнула вперед и крепко пожала протянутую ей руку.

— Ваше Величество, проблемы, о которых я вам говорила, не разрешатся сами собой. Язываю к вашей монаршей ответственности. Тщательно взвесьте мои доводы и не следуйте слепой воле некоторых из ваших советников. — При этом Ирилия бросила выразительный взгляд в сторону Аболхассана, но внимание Йилдиза уже было поглощено более сердечными прощальными знаками со стороны других женщин.

— Благодарю вас, уважаемые дамы. Я был счастлив провести это время с вами — в удовольствие себе и на пользу государству. Вы свободны! Да хранит вас Тарим!

Стража вежливо, но настойчиво проводила женщин к выходу. Генерал Аболхассан извлек из складок своего одеяния свиток с копией донесения из Вендии:

— Вот он, Ваше Величество. Кстати, я потрясен вашим умением держать в руках этих кумушек. — Генерал оглянулся, чтобы удостовериться, что женщины покинули зал Протокола, — но я боюсь, что любезность и вежливость не тот язык, который понятен этой наглой блондинке. Помяните мое слово, Повелитель, она одна из тех, для которых у правителя должна быть припасена петля, кинжал, а то и дыба.

С этими словами генерал еще раз поклонился и направился к выходу, сообщив на прощание:

— Вынужден откланяться, Ваше Величество, ибо считаю, что, завершив, кое-какие сегодняшние дела и проведя намеченные встречи, я смогу с большей уверенностью обсуждать тему продолжения войны. Благодарю вас за внимание, Повелитель. Всего хорошего.

Предоставив Йилдизу изучать помпезное донесение из Венджипура, Аболхассан поспешил в другое крыло дворца, являвшееся резиденцией придворных евнухов. Еще на подходе генералу ударили в нос терпкий запах духов, разнообразных благовоний, а также множества готовящихся кушаний. Сделав несколько глубоких вдохов, Аболхассан лишь игриво усмехнулся: вся роскошь и изнеженность существования обитателей этих покояв была лишь жалким подобием платы за то, что еще в младенчестве они были лишены возможности ощущать жизнь во всей ее полноте и многообразии. Но сами евнухи вовсе не чувствовали себя ущербными, скорее наоборот. И в последнее время они стали все более открыто заявлять о своем превосходстве над остальными придворными. Сначала это забавляло генерала, затем начало злить.

Вот и теперь то, что ждало его за золоченой дверью, заранее было ему омерзительно.

— Ну, генерал, наконец-то. Вас только за смертью посыпать, — раздался раздраженный голос старшего евнуха Дашибит-бея, восседавшего на шелковых подушках за низким столом, покрытым остатками его давней трапезы. Расплывшаяся жирная фигура сверкала в свете масляных ламп мириадами камней и золотых нитей. Этот блеск, отметил про себя Аболхассан, эффективно скрывал пятна от пролитого на кафтан вина и оброненной жирной пищи.

— Я бы предложил вам разделить скромное угождение, приди вы вовремя, — развел руками Дашибит-бей, — но сейчас, боюсь, ничего не осталось. — Он обвел широким жестом груду грязных блюд и подносов, полуобглоданных костей, вскрытых устриц и фруктовых огрызков и косточек. — Осталось лишь немного фруктов, — добавил евнух, ставя жирной рукой на

середину стола позолоченную корзину.

— Нет, Дашибит-бей. Я был задержан самим Йилдизом и должен немедленно возвращаться к нему. — Аболхассан плотно прикрыл дверь за своей спиной. — По правде говоря, я не одобряю нашу встречу; я полагал, что мы твердо условились избегать ненужного риска. Что за важное дело срочно потребовало моего присутствия здесь?

— Государственный переворот и захват власти — разве не важные дела? Устранение Йилдиза и установление военной диктатуры! — Дашибит-бей захихикал. — Генерал, не надо так испуганно зыркать по углам. Здесь, в моей личной столовой, нет ни окон, ни потайных отдушин. Мы здесь одни. Никто не подслушивает нас и не прочтет наши слова по губам. Здесь можно говорить спокойно. Есть такие вещи, которые должны быть обсуждены открыто между равными.

— Равными! — Аболхассану стоило огромного труда скрыть презрительно-возмущенную ухмылку. — Ну да, Дашибит-бей, мы равны. Равны как соратники в общем деле, равны по риску. Хотя, осмелюсь заметить, если наше дело провалится, тебя разрежут на несколько большее количество кусков, чем меня.

— Вы меня успокоили, генерал! Вы снова шутите! — Евнух рассмеялся. — И вы лжете! — Его глаза не отрываясь смотрели в глаза воина. — Но вы лжете с умом, так умело, как только может лгать мне человек, задумавший потянуться со мной умом и ролью в заговоре. — Дашибит-бей покачал головой, не обращая внимания на гримасу оскорблений, судорогой схватившую лицо генерала. — Только не думайте, что вам удалось обмануть меня, генерал! Не думайте, что я, как остальные, развешу уши и буду внимать вашим сказкам про правление совета и разделение властей. Вы будете единоличным диктатором. Вы — естественный лидер аристократии высшего и среднего уровня. Ваше генеалогическое древо будет последним, что выучат многие и многие в своей внезапно укоротившейся жизни. Для вас захват трона станет только началом кровавой бани, но, карабкаясь к вершине дерева власти, отсекая по пути все мешающие ветки, не вздумайте так же обойтись со мной. — С этими словами евнух наклонился над столом и обмакнул очищенный апельсин в сладкий сироп, приготовленный в специальной серебряной чаше. — Так вот, моя роль в государстве слишком велика, положение прочно, а деятельность чрезвычайно важна, хотите вы того или нет.

— Ладно, Дашибит-бей. — Генерал наклонился над столом и пристально поглядел на евнуха; лишь легкое подрагивание ноздрей выдавало его гнев. — Я готов не замечать твоих оскорблений, по крайней мере пока. Ты действительно нужен мне. Нужна возглавляемая тобой система государственной власти, которая позволит в кратчайшие сроки превратить это восстание в череду великих военных побед!

— А я про что говорил, генерал! — прервал его евнух. — Кроме того, если вы полагаете, что Туран — всего лишь ощетинившийся оружием монстр, воюющий со всеми хайборийскими народами сразу, то вы глубоко ошибаетесь. Как человек военный, вы не можете понять, что мы сильны не только и не столько легионами. Нет, истинное могущество королевства заключено в торговле и дипломатии. Я даже позволю себе высказать крамольную, на ваш взгляд, мысль: настоящая война сейчас, скорее, лишит страну ее решающих преимуществ. Наоборот, величие Турана потребует, чтобы вы были лишь символом государства. Можете подавлять всякое недовольство внутри страны — сколь угодно жестоко, но дипломатию доверьте мне. И последнее: пресеките распространявшиеся в городском гарнизоне слухи о ночи длинных ножей, грядущей для квартала евнухов.

Дашибит-бей, не обращая внимания на попытки генерала изобразить на лице удивление и недоумение, продолжил:

— Да, генерал, мне известно и это. Кстати, те, кто распускал эти сплетни, уже получили перевод в дальние гирканские гарнизоны. Эта мера позволила несколько сдержать

распространение столь тревожного слуха. Я и мои дети — не смейтесь, генерал, — мои дети-евнухи держат меня в курсе всего, что происходит в Аграпуре. Мы — реальная власть в Туране. Так всегда было при Йилдизе и его предках, и так будет впредь. На этот раз, генерал, я вас предупредил. В следующий раз может оказаться... слишком поздно.

Заплыvший жиром евнук чуть наклонил голову и зевнул.

— Но, в общем-то, — продолжил он, — все не так плохо. Всякому правителю приходится идти на компромиссы. Я предлагаю вам, генерал, почти абсолютную власть, какая и не снилась Йилдизу. Почти абсолютную. Ведь в мире еще не было правителя, который бы полностью реализовал все свои замыслы... к счастью для мира и всех народов.

Аболхассан мрачно ходил взад-вперед вдоль стола, осмысливая услышанное. Воцарилось глухое молчание. Когда генерал наконец снова повернулся к Дашибит-бею, лицо воина было мертвенно-серым. С трудом разжимая зубы, генерал спросил:

— Ну а что с тем караваном оружия, который был снаряжен указом Йилдиза для легионов в Венджипуре? Он уже отправлен?

Евнук кивнул:

— Одна половина выгружена в дне пути от Аграпура. А вторая даже не покинула пределов порта. Оружие лежит на складах южнее доков. В любой момент мы можем воспользоваться им. — Дашибит-бей внимательно посмотрел на своего гостя. — Генерал, да не принимайте вы все так близко к сердцу. Я понимаю, что у ваших планов есть свои границы. И все же — успокойтесь. Вот, угощайтесь фруктами... — Евнук небрежно подтолкнул корзину к генералу.

— Благодарю. Непременно воспользуюсь предложением.

Склонившись над корзиной, Аболхассан задумчиво выбирал среди множества фруктов подходящий плод. Наконец он остановился на крупном манго, чья кожица была желтой с одного конца, а затем меняла цвет на зелено-коричневый и багровый на другом. Не говоря ни слова, генерал поставил ногу на стол и сделал по нему несколько шагов по направлению к своему собеседнику. Подойдя к Дашибит-бею вплотную, он опустился, уперев колени в широкую грудь евнуха, и воткнул манго в его широко открытый от удивления рот. Схватил евнуха одной рукой за затылок, генерал продолжал вдавливать фрукт в глотку своей жертвы, сжимая ее железной хваткой.

Из груди Дашибит-бея вырвалось лишь сдавленное хрипение. Пухленькие ручки бесцельно метались от пояса с ножами к руке генерала, а от нее — к сдавленному горлу. В конвульсиях евнух перевернулся ногами стол и сам рухнул навзничь в груду объедков. Аболхассан продолжал сжимать его горло до тех пор, пока не убедился, что тот не сможет выплюнуть плод. Тогда генерал вскочил на ноги и отошел от извивающегося в агонии тела как раз вовремя, чтобы услышать лязг замка и увидеть открывющуюся дверь.

В комнате появился Эврантхус — первый помощник в канцелярии Дашибит-бея. Взволнованный юноша обежал перевернутый стол и склонился над умирающим начальником.

— Я услышал душераздирающие звуки, генерал. Что случилось?

— Беднягу сгубила жадность. Он подавился косточкой манго, — сказал Аболхассан, одновременно нашарив рукой рукоятку ятагана на своем поясе. — Теперь, видимо, тебе придется занять его место при дворе и в некоторых других делах.

Генерал знал, что Эврантхус был посвящен в заговор. Что молодой евнук слышал, стоя за дверью, — оставалось только догадываться.

— Да будет так! — согласился юноша.

Он стоял, наблюдая конвульсии Дашибит-бея, словно тот был уже мертв, не пытаясь хоть чем-то помочь ему.

— Какая трагедия... какая роковая случайность, какая несвоевременная смерть! — Сделав

скорбную мину, Эврантхус повернулся к Аболхассану и скорбным голосом изрек: — К счастью, есть я — человек, способный занять его место и продолжить его дело.

— Милостью Тарима ты, Эврантхус, достаточно готов, чтобы занять его должность. Не волнуйся, я всячески помогу тебе войти в курс дела и в дальнейшем смогу мягко направлять тебя. — Аболхассан разжал руку и убрал ее с ножен. — Может быть, такой конец Дашбит-бея был не случаен: все растущий аппетит, переходящий во всепоглощающую жадность, сгубил его самого.

— Осторожно, Асхар. Поставь зеркало на ребро так, чтобы его можно было легко поворачивать. — Улутхан руководил приготовлениями перед занавешенным черной тканью магическим окном в стене зала Совета Мудрейших.

— Боюсь, я не управлюсь с такой машиной, — отдуваясь, произнес ученик колдуна, возившийся с огромным зеркалом, чей вес явно превосходил его собственный. — Рама такая здоровенная, да еще золотом покрыта.

— Еще бы. Я попросил доставить нам самое большое зеркало во дворце. Евнухи и притащили эту громадину. — Улутхан довольно улыбался. — Это доказывает, что мы, по крайней мере, еще пользуемся благорасположением нашего короля. Не робей, Асхар! Дело-то пустяковое. Нужно всего лишь отразить солнечный луч точно на окно в нужное время... всего через несколько мгновений, когда солнце осветит магические чертежи в центре зала.

Колдун ткнул пальцем под ноги Асхару, где на мраморном полу была начертана белая пентаграмма, заключенная в черный шестиугольник, который, в свою очередь, был вписан в белый круг.

— Я уверен, что наши вычисления точны.

В сотый раз он поднял глаза и посмотрел на обезображеный купол. По приказу Верховного Колдуна рабы расширили одно из отверстий для наблюдений за звездами. Из-за недостатка времени им пришлось действовать грубо — кирками и ломами. Теперь солнечные лучи невиданным здесь ранее потоком заливали обычно мрачный Зал Мудрейших.

Асхар, не выпуская из рук зеркала, спросил своего учителя:

— И все же, господин, чего именно мы добьемся этими лучами?

Улутхан таинственно улыбнулся из-под седых бровей:

— Асхар, мы одолеем заклятие Моджурны, снимем с волшебного окна его дьявольские ставни, очистив таким образом путь к Венджипуру. Этот осколенный череп или растает, обратившись в пар, или взорвется, разлетевшись тысячами осколков. Но больше он не будет мешать нам. Ведь действуя здесь, в родных стенах, мы обладаем большей силой, чем далекий шаман. Наши молитвы и талисманы обогащаются и усиливаются глубиной нашей веры и всей мощью благословенной Таримом земли.

Наклонившись над своим столом, Улутхан взял приготовленную золотую статуэтку — один из самых сильных мистических талисманов в храмах Аграпура. Статуэтка изображала священного Сокола Тарима. Золотые крылья взмахнули на ширину человеческих плеч, гордая голова была повернута в сторону. Извивающаяся в клове змея символизировала, по мнению жрецов, отвергнутый культ Сэта. Теперь Улутхан решил использовать скрытую энергию священной статуи в борьбе против далекого шамана. По его плану следовало поместить статуэтку в поток света, направленный на вражескую эмблему. Этой энергии, помноженной на силу начертанных на полу символов, должно было, по мнению Верховного Колдуна, с лихвой хватить на то, чтобы разбить заклятие Моджурны.

— Не забывай, — повторил Улутхан, — этот осколенный череп — всего лишь материализованная иллюзия. Наш противник силен. Но он силен, создавая эту иллюзию у себя

дома. А здесь мы хозяева, и мы сумеем преодолеть его колдовство. Осталось одно, последнее усилие. Пользуясь силой благословенного Таримом солнца, мы одолеваем нашего слабеющего соперника, как одолевает мощный Туран дикий Венджипур.

Асхар с сомнением пробормотал:

— Вот уж невиданное чудо — победить врага зеркалом!

Улутхан ответил с улыбкой:

— Это самое обычное в магии дело. Главное, не бойся, сынок. И смотри внимательно — солнце уже входит в круг!

Четко прочерченная граница света и тени медленно ползла по полу. Когда большая часть магического чертежа оказалась на свету, Асхар взялся за зеркало. Огромный солнечный зайчик запрыгал по стенам, освещая разные углы зала, а затем замер ярким пятном точно на занавешенном черным бархатом окне.

— Великолепно, Асхар!

Старый колдун аккуратно поставил золотого сокола на резную подставку. Распростертые крылья и гордый профиль черной тенью точно легли на бархат.

— Следи за солнцем! Не забывай поворачиваться вслед за ним! А теперь открываем! — С этими словами колдун подбежал к бархатной занавеси и резким движением сдернул ее с окна, открыв взгляду серебристо-матовый блеск волшебного зеркала.

Череп был на своем месте, словно какой-то бесменный часовой на всеми забытом посту. Свет, отраженный зеркалом, ярко осветил сверкающие миллионами огней Драгоценные камни на бровях, щеках и в глазах черепа.

Тень Сокола Тарима с трудом можно было разобрать среди сверкающих искр. В какой-то момент Асхару даже показалось, что свет исходит от самого черепа, отражается от зеркала и уходит в небо.

Затем череп стал на глазах расти — или приближаться. Исчезло ставшее уже знакомым ощущение стеклянной стены, отделяющей вражеский символ от зала Совета. Раздался звон, и осколки градом посыпались на каменный пол, и в зал из-за окна вползли огромные, украшенные самоцветами и жемчугом раскрытые челюсти. Эти осколенные челюсти, словно таран на носу корабля, снесли на своем пути статую священного сокола и вонзились в бок Улутхану, схватив колдуна мертвкой алмазной хваткой.

Под стоны старого колдуна в неровном свете дрожащего в руках Асхара зеркала гигантский череп вполз обратно в волшебное окно, унося с собой свою истекающую кровью жертву. Какой-то дьявольский вихрь смерчем пронесся по залу, подняв тучи пыли и унося за собой листы древних манускриптов. Последним в провал в окне скрылся черный бархатный занавес. Крики Улутхана затихли где-то вдали, не оставив даже эха. Ветер затих, и пыль стала медленно оседать на пол.

Сгибаясь под тяжестью зеркала, Асхар не выдержал и отскочил. Огромное полированное стекло разлетелось вдребезги, а сам ученик колдуна, споткнувшись, не удержал равновесия и, падая, ударился затылком об одну из колонн, поддерживающих купол зала, и остался лежать на полу без движения.

ГЛАВА 8. БЕЗУМНЫЙ ГОРОД

— Вперед, жалкие шакалы! Сейчас не время прозябать в этом клоповом постоялом дворе! — Громоподобный голос Конана прокатился по двору, где погонщик, остановившись, помог сойти пассажирам и снял с повозки их нехитрый багаж. Водрузив могучие, подобные тяжелым кувалдам, руки на плечи друзей, киммериец повлек приятелей в сторону ворот, за которыми слышался шум оживленной улицы.

— Столица Венджипур во всей своей порочной красе и недоброй славе ждет нас!

— Да что ты несешь! — удивился Юма. — Врач не рекомендовал тебе даже путешествие в повозке из Шинандара в столицу. Ты что, забыл про раненую ногу? А теперь ты еще собираешься шляться ночь напролет по улицам!

Юма, прищурившись, оглядел окружающие дома. Среди желтолицых прохожих он выделялся, словно черный базальтовый валун в мутно-желтом потоке реки.

Город громоздился вокруг приятелей: древние каменные дома с кабаками и увеселительными заведениями, купола и таинственные минареты — все служило приманкой для свободных от службы солдат, рассчитанной на то, чтобы вытянуть из их кошельков как можно больше твердых, высоко ценившихся туранских монет. Сейчас, в вечерних сумерках, все выглядело еще более манящим — и пугающим.

Юма был непреклонен:

— Нет, Конан, никаких вопросов. Ты еще слишком слаб для таких прогулок.

— Ну вот. Будет возможность потренироваться. — Конан посильнее надавил рукой на шею друга. — Нужно не давать ноге слабеть, а шраму — слишком сильно стягивать кожу. — Затем Конан посмотрел на Бабрака и добавил: — А наш набожный друг... Несомненно, юноша должен провести хоть одну ночь в этом логове порока. Тогда его верность заветам Тарима не будет подлежать никаким сомнениям, если он, конечно, сохранит ее.

— Нет, Конан, я и вправду плохой спутник в таких затеях. — Бабрак с трудом стоял на ногах, придавливаемый сильной рукой киммерийца. — Да и подумай, чем тот квас, который подают в уличных забегаловках, лучше того, что нам нальют здесь, на постоялом дворе.

— Он прав, Конан, — подтвердил Юма, не отрывая взгляда от уличной толпы. — Не забывай: джунгли или столичный город — это все Вендия со всеми своими кошмарами и опасностями.

Конан, не отпуская друга из объятий, сказал:

— А я все помню: и кошмары, и опасности. Но поставь себя на мое место. Проваляться несколько недель, глядя в потолок, затем трястись целый день в этой катящейся за слоновьей задницей телеге — и все для того, чтобы здесь завалиться в какую-нибудь клоповую гостиничную кровать?

Аргумент Конана возымел действие и заставил Юму сделать несколько шагов вдоль по улице. Бабраку, в общем-то, ничего не оставалось делать, как последовать за своими старшими приятелями.

— А что касается опасностей — разве мы приехали в эту страну для того, чтобы нахлебаться их на всю жизнь? Слушайте, ребята, у меня плохое настроение, как вы уже могли заметить. И оно будет еще хуже, если до утра я не проломлю парочку черепов или не развлечусь еще как-нибудь.

Обняв друзей скорее для того, чтобы приободрить их, а не для того, чтобы опереться самому на их плечи, Конан повел приятелей по вечерним улицам. Торговцы вразнос, торопящиеся горожане, попрошайничающие нищие и сироты — все они сплошным потоком обтекали троицу,

в основном едва доставая приятелям до плеч. Если навстречу попадался более высокий силуэт, то это был либо какой-нибудь богатый горожанин, которого рабы несли на носилках, либо кто-либо из таких же солдат в остроконечном спиралевидном шлеме турецкой армии. Они резко отличались от всей толпы не только ростом, но и незастегнутой формой, увенчанной сувенирными побрякушками, а также смиренным поведением и бесцельной, неуверенной походкой выпившего человека.

Во всей этой толчеи друзья не успели пройти и дюжины шагов, как очутились в пятне света, падавшего на мостовую из раскрытой двери какой-то забегаловки.

— Эй, хозяин, пришли мальчишку с кувшином кумыса и тремя кружками! Живо! Слышал? Три кумыса!

Крик Конана заставил трактирщика побыстрее обслужить столь шумных клиентов. Он немедленно приказал мальчишке-разносчику принести им заказанный кумыс. Малый оказался не промах. Когда Юма сунул ему серебряную монету, мальчишка спрятал ее в карман и стал пятиться, что-то лопоча и идиотски улыбаясь. Юме пришлось схватить его и хорошенъко потрясти, что явно привело мальца в чувство. Лихорадочно дергаясь, он живо отсчитал положенную сдачу.

Заведение было уставлено столиками высотой по колено и соответствующими низенькими табуретками — подставками для сидения. Множество посетителей сидело за столами, некоторые стояли у стойки. Освещенный красными лампами воздух был полон дымом курящегося сандала и других благовоний, которые не могли перекрыть всепроникающую тошнотворную вонь дрянного кумыса.

В этих местах никогда не делали этого напитка, его стали завозить сюда на потребу привыкшим к нему кавалеристам из турецких войск. Долгое путешествие и жара не способствовали правильному брожению, и вкус этого кумыса был весьма специфический. Но главное качество пенящегося напитка не пострадало. После нескольких кружек в головах у приятелей зашумело, всех троих потянуло на задушевную беседу.

— Тебе просто повезло, Конан, что ты так быстро очухался после такой раны, — заметил Бабрак. — Из тех, кто выжил в том страшном бою, большинство погибло от заражения крови; почти все оставшиеся лишились рук или ног, а то и других важных частей тела.

— И не говори, приятель, — торжественно кивнул головой Конан, обозревая заведение. — Благослови вас Кром, ребята, за то, что вы вытащили меня из этого мерзкого лазарета и перенесли в наш с Сарией дом. Ох уж этот мне костолом — полковой хирург. Вот ведь находка для врага в своих рядах. Я с ним еще поговорю... Но вот Сария! Нет, эта женщина знает, что к чему. Я ведь уже концы отдавал, когда она за меня взялась, а вот гляди-ка — живей живехоньского!

— Но я бы не сказал, что ты был слаб от болезни, — заметил Юма, подмигнув Бабраку. — Мы втроем с трудом удерживали тебя на кровати, когда ты метался в бреду, продолжая воевать с хвонгами или еще с кем-то.

— Да уж, — подтвердил Бабрак, — наверное, против тебя встали все когда-либо встречавшиеся тебе на пути враги.

Конан, почти не слушая их, глядел в заполненную пенистым напитком кружку.

— Она просто ангел. Я даже начинаю жалеть, что мы не взяли ее с собой. Но она устала и хотела отдохнуть. Вся деревня хорошо относится к ней, да и охрану я назначил из надежных ребят...

— Один другого лучше. Все как на подбор. Так что не волнуйся, Конан. С нею ничего не случится. — Бабрак уверенно закивал головой. — Ну и повезло же нам, что мы твои друзья. Иначе не видать бы нам этого отпуска. А ты своими подвигами, видать, заинтересовал кого-то

там, аж в самом генеральном штабе в Аграпуре! Поэтому нам и разрешили сидеть с тобой няньками, а не ходить на дежурства. Даже сейчас нам обещали повышенный паек, сокращенные наряды, минимум боевых выходов да еще и увольнительные вроде этой! — Оглядев внимательно с ног до головы девицу, вызывающе усевшуюся за соседним столиком, Бабрак чуть печально добавил: — Хотя для твердого последователя веры Тарима это не столь важно и привлекательно.

— В самом деле, Конан, — вступил в разговор Юма, — не к добру эти милости начальства. Будь осторожен. Ты познал опасности и боль игры в герои, а теперь вкушаешь заслуженные плоды. Но будь осторожен! Не забывай: все эти знаки внимания отмечают тебя не только перед друзьями, но и пробуждают зависть и злобу врагов. И вообще, — закончил чернокожий воин, обведя взглядом прищуренных глаз комнату, — я знал больше мертвых героев, чем живых.

Прежде чем киммериец успел вступить в дискуссию, к друзьям приблизился молодой вендиец, который стал на все лады расхваливать прелести своей сестрицы. Сама она стояла рядом — всего лишь девочка-подросток с накрашенными губами и подведенными глазами, с ног до головы обмотанная длинной полосой зеленого шелка. Под взглядом трех пар глаз она уселась за ближайший столик, разведя колени, явно готовая хоть в тот же миг продемонстрировать любому из присутствующих свои таланты.

— Я полагаю — нет, — с широкой улыбкой возвестил друзьям Юма. — По мне, этот фрукт еще неспел. Бабраку нужна более зрелая женщина, которая смогла бы ввести его в прекрасный мир чувственных отношений мужчины и женщины. А Конан... слушай, у тебя же есть утешительница дома.

Киммериец недовольно дернул плечами:

— Ну все, уже меня женили. Я еще никому не клялся в вечной верности. И все же этот вариант не по мне. Сдается мне, что этот мерзавец не зря так тщательно прячет прелести своей сестрицы. Там, наверное, и смотреть-то не на что. Пошли прочь! Оба!

Изображая гнев и обиду за нанесенное оскорбление, вендиец начал что-то нести про компенсацию и сatisфакцию, причем по возможности наличными, но был направлен в сторону двери основательным пинком под зад. Опасаясь такого же ускорения, его сестра поспешила вслед за ним.

— Они снова подъедут к нам, если мы еще наберемся, не выходя из этой забегаловки, — заметил Конан, заботливо наполняя кумысом кружки друзей. — И уверяю вас, через некоторое время даже этот кусок сущего обезьяньего мяса покажется аппетитным, если не проветрить мозги. Вот почему нельзя долго засиживаться в одном заведении.

Развлекательная программа в этом трактире до сего момента ограничивалась лишь извивающейся в некоем подобии танца полуголой девицей, аккомпанементом которой служило странное завывание и скрежет, сходившее в этих краях за музыку. Затем уставшую танцовщицу сменила полная пожилая дама с дрессированными обезьянами, весьма неохотно выполняющими простейшие трюки. Настало время сниматься с якоря. Три приятеля вышли на потемневшую и опустевшую к ночи улицу. От недостаточности освещения или от объема выпитого мостовая показалась приятелям не такой гладкой, как днем. Спотыкаясь и чертыхаясь, они продолжили свою ночную прогулку.

Повинуясь какому-то чувству, почти инстинкту, Конан повлек друзей за собой в узкий переулок. Еще несколько поворотов и перекрестков — и они оказались перед гостеприимно открытыми, освещенными яркими факелами дверьми какого-то очередного кабака. В тени на противоположной стороне улицы маячили силуэты двух местных жителей. Увидев приближающуюся троицу, один из них бросился к турецким солдатам, сверкнув длинным шрамом на нездорово бледной щеке.

— Лотос! — прошипел он. — Во дворце Банджи отличный лотос и отличные девочки! Ты и

девочки — лететь в рай, — забормотал он на ломаном туранском, закатывая глаза.

— Пошел он подальше, — шепнул Юма Конану, — его дворец — какая-нибудь грязная палатка на берегу реки, а девочки — старые клячи или небритые мальчишки. Хотя для настоящего ценителя лотоса это все малозначительные детали. Пошли в кабак, он за нами не попрется... Эй, стой...

Оказывается, упустив Конана и Юму, торговец наркотиками крепко взялся за Бабрака. Он вцепился ему в руку, что-то бормоча, в то время как его напарник зашел молодому солдату за спину, явно примериваясь к кошельку туранца, его оружию и полагая, что тот не расстанется с ними добровольно. Старшие друзья бросились на помощь младшему.

Конан увидел сверкнувший в воздухе клинок Бабрака, полоснувший человека со шрамом по второй щеке. В этот же миг тяжелый удар киммерийца отбросил второго вендейца к стене дома. Пинки Юмы помогли обоим продавцам лотоса прийти в себя и исчезнуть в темноте, оглашая квартал жалобными криками.

— Ну, доволен? Ночь можно считать начавшейся! — Широко улыбаясь, Юма хлопнул приятелей своими розовыми, ладонями по спинам. — Я думаю, твоё настроение еще сможет улучшиться до утра, киммериец! Но для начала неплохо.

Направляясь к освещенной двери трактира, Конан заметил:

— Наш юный друг вовремя обратился за помощью к самому надежному советчику — острому клинку. Мне кажется, что Бабрак вполне управился бы один, а мы могли бы оставаться лишь благодарными зрителями этого маленького спектакля. Не думаю, что кабацкие потасовки занесены в список особо страшных грехов среди заветов Тарима.

Второй трактир оказался побольше и посолиднее предыдущего. Столы были сделаны из бамбука, а плетеные кресла с высокими спинками почти скрывали садившегося в них человека. Еда и выпивка были самые разные. Поговорив с трактирщиком, друзья решили не рисковать, заказывая незнакомые местные блюда, и ограничились вполне безобидной рыбой, жаренной с овощами и рисом.

— Эта потасовка у входа должна напомнить нам о необходимости быть осторожными, — сказал Юма, опускаясь в застонавшее под его немальным весом кресло. — Если эти ребята не одиночки, а работают на Фанг Луна, они могут позвать на помощь не только таких же доходяг, но и охрану.

— Что? Эти червяки? — рявкнул Конан, не заметив, как в его руке остался оторванный подлокотник кресла.

— Да, Конан, — спокойно сказал Юма. — Торговлю лотосом в этих краях контролирует местный губернатор Фанг Лун. Я не беру в расчет наркотики, которые продают мятежники. Местный губернатор не менее богат и влиятелен, чем иной король на севере, хотя его власть и не освящена церковью, да и с династией у него не очень. И мы, туранцы, совершили большую ошибку, нарядив отряды его бандитов в форму королевской стражи, уравняв их с туранскими войсками.

Бабрак нахмурился и сказал:

— Не лучшее прикрытие со спины в бою... Ты, Юма, прав. Лучше не связываться с этим Фанг Луном... — Голос Бабрака оборвался, а рассеянный взгляд сконцентрировался на какой-то точке в районе стойки, где разливали напитки.

Проследив направление взгляда юноши, старые друзья увидели то, что так заинтересовало их спутника: у стойки сидела красивая вендейка, одетая в дорогую подделку под платье женщины из северной страны. Длинные стекающие волны черного шелка, лишь слегка обозначившие формы тела, делали женщину более соблазнительной, чем полупрозрачные облегающие наряды кабацких девчонок, сновавших между столами.

Высокий стоячий воротник почти закрывал профиль незнакомки. Тонкие руки с аккуратно накрашенными ногтями небрежно поигрывали чайной чашкой. Женщина молча сидела, обозревая комнату и посетителей.

— А наш Бабрак кой-чего понимает в этой жизни! — радостно объявил Юма после минутного созерцания. — Губа не дура. Выбрал себе единственную благородную даму на весь квартал.

Киммериец, делая вид, что его больше интересует кусок рыбы, который он старательно пытался поддеть поданными к столу палочками, заметил:

— Хм, из-за этого наряда отсюда не разберешь, сколько ей лет, да и действительно ли эта дама — благородная аристократка. Но судя по манере держаться в такой обстановке, я сказал бы, что она хозяйка этого заведения, а заодно и этакая матушка-хозяюшка для всех девочек в этом зале.

Даже сквозь загар Бабрак покраснел до ушей.

— Нечего подсматривать за мной. Я просто удивился, увидев вендишку, одетую словно на маскарад, в северное платье...

— Ну разумеется, — поспешил вставить Юма. — А теперь, без сомнения, ты был бы не против узнать, что же скрывается под маскарадным костюмом. Но, право дела, дорогой Бабрак, мы вовсе не собирались смеяться над тобой, а уж тем более вставать на твоем пути. Наоборот, мы всячески приветствуем твою затею и сделаем все от нас зависящее, чтобы она воплотилась в жизнь. Разве не так, Конан? — Юма широко улыбнулся, ловя ответную улыбку киммерийца.

— Чушь какую-то несете. — Бабрак покачал головой в явном замешательстве. Но уже через мгновение он не смог удержаться, чтобы не бросить взгляд на таинственную даму за стойкой. — У меня не было никаких идей.

Весь мой интерес носит лишь чисто эстетический характер... И вообще, я следую строгим ограничениям, наложенным Таримом на воинов истинной веры.

— Ага, — согласился Конан, а затем, поманив Бабрака пальцем, шепнул ему на ухо: — Если ты и все остальные будут слишком строго следовать букве заветов, то вскоре на свет перестанут появляться будущие воины этой самой истинной веры.

— Согласен, — подтвердил Юма, — если бы Тарим хотел абсолютной чистоты своих последователей, он проповедовал бы только среди евнухов.

— Типун тебе на язык, богохульник! — вскипев, воскликнул Бабрак.

Дама, сидевшая в дальнем от друзей углу помещения, обернулась на это восклицание и посмотрела на компанию с некоторым интересом.

— Ладно, ладно, Бабрак, не шуми. Он пошутил. — Конан похлопал юношу по плечу. — Ты мне лучше вот что скажи. Разве все те плотские наслаждения, от которых Тарим призывает отказаться своих истинных последователей в этой жизни, не обещаны им в загробном мире?

Бабрак осторожно кивнул, ожидая подвоха:

— Ну да...

— Тогда ответь мне на вопрос... — Конан старался говорить медленно и убедительно. — Если ты никогда не пробовал тех райских наслаждений, которые обещаны тебе в той жизни Таримом, то как же ты сможешь оценить их, попав на тот свет? Разве такой опыт сделает тебя слабее и затупит твой клинок, сражающийся за истинную веру? Нет. Так не лучше ли еще в этой жизни понять роскошь тех благ, которые обещаны нам Таримом после смерти, чтобы четче понимать, к чему нужно стремиться, соблюдая все законы веры?

Этот аргумент заронил зерно сомнения в неокрепшую душу юного туранца. А его приятелям только этого и было нужно. Стоило Бабраку поколебаться в своей уверенности, как они вскочили и, подхватив его под ослабевшие руки, потащили через зал к торжественно

восседавшей на кресле незнакомке.

— Приветствуем вас, госпожа, — начал Юма, говоря на хорошем туранском и делая преувеличенно глубокий поклон, не выпуская, однако, вяло сопротивляющегося Бабрака. — Мадам, мы не могли не обратить внимания... Особенно наш юный друг, который желает высказать свое восхищение вашим одеянием и умением держаться.

Женщина ничего не ответила на эту тираду. Ее губы чуть дрогнули не то в улыбке, не то в недовольной гримасе. На ее лбу вполне могли оказаться легкие морщины, но даже если они там и были, то умелый грим сделал свое дело, полностью скрыв их. Какая-то сила исходила из раскосых, аккуратно подкрашенных глаз. Даже на критический взгляд Конана, те части тела, которые не были скрыты под складками шелка, были вполне многообещающими для дальнейшего приятного узнавания.

— Правда, госпожа, — заговорил Конан, давая Бабраку время собраться с мыслями, — для нас, старых бойцов, только увидеть такую красоту равнозначно тому, чтобы очутиться в самой гуще боя с горящими глазами, кипящей кровью... — Не привыкший отвешивать красивые комплименты, киммериец запнулся, с трудом сдерживаясь, чтобы не дать пинка Бабраку, все еще молча стоявшему с румянцем во все щеки.

— Разумеется, мадам, — вновь пришел на выручку Юма, — чудо, переворот, который совершают истинная женская красота в израненных сердцах солдат, невозможно описать...

Чернокожий сержант недовольно взглянул на Конана, слушавшего его развесив уши.

Таинственная женщина моргнула и сказала:

— Господа, вы очень любезны и в то же время дерзки, когда обращаетесь ко мне в таком тоне.

При звуках этого низкого голоса, говорившего на правильном, красивом туранском языке, Конан почувствовал, что Бабрак, вздрогнув, начал приходить в себя и вновь уставился на незнакомку.

— К счастью для вас, — продолжала она, прищурив глаза, — я ничего не имею против того, чтобы провести этот вечер не в одиночестве.

Это заявление было адресовано скорее не Бабраку и его приятелям, а собравшимся вокруг подавальщикам, поварам и посудомойкам, вознамерившимся любой ценой оградить покой хозяйки от непрошеных гостей.

— Но я позволю себе заметить, — губы женщины скривились в умелой обольстительной улыбке, — что моя жалкая особа вряд ли заслуживает внимания троих столь достойных воинов.

Она с равным безразличием перевела взгляд с Конана на Юму.

— Я смогу достойно развлечь только одного из вас, не больше.

— Ну, тогда это будет наш молчаливый друг, — Поспешил вытолкнуть Бабрака вперед Юма. — И хотя мы отдыхаем и воюем втроем, прикрывая друг другу спины как в бою, так и на прогулке, но в таком деле мы не посмеем помешать ему провести вечер наедине со столь очаровательной дамой. Разве не так, приятель? — повернувшись к Бабраку, уточнил сержант.

— Э-э, м-м-да. Конечно... — прозвучало это так, словно на мгновение из глотки туранца был вынут кляп и тотчас же вставлен еще глубже.

— Отлично, — сказала женщина, помолчав немного, видимо в ожидании продолжения речи юноши, — остается только оговорить цену.

Юма кивнул, приготовившись торговаться:

— Разумеется, мы готовы прийти к разумному соглашению.

— Я, в общем-то, не бедствую, — оборвала его женщина. — Сколько вы хотите получить?

На этот раз пришел черед Юмы проглотить язык. Конан уже закипел от оскорблений, но тут раздался смущенный голос Бабрака:

— Мадам, вы ошибаетесь... я не... не... Я имею в виду, что... — Гнев и смущение вновь охватили парня, оборвавшего себя на полуслове.

— Ладно, хватит обид, солдат, — вдруг более мягко заговорила женщина. — Я совсем не хотела тебя оскорбить. Это была шутка. Я надеялась, что она чуть встряхнет тебя. Все, о деньгах ни слова. А мы с тобой будем на равных: никто никого не покупает, никто никому ничего не должен.

Бабрак застыл в нерешительности, но Юма, как всегда, пришел ему на помощь:

— Шутка, понимаешь ты, дубина, шутка. Дама не хотела тебя обидеть. Вкус не подвел тебя, приятель. Ладно, садись в кресло, знакомьтесь поближе. Мы еще заглянем к вам попозже. Мои поздравления и пожелания приятной ночи вам обоим.

Вернувшись к своему столику, Конан и Юма продолжали следить за событиями в трактире. Ничего интересного больше не происходило. Бабрак и его собеседница, почти не притрагиваясь к своим кружкам, вели какой-то разговор, все ближе наклоняясь друг к другу. Когда, встав, женщина провела юношу за собой в коридор, теряющийся в глубине здания, это ничуть не удивило приятелей.

Друзья перешли на квас — некое подобие легкого пива, гораздо слабее кумыса, но давшее вместе с молочным напитком интересный пьянящий эффект.

Постепенно заведение стало наполняться посетителями — любителямиочной жизни. В воздухе повис гул множества голосов. Солдаты — местные и туранцы — то вместе орали песни, то сцеплялись в короткой, но нешуточной потасовке. Перед сидящими за столиками посетителями прошествовала целая череда проституток обоих полов с самыми разными талантами. Продавцы лотоса настойчиво предлагали свой товар, который можно было жевать, вдыхать, глотать, нюхать или втирать в кожу. Появился в кабаке и один продавец весьма экзотического товара — сухих человеческих ушей — фиктивных доказательств боевой доблести покупателя.

Многие из этих навязчивых торговцев живым и неживым товаром были отброшены от столика двух друзей увесистыми тумаками. Менее назойливые отделялись оскорблениеми и остротами в свой адрес. Видя, с каким почтением прислуга обслуживает двух приятелей, а также принимая во внимание их внушительные габариты и боевой вид, мало кто решался протестовать.

Но все же общий хаос и шум захватили весь трактир и подмяли под себя Конана и Юму.

Приятели заметили ввалившегося в кабак уже изрядно пьяного Орвада, но не стали привлекать внимание старого знакомого. У них не было настроения выслушивать его шутки да и самим подшучивать над великанином-тугодумом. Кроме того, он им неприятно напомнил о прелестях жизни в гарнизоне, из которого они вырвались так ненадолго. И все же, зная Орвада, они могли бы предвидеть дальнейший ход событий, но получилось так, что заварушка в другом конце зала застала их врасплох.

Обернувшись на шум, Конан и Юма увидели оскаленную пасть Орвада, сведенную в нечеловеческом вое. Глаза гирканийца налились кровью от гнева. Одной рукой он держался за волосы над виском, прикрывая давно отсутствующую часть головы, а другой — мертвый хваткой вцепился в застывшего от ужаса противника. На этот раз не повезло продавцу человеческих ушей.

На глазах у всех посетителей он был поднят над головами к самому потолку, где сильные руки Орвада затрясли его, а затем изо всех сил ударили о толстый деревянный стол в центре комнаты. Словно листья осенью, сорванные порывом ветра, разлетелись сухие уши по кабаку. В следующий миг Орвад оказался в центре клубка дерущихся посетителей. Не сговариваясь, Конан и Юма бросились на помощь товарищу по оружию.

В целях сохранения спокойствия хозяйки заведения, а следовательно, и Бабрака, друзья не

стали обнажать клинки. Пришлось уворачиваться от ножей особо разъяренных участников драки, отбивая их удары стульями. Конан оценил преимущество легкой мебели, которой невозможно было до смерти забить оппонента в столь жаркой дискуссии. Оказавшись в центре толпы желающих сразиться с Орвадом и дерущихся между собой, Конан был вынужден отшвыривать людей от себя или бить их кулаками. При этом хлипкие вендицы не желали держать удар так, как это принято на севере. Вместо этого они валились на пол как подкошенные, а самые смелые висли на кулаках киммерийца. В общем, Конан счел это занятие мало успокаивающим, не дающим полностью отвести душу. Словно дерешься с детьми в комнате, заваленной подушками и мягкими матрасами.

Орвад нашел более действенный способ борьбы. Он со всего размаху швырнул противников о стены и использовал тех, кто был без сознания, в роли дубинки для других нападавших. Вскоре он основательно расчистил комнату и едва ли нуждался в помощи еще двоих приятелей, почти равных ему ростом и не уступающих силой. Увидев это и оценив обстановку, Конан и Юма сменили тактику и обратились к более сложной задаче — попытке успокоить разбушевавшегося великана.

Это оказалось делом серьезным. Орвад, и в спокойном состоянии не очень-то прислушивавшийся к доводам разума, менее всего был склонен к этому сейчас. Дружески обхвативших его за плечи приятелей он сбросил резкими толчками локтей. Пытавшемуся проорать что-то умиротворяющее прямо в лицо гирканийцу Конану он чуть не откусил нос. К счастью, обрушенный на его затылок тяжеленный кувшин из-под кумыса произвел некий успокаивающий эффект. Удары и пинки в грудь и нижерасположенные части тела развили мысль о покое в его мозгу, как подкрепили ее и изрядные оплеухи, навешанные на его голову, как только она оказалась в досягаемости столь действенного метода успокоения.

Вскоре поостыvший и хнычущий Орвад позволил отвести себя к скамейке у стены, всем своим видом выражая разочарование несовершенством этого мира. К сожалению, прежде чем Конан и Юма успели усадить его, Орвад стал жертвой нового приступа агрессивности, предательски подкравшегося из глубины его замутненного сознания. Спасители разлетелись в разные стороны, а великан гирканиец, прицелившись, выскочил сквозь раскрытую дверь, словно бык, вырывающийся из загона на бойню.

Его товарищи не торопясь встали с пола, залитого кумысом и кровью. И Конан, и Юма, совершенно не сговариваясь, отвергли мысль о преследовании. Вместо этого они повнимательнее присмотрелись к оставшимся в зале вендицам, не зная, чего от них ждать — слов благодарности или нового нападения. Но посетители разбежались, а прислуга была занята вытаскиванием лежащих без сознания на свежий воздух и сбором поломанной в драке мебели. Юма и Конан допили квас, всячески изображая, что все произшедшее их ни в малейшей степени не касается. Дав Орваду солидную фору и не рассчитывая больше на встречу с ним, они вышли на улицу.

— Отумба и Аджо! — помянул Юма почти забытых им богов своей родной страны. — Этот Орвад — просто гора мышц, и эти мышцы знают кое-какие приемы. — Оглядываясь в ожидании опасности, черный сержант протер ладонью затылок. — Если бы это тело управлялось хоть какими-то мозгами, этому парню цены бы не было. Он был бы ничуть не худшим бойцом, чем ты или я!

— Ага. Сдается мне, что по милости этого ходячего скальпа я перестал быть полноценным мужчиной. Да еще нога! Было бы менее глупо пинать ею изо всех сил каменную стену, чем этого придурка! Кром! Больно-то как!

— Обопрись на меня, будет легче, — подставляя плечо, сказал Юма. — Пошли, наваливайся на меня хоть всем весом, если тебе так легче. Представь, что ты пьян в стельку. Впрочем, не

вижу смысла в слове «представить». Сейчас лучшее лекарство для тебя — та самая противная клоповая кровать в тихой гостинице, если, конечно, я хоть что-нибудь понимаю в медицине.

— Ну нет, ночь только начинается! — Речь Конана прерывалась короткими стонами при каждом шаге. — Надо выпить кружку-другую, чтобы боль ослабла...

— Еще кружку! Именно это я и хотел предложить. — Голос, раздавшийся из темного переулка, прозвучал настолько неожиданно, что приятели остановились как вкопанные. — Я с удовольствием поставлю выпивку славному воину Конану и его верному другу — сержанту Юме.

Это было сказано человеком, для которого турецкий был родным языком. Судя по голосу, его обладатель был абсолютно трезв.

— Сдается мне, у тебя есть одно преимущество, парень, — спокойно ответил Юма, чуть отодвигаясь от киммерийца, чтобы иметь возможность без помех выхватить ятаган. — Мы случайно не знаем тебя?

— Меня? В лицо или по имени — вряд ли. Может быть, как безымянного и невидимого товарища в бою. Думаю, что нет повода отказываться от дармовой выпивки, поставленной собратом по оружию.

Пока незнакомец говорил, Конан тщетно пытался разглядеть маячашую фигуру. Кром! Киммериец готов был поклясться, что, когда впервые проходил по этой улочке, она была освещена несколькими факелами и светильниками. Неужели все они дрогнули? Или хозяева погасили их на ночь? Кроме того, незнакомец вышел навстречу из такого же темного переулка, так что вряд ли стоит приписывать его осведомленность о личностях обоих приятелей острому зрению.

— Ну что ж... — В голосе Юмы слышались разрывы последних сдерживавших его нитей терпения. — Если у тебя есть имя — назови его и помолись, чтобы оно не оказалось в длинном списке моих врагов! И учти, мне с трудом верится, что настоящий доброжелатель стал бы подкарауливать нас в темном углу.

Сквозь слова Юмы до слуха Конана донеслись какие-то звуки: не то звон клинка, не то хруст стекла под подошвой сапога. Звук шел откуда-то сзади, хотя киммериец был готов поклясться, что ни одна тень не промелькнула в пятне света, падавшем из открытой двери трактира за их спинами.

— Ну, приятель, что касается имен... меня зовут Рабак. — Голос незнакомца зазвучал сильнее. Быть может, чтобы скрыть приближение невидимых союзников? — А что до места, то я с тобой полностью согласен. Не хотели бы вы пройти со мной в гостеприимный дом чуть дальше по этому переулку?

Обострившееся в минуту опасности зрение наконец-то дало Конану хоть какую-то информацию. В слабом звездном свете блеснула не прикрытая тканью сталь доспехов с гравировкой, хорошо знакомой киммерийцу. Чуть слышное ругательство, прозвучавшее над самым ухом, дало понять, что и Юма разглядел противника или догадался о том, кто он.

Красные Повязки!

А незнакомец все продолжал голосить:

— В этом доме смогут достойно встретить настоящих героев, оказать им самый сердечный прием... Я полагаю, у нас найдется что обсудить...

— Например, как ты встретишься со своим дружком в преисподней?

Ятаган Конана словно сам скользнул ему в руку. В тот же миг киммериец резким движением метнул тяжелый клинок в незнакомца. Быстрый скачок в сторону оказался запоздалым. Ятаган киммерийца вспорол живот незнакомца. Его предсмертный стон возвестил начало атаки с разных сторон. Метнувшись к своей жертве, Конан выхватил меч из падающего тела и развернулся, чтобы встретить еще почти невидимых врагов.

— Юма, нас окружили! Встаем спина к спине! — Еще не договорив, киммериец услышал чей-то стон: это клинок чернокожего воина вступил в бой.

Мгновение спустя Конан чутьем угадал направление атаки — на его ятаган с размаху налетел следующий противник. Отшатнувшись от сильного толчка, Конан почувствовал, что потерял спину Юмы. Пришлось отражать удары противников с оглядкой, чтобы ненароком не задеть друга. Излюбленный прием Конана — яростное нападение — пришлось отложить. Больная нога не давала возможности двигаться с нужной скоростью.

— Юма! Я здесь. Только сам не отзывайся! Конан знал, что его друг сейчас сражается в темноте, молча, максимально используя дарованную черной кожей возможность слиться с ночной темнотой. Но его собственный крик вызвал такой град ударов со всех сторон, что Конан больше не отважился повторить его. Чей-то клинок чуть не вонзился киммерийцу в шею. Чтобы отбить его, пришлось неудобно задрать руку — и вот уже какая-то тень сильным рывком и ударом выхватила оружие из руки Конана. Клинок со звоном ударился о мостовую. В тот же миг что-то обожгло нос и подбородок киммерийца и скользнуло вниз, к шее. Аркан! К счастью, Конану удалось просунуть под него одну руку, но даже так петля, затягиваясь, душила его все сильнее.

Кром! По крайней мере, несколько убитых и изуродованных Красных Повязок — неплохая плата за смерть в неравном бою. Не стыдно будет предстать перед суровым Кромом!

Вывернувшись, Конан сумел выхватить кинжал иолоснуть им за головой, целясь по веревке. Перерубить петлю ему не удалось, но, судя по крику и ослабшему аркану, кинжал угодил по руке или по лицу того, кто затягивал веревку. Но все новые и новые тела наваливались на Конана, прижимая его к каменной стене и повисая на руках и ногах неподъемным грузом.

Словно со стороны донесся до Конана вырвавшийся из его горла хриплый стон, когда раненая нога, не выдержав, подогнулась и киммериец рухнул на мостовую, с размаху ударившись головой о камни.

Когда сознание вернулось в его полупарализованное, наполненное болью тело, Конан явственно ощущил острие кинжала, приставленное к его горлу и почти проткнувшее кожу. Кто-то зажег лампу, и в желтом свете перед глазами киммерийца проплыли хороводом лица противников. Красные и Черные Повязки. Убийцы, натренированные выполнять свою работу в дикой местности и в городе. Все лица были искажены гневом и ненавистью, некоторые — еще и болью от только что полученных ран.

Конан почувствовал, что сталь еще глубже втыкается в его горло. Затем перед глазами промелькнуло еще одно лицо — абсолютно бесстрастное и спокойное. Словно молния пронзила мозг киммерийца: форт Шинандар, допрос пленников... палач Сул! Сильная, большая рука тянулась от этого лица к рукояти кинжала, почти не дававшего вздохнуть киммерийцу, впивавшегося в горло при малейшем движении.

Бессильный хоть что-то предпринять, Конан молча ожидал смерти. Вдруг губы Сула разомкнулись, и палач произнес два слова, словно молотом удариившие Конана, разорвавшие его слух:

— Фанг Лун.

ГЛАВА 9. ЗАМОК ГУБЕРНАТОРА

Реальность вернулась к Конану в виде звука. Одна долгая монотонная нота сначала зазвучала где-то вдалеке, а затем, нарастаая, заполнила собой весь мир.

Мыча что-то нечленораздельное, Конан, лежавший навзничь на каких-то мягких покрывалях и перинах, попытался зажать руками уши, чтобы вернуть тишину. Звук не уходил. С величайшим трудом киммерийцу удалось разлепить сомкнутые почти в мертвом сне веки. Прямо перед его лицом вибрировал от удара огромный, в человеческий рост, медный гонг, подвешенный в деревянной полированной раме. Рядом, с гонгом стоял, опустив обтянутый черным бархатом молоток, жестокий палач и мастер пыток Сул. Повернувшись, палач уставился на приходящего в себя Конана, сжав губы в зловещей ухмылке.

Вокруг них шла глухая стена без окон. Лишь в двух местах полированный камень был разорван дверными проемами. Вдоль стен были расставлены расписные, покрытые лаком столы с масляными светильниками на них. Светильники, находящиеся непривычно низко, давали неровный, прыгающий свет и странно вытянутые вверх тени.

— Где... что... это за место?

Попытавшись сесть, Конан сумел только перекатиться на бок. Его тело было настолько же слабо, насколько тяжела голова.

— Где я, провались ты со своим гонгом! И где Юма?

Знакомая боль напомнила киммерийцу о раненой ноге. Но чувство было словно чем-то приглушенено, удалено от реальности. Конан поднял руку и ощупал шею. На коже оставался глубокий рубец от петли, но боли совершенно не чувствовалось.

— Ты накачал меня наркотиками, — попытался крикнуть Конан, но его голова и весь мир чуть не раскололись от этой попытки поднять голос.

— Не беспокойся, лотос скоро выветрится.

Голос с вендиjsким акцентом принадлежал незаметно вошедшему в комнату подтянутому офицеру, непривычно высокому и широкоплечему для жителя этих мест. Сильное впечатление производила и его шикарная форма в туранском стиле, сшитая из прекрасного шелка глубокого синего цвета и отделанная золотым шитьем. Под тонкими усиками в аристократической улыбке растянулись губы, обнажив ровный ряд белоснежных зубов.

— Прости моего верного слугу Сула за то, что он не представил меня тебе, сержант.

При этих словах Сул чуть не вдвое сложился в почтительно-извинительном поклоне.

— Итак, я — Фанг Лун, губернатор Венджипура. Конан, сдерживая стоны и чертыхаясь, сумел-таки сесть и с более удобного ракурса посмотрел на собеседника.

— Ты не вендиц, — заключил он, присмотревшись повнимательнее.

— По крови — хвала богам — нет. Но и твои предки имели не большее отношение к Турану, чем мои — к Венджипуру. Но, по крайней мере, родился я здесь.

Фанг Лун не торопясь сел на один из табуретов, стоявших вокруг ложа Конана.

— Моя раса переплыла океан, отправившись на запад с берегов Кхитая, когда Вендиjsкая империя рухнула под собственным весом. С тех пор мы процветаем в этой стране — как завоеватели, торговцы, дипломаты. А теперь наше господство входит в новую стадию. Ваш король сделал совершенно разумный выбор, предоставив мне право управлять этой страной. А некоторые из ваших начальников, например генерал Аболхассан, готовы доверить мне и большее.

Конан, приняв по возможности устойчивое и безболезненное положение, прошел сквозь зубы:

— Если нанявшний меня король записал в наемники и тебя, учитывая твои навыки в пиратстве и торговле наркотиками и собираясь использовать тебя для этих целей, то я ничего не имею против. Этого Аболхассана я не знаю, но если он действительно генерал турецкой армии, то я являюсь его подчиненным. Но сейчас меня больше интересует, где я нахожусь. Почему я здесь? И где мой друг?

С явно недовольным видом Фанг Лун встал с табурета и стал прохаживаться вдоль каменной стены.

— Простые вопросы, сержант, подразумевают простые ответы. Но ты, видимо, и впрямь решил проверить, где проходят границы моего терпения. Итак, сейчас мы наслаждаемся гостеприимством моего замка на берегу залива Сахибы, вдалеке от городской суеты и шума улиц. А что касается твоего дружка, то я временно потерял его из виду. Но ты не волнуйся. Все мои агенты получили соответствующие указания, и вскоре он тоже сможет сполна насладиться моим гостеприимством.

Лицо Фанг Луна излучало теперь куда меньше благожелательности, чем в начале разговора.

— Что касается тебя, сержант, то ты доставлен сюда в соответствии с секретным приказом твоего командования, которое сочло твою миссию перед турецкой армией выполненной. Причины не столь важны. Быть может, тебя списали как инвалида из-за твоей раны, может быть, припомнили твои своенравные поступки и даже преступления. Хотя вполне вероятно, что ты вообще ни в чем не виноват. Просто, как это тебе известно, высшее командование время от времени принимает решения, совершенно непонятные подчиненным, не удосуживаясь даже растолковать их смысл.

Резко развернувшись, Фанг Лун уставился на Конана буравящим взглядом:

— Обычно приказ избавиться от кого-либо из низших чинов, обезвредить или ликвидировать его означает верную смерть для несчастного. А ведь этот человек еще мог бы быть полезен в каком-нибудь деле. К несчастью для тебя, мы здесь, на Востоке, не столь расточительны, как ваше северное начальство. Древние знания моих предков из Китая, помноженные на некоторые таинственные приобретения этих мест, дают нам возможность полностью подчинить себе душу человека, сделав его своим верным слугой. С какой стати, скажи мне, я стал бы терпеть твои хамские выходки? — Фанг Лун продолжал пристально глядеть на киммерийца. — Да просто у меня есть верный способ направить все твои помыслы и желания только на верную службу мне. Понял? Этот способ меня никогда не подводил. А в случаях редких неудач упрямцев исправляла могила.

Неожиданная попытка Конана вскочить лишь выдала его слабость. Колени подкосились, и он вновь рухнул на покрывала, осыпая проклятиями своего мучителя.

— Демоны тебя побери, мерзавец! Давай натрави своего костолома на меня, если посмеешь! Видит Кром, он замучил много беспомощных жертв. Но я предупреждаю...

— Нет, сержант, пытки здесь не приняты. — Фанг Лун отступил на пару шагов назад, чтобы наверняка оказаться вне досягаемости самого отчаянного броска пленника, и, чуть улыбнувшись, продолжил: — И не призывай на мою голову гнев своих жалких божков, как и не срывай на мне свою бессильную ярость. Пойми: пока что я предлагаю тебе свободу... ограниченную стенами моего замка. Наслаждайся ею в свое удовольствие. Но помни, что я все время слежу за каждым твоим шагом. В моем распоряжении сотни возможностей раздавить тебя в лепешку. А что касается боли, не волнуйся...

Губернатор протянул руку к одному из столиков, стоявших вдоль стен, который был установлен какими-то каменными и стеклянными фланчиками и шкатулками. На одном углу дымился и булькал кальян.

— Как настоящий гостеприимный хозяин, я предлагаю тебе средство, которое облегчит

твои страдания, сняв боль. Ты уже испытал его действие в течение нескольких последних часов. Если не хочешь — оставайся один на один с незаживающими ранами, да и с несмыываемыми грехами твоего прошлого. Выбор за тобой.

С этими словами Фанг Лун и его слуга вышли из комнаты, захлопнув за собой тяжелую, обитую железом дверь. Следом раздался скрежет задвигаемого засова. Конан остался один в полной тишине.

Бормоча ругательства и проклиная все на свете, киммериец вновь попытался встать. Но вскоре его глухие стоны сорвались на вой, когда больная нога вновь отказалась служить ему, бессильно подогнувшись под тяжестью тела. Хуже всего было то, что боль почти не утихла и потом, когда нога осталась без нагрузки. С трудом подтягиваясь на руках, Конан тяжело пополз к единственной цели, доступной ему в этой комнате, — полированному столику, уставленному флакончиками и коробочками.

Добравшись до столика, киммериец сумел подтянуться и сесть на его край, вытянув перед собой безжизненную ногу. Затем Конан внимательно осмотрел комнату с новой точки.

Окон в ней и вправду не было. Несмотря на роскошное убранство, эта комната находилась где-то в глубине большого замка. Для вентиляции, видимо, служили лишь узкие щели, наподобие бойниц, под самым потолком. Кстати, подумал Конан, через них можно запросто наблюдать за всем, что происходит в комнате. Обстановка включала в себя резные деревянные стулья, табуреты, полированные расписные столы, шикарную широченную кровать и переносную жаровню, впрочем, слишком маленькую, чтобы реально согреть такое помещение в холодное время года. Конану не удалось высмотреть ни единой вещи, которая могла бы служить оружием. Даже молоток от гонга — и тот был унесен Сулом. Единственным предметом, достойным дальнейшего обследования, Конану показалась вторая дверь в противоположной стене комнаты.

Понимая свою слабость, Конан решил и не пытаться открыть обитую железом дверь, затворившуюся за губернатором и его слугой. Эта тяжелая плита смогла бы удержать его и полного сил. А вот вторая — обычная деревянная панель — выглядела более доступной для того, чтобы вскрыть или, на худой конец, выломать ее. Сложность была в другом: как добраться до двери и как найти силы, чтобы идти дальше. Конан внимательно осмотрел рану на бедре. Шов не разошелся, но внутри все горело огнем, а любая попытка встать на раненую ногу вызывала дикую боль. Все больше давали о себе знать и свежие раны, полученные в бою прошедшей ночью, и ушибы, — видимо, результат не очень-то бережной последующей транспортировки в замок. Даже влажная тропическая жара, с которой Конан, как ему казалось, уже совсем освоился, вдруг навалилась на него с утроенной силой. Киммериец тяжело дышал, немногим отличаясь от выброшенной на берег рыбы. Единственное, что приносило сейчас ему облегчение, — это струйка дыма, поднимавшаяся от кальяна.

Это тлел и курился лотос. Конан вспомнил слова Фанг Луна: в этих сосудах находится конец боли и приглашение в мир грез. Почувствовав незнакомый зуд в теле, странную головную боль и непривычное ощущение нехватки чего-то, Конан удивился силе этого эффекта. Наркотик был в его теле какие-то считанные часы, а организм уже здорово привык к нему. Хотя слуги Фанг Луна наверняка вкатили ему изрядную дозу. А кроме того, поговаривали, что вендиийские колдуны сумели создать такое зелье, которое делало человека своим рабом буквально за один-два раза его употребления.

Конан даже вздрогнул от такой перспективы. Но выбора у него не было. Взяв наугад один из хрустальных флакончиков, киммериец открыл его и внимательно рассмотрел содержимое. Это была розоватая, густая мазь, от одного запаха которой успокоилась мучившая Конана сильная боль в затылке. Зачерпнув пальцем немного мази, киммериец осторожно втер ее в шрам на шее. Затем, расстегнув форменную тунику, смазал рану на бедре и покрасневшее пятно вокруг нее, а

также самые болезненные из ссадин и свежих шрамов.

Уже через несколько мгновений ему стоило большого усилия воли закрыть флакон и перестать втирать в тело мазь, приносившую мгновенное облегчение. Убрав флакон в один из карманов, Конан прислушался к своим ощущениям: его дыхание клокотало в груди, словно разогретое вином. Боль в ноге почти прошла. Правда, в ушах слышался непонятный шум. Зато в теле чувствовалась вновь вернувшаяся сила, а в голове — желание что-то делать, действовать. Конан попробовал встать. Состояние ноги поумерило его восторг — она была столь же слабой и почти безжизненной. Но, по крайней мере, на нее было не больно ступить, и киммериец без труда, лишь чуть прихрамывая, добрался до дальней двери. Подойдя к ней, он оперся на деревянную створку рукой и с удивлением обнаружил, что она не заперта.

«Свобода в моем доме», — вспомнил Конан слова Фанг Луна. Что ж, какая бы ловушка ни скрывалась за дверью, ждать, что удастся избежать ее, переждав в этой комнате, было бессмысленно. Киммериец осторожно надавил на дверь, которая легко открылась, скрипнув петлями.

Представшая глазам Конана комната напоминала предыдущую. Такая же большая, без окон, она была более тускло освещена несколькими лампами по углам, а часть мебели была сломана или перевернута. Комната была завалена мусором, и даже до затуманенного лотосом обоняния Конана донеслась вонь, стоявшая в воздухе. В противоположной стене киммериец разглядел вторую дверь. Оглядевшись и не увидев ничего явно опасного, он шагнул вперед.

Позади раздался странный звук. Резко обернувшись, Конан увидел, как захлопывается перед его глазами входная дверь. Некоторое время киммериец не мог понять причины этого, а затем увидел знакомую ему по джунглям лесную обезьянку, зацепившуюся за карниз невдалеке от дверного косяка. Затем рядом появилась вторая, затем — в стороне — еще одна. Следующая появилась из-за колонны... Вскоре вся комната оказалась кишащей переговаривающимися и гримасничающими животными. Они, словно пауки, носились по стенам и колоннам и каким-то непостижимым образом по воздуху переносились из угла в угол.

Присмотревшись, Конан увидел, что по всей комнате выше человеческого роста натянуты тонкие веревки, служившие отличными мостами ловким животным. Верещавшие и мечущиеся обезьяны двигались все же с меньшей суетой и с большей целеустремленностью, чем их лесные собратья. В следующий миг Конан разобрал, что на голове каждой из обезьян был маленький шлем, грудь прикрывали кукольные доспехи, а на каждом запястье сверкал привязанный кинжал с человеческий палец длиной. «Час от часу не легче, — подумал киммериец, — теперь обезьяны-воины, этого только не хватало».

Оказалось, что захлопнувшаяся дверь была сигналом к началу атаки. Три обезьяны, спустившись по Дверным косякам на пол, переглянулись и бросились вперед, сжимая свои крохотные клинки и обнажив в оскале почти такой же длины клыки.

Хороший пинок был бы лучшей обороной от этих спустившихся на землю обитателей деревьев. Но слабая, плохо сгибающаяся нога Конана не подходила для такой работы. Киммериец отступил на пару шагов и, подождав, попытался схватить ближайшую обезьяну. Однако верткое животное было не так-то просто поймать. Обезьяна увернулась от протянутой руки и даже успела полоснуть по ней одним из острых, как бритва, кинжалов. Даже когда человеку все-таки удалось схватить обезьяну с намерением размозжить ей голову об стену, та не прекратила сопротивления, а впилась в руку своими желтыми клыками. В эту же минуту на Конана налетели две другие обезьяны, ткнувшие его с двух сторон своими клинками и тут же отскочившие назад. Разделавшись с первым противником, Конан хотел заняться оставшимися, но понял, что самое худшее только начинается.

Нападение трех животных с пола, оказывается, было всего лишь отвлекающим маневром.

Сверху, со стен и с веревок, на его голову и плечи одновременно прыгнула целая стая воинственно настроенных обезьян. Этот натиск не только ошеломил киммерийца, но и изрядно напугал его. С трудом опомнившись, Конан стал отмахиваться и отбиваться, тщетно стараясь уберечь лицо и руки от кинжалов и клыков.

Схватив за горло одну из обезьян, Конан стал орудовать ею как дубинкой и на некоторое время сумел расчистить пространство вокруг себя. Отбежав в центр комнаты, он отбросил бездыханное животное, чтобы расправиться с парочкой наиболее упорных его собратьев, не желавших слезать с человека. Но остальные обезьяны, не задерживаясь, вновь бросились в атаку. Веревки были натянуты на такой высоте, что, зацепившись за них лапой или даже хвостом, животные как раз доставали кинжалами до головы киммерийца, иногда даже используя его плечи как опору для прыжка на другую веревку. Слабая нога не позволяла Конану надеяться на быстроту своего движения. Он начал всерьез опасаться, что в какой-то момент обезьяны опрокинут его на пол.

Вдруг нападение прекратилось по неизвестной для Конана причине. Он перевел дух и осмотрел себя. Хотя под действием лотоса он не ощущал боли, большое количество крови, вытекшей из многочисленных порезов и укусов, не внушало оптимизма. Раненая нога гудела и была все так же полупарализована. Подволакивая ее, Конан запрыгал к дальней двери, стараясь не попадать в лужи крови и кучи обезьяньего дерhma. Он понимал, что передышка не может быть долгой и что его враги отступили только для того, чтобы перегруппировать свои силы и сменить тактику.

Так и произошло. Обезьяны собирались над ним плотным кольцом. На этот раз их кинжалы свободно болтались в воздухе, привязанные к запястьям. Словно по команде, десятки лап, похожих на человеческие руки, потянулись к Конану, схватили его за волосы, за плечи, за разорванный воротник куртки и подняли его в воздух. К своему ужасу, киммериец почувствовал, как сандалии отрываются от каменного пола. Все больше и больше обезьян хватали его, постепенно перебираясь вниз по телу и переворачивая его почти в горизонтальное положение. Через некоторое время Конан понял, что висит над полом на высоте полутора своих ростов.

Дикая ярость от этого унижения обуяла его. Он начал размахивать и отбиваться всеми четырьмя конечностями, пустил в ход зубы с не меньшей энергией, чем сами обезьяны, но с более разительным эффектом. Обескураженные звери непроизвольно разжали лапы, и киммериец рухнул вниз, вдребезги разбив плечом один из стоявших на полу лакированных столов. Упавшие рядом с ним обезьяны поспешили отскочить от него подальше, спроведливо опасаясь за свою жизнь.

Изрыгая проклятья, Конан поднялся на ноги. Схватив обломанную столешницу, он махнул ею в воздухе. Одна из веревок оборвалась, несколько других, задетых деревяшкой, сильно дернулись. Обезьяны грозьями попадали на пол. Когда же, сгруппировавшись, несколько животных ринулись в атаку, столешница послужила Конану щитом, а двух нападавших он ухитрился даже оглушить, изрядно нагрев их лакированной доской.

— Ну что, вонючие трусы! — рявкнул Конан, потрясая столешницей. — Теперь посмотрим, кто кого! Ну, кто первый?

Обезьяны ответили криками с безопасного расстояния и градом фруктовых косточек и мелких камешков.

Почувствовав, что его силы истекают, Конан прикинул, что вряд ли сможет выйти победителем в этой схватке со столь непривычным, безжалостным и многочисленным противником. Резко разворачиваясь и размахивая доской во все стороны, чтобы не дать обезьянам подойти слишком близко и напасть сзади, он отступил к дальней двери и проскочил за нее. Оказавшись по другую сторону, Конан прижался к двери, захлопнул ее и навалился на нее

всем телом.

Комната перед ним сильно отличалась от предыдущих. Овальная, она была отделана в стиле музыкального зала и уставлена медными гонгами и колоколами разной величины. Вроде бы непосредственной опасности ничто не представляло, и Конан позволил себе сползти по двери на пол и перевести дух.

У Конана не было никакого желания подсчитывать раны, оставленные на его теле клыками и кинжалами обезьян. Он чувствовал, что последние силы, оставшиеся после дикого прорыва, покидают его. Боль вновь огненной волной обожгла мозг. Киммерийцу ничего не оставалось делать, как достать хрустальный флакон из кармана и вновь прибегнуть к спасительной мази. На этот раз эффект был не столь впечатляющим. Боль в бедре не прошла окончательно, а лишь поутихла. Голова не стала совсем ясной. Но обезьяны укусы и порезы перестали саднить и кровоточить. Сердце перестало, как безумное, колотиться в груди. Конан наконец смог внимательно оглядеть помещение, в котором оказался.

Свисавшие с потолка лампы достаточно ярко освещали комнату. Даже слишком ярко для этого склада музыкальных инструментов, мелькнуло в голове киммерийца. Вся обстановка помещения состояла из подвешенных к потолку на цепях гонгов, колоколов, цимбал, тарелок и прочих металлических ударных инструментов.

Самые крупные были развесаны в некотором порядке — равномерно по всей площади комнаты.

Ни один из инструментов не повторял другой. В центре висел самый большой гонг — даже больше того, звук которого вернул Конана к реальности несколько часов назад. Этот гигантский инструмент был непривычной, круглой формы; его диск, словно корону, опоясывали металлические треугольники в виде языков пламени. Их отточенные края торчали во все стороны — такая форма, должно быть, символизировала солнце. К тому гонгу был прикреплен молоток, от которого к стене через рычаги тянулась тонкая цепь. Это приспособление позволяло ударить в гонг, не входя в комнату.

Не слыша звуков преследования за спиной, Конан подергал ручку двери. К его удивлению, дверь оказалась запертой. Что ж, это даже к лучшему, подумал Конан. Что бы ни грозило ему впереди, он будет более подготовлен к любой опасности, не ощущая за спиной преследования обезьяньей стаи. Разглядев между инструментами очередную дверь в противоположном конце комнаты, киммериец направился к ней.

Не успел он сделать несколько шагов, как раздался удар центрального гонга. Эффект превзошел все ожидания. Быть может, овальная форма помещения так усиливала звуки, но звон просто затопил Конана, пронзил его насквозь, заставив вибрировать все его тело. Следующий удар молотка, которым управлял из-за стены невидимый человек или механизм, не только повторил дикий звон, но и заставил гонг чуть шевельнуться. Еще несколько ударов — и ощетиненное медными лучами колесо заходило по комнате, описывая внушительную дугу от стены к стене.

Чтобы ослабить натиск на уши, Конан шагнул к центру зала, где, казалось, звук был чуть слабее. Но тут вступили в дело остальные гонги и другие инструменты. Вскоре какофонию усилили звон цимбал и гудение колоколов. Конан послал проклятия на головы горе-музыкантов, причем мысленно, понимая, что бессилен перекричать этот адский шум.

По мере того как все новые инструменты вступали в игру, находиться в комнате стало невыносимо. Конан двинулся вперед, уворачиваясь от них, зажав обеими руками уши. Он различал гонги не по звучанию, слившемуся в единый гул, а по тому, какая часть тела быстрее отзывалась вибрацией на тот или иной звук.

Конан понял, что пройти между этими инструментами будет нелегким делом. Больше всего

его пугал гонг-солнце, которому ничего не стоило проткнуть человека своими медными лучами насквозь. Отступив с его траектории, Конан был вынужден отскочить и с пути другого тяжелого гонга, несшегося на него. В это время третий медный диск тяжело ударил киммерийца в плечо. Отступив, Конан решил выбрать момент, чтобы проскочить между этими двумя гонгами. Но когда он уже приготовился к прыжку, они, внезапно изменив траектории, столкнулись с таким грохотом, что Конан затряс головой. Потеря бдительности стоила ему пропущенного удара в спину. Благодаря Крома, что это был не гонг с острыми лучами, киммериец упал на пол.

Конан даже не удивился, обнаружив, что лежачее положение не означает безопасность. Следуя чьей-то дьявольской воле, цепи то и дело изменяли свою длину, опуская колокола и гонга ниже и ударяя их о гранитные плиты пола в самых разных местах. Хуже было другое: в своем беспорядочном движении эти цепи задевали и раскачивали другие, поддерживающие светильники. Теперь, помимо опасности получить душ из кипящего масла, Конан потерял возможность просчитывать движения опасных предметов. Пляшущие тени и светлые пятна совершенно нарушили всю ориентацию. Зал превратился в наполненный грохотом и стоном металла ад. Каждый новый удар означал новую опасность. Причем предсказать ее было невозможно. Направление и скорость движения звенящих и гудящих инструментов менялись ежесекундно.

Оставив надежду уберечь уши, Конан, не прикрывая их руками, шаг за шагом пробирался вперед к своей цели — дальней двери. Добравшись наконец до центра зала, киммериец остановился, пропуская мимо один из колоколов, на ходу изменивший свой звук от низкого гудения до тонкого звона. В следующую секунду раздался скрежет скрестившихся цепей, и Конан, обернувшись, увидел, что гонг-солнце, задев другой тяжелый диск, изменил траекторию и, прежде чем киммериец успел отскочить, подлетел к нему, описал круглую дугу вокруг северянина и отлетел в сторону, нежно погладив Конана своим полированным боком.

Решив не испытывать судьбу дважды, Конан с еще большей решимостью стал пробираться к двери. Действие наркотической мази стало слабеть: вновь заныли раны, заболели измученные грохотом уши. Собрав в кулак всю волю, Конан продолжал, как мог хладнокровно, высчитывать траектории движения колоколов и гонгов. На каждые три скачка вперед ему приходилось делать два не в нужном направлении, чтобы избежать смертельного удара. Несколько раз тяжелые диски и колокола сталкивались с душераздирающим грохотом на том самом месте, где еще мгновение назад стоял человек. Пролитое масло сделало пол скользким, как лед, и непригодным для точных прыжков. Конан понял, что проигрывает этот бой.

Неожиданно спасительная мысль пришла ему в голову. Внимательно присмотревшись, он подпрыгнул вверх и ухватился за цепь одного из колоколов. Через мгновение тяжелый инструмент поднес его почти к самой цели. Прыжок вниз, еще два скачка, чтобы увернуться от приближающихся гонгов, — вот он уже у двери.

Схватившись за ручку, Конан распахнул дверь и, спасаясь от летящего ему в спину тяжелого гонга, рухнул вперед, в дверной проем, даже не успев взглянуть на то, что ждет его впереди.

ГЛАВА 10. КРОВЬ И ЛОТОС

Конана разбудила тишина. Она обрушилась на киммерийца, словно гигантский водопад на реке Стикс. Но это оглушающее ощущение было все-таки настоящей тишиной, а не громом и воем, оставшимися за дверью овальной комнаты. Как давно прекратился грохот и сколько он сам пролежал без сознания — этого Конан определить не мог. Комната, в которую он попал, была наполнена клубами дыма. Сквозь эту завесу пробивалось зловещее сияние. Наверняка здесь его ждали новые опасности, но Конан пока что почти не думал об этом.

С трудом сев, Конан достал флакон со снадобьем и, вздохнув, привычно намазал им шрамы на бедре и на шее, а затем мазнул и за ушами, надеясь, что так быстрее пройдет боль в воспаленных барабанных перепонках. На этот раз мазь почти не оказала своего эффекта. Боль лишь чуть ослабела, голова была столь же тяжелой и раскалывалась от все еще звеневших в ней колокольчиков и гонгов. Конан тяжело встал и усилием воли заставил себя двигаться вперед. По крайней мере, нога не отказывалась подчиняться ему. Конан сделал шаг, даже не удосужившись узнать, не заперта ли дверь за его спиной.

Границы комнаты, ее углы и стены тонули в густом дыму, поднимавшемся от нескольких очагов и жаровен. Тлеющие угли вырывали из темноты какие-то уходящие в темноту колонны. Несомненно, где-то наверху должны были быть отдушины для выхода дыма. Иначе в комнате нечем было бы дышать. Конан и сейчас с трудом вдыхал воздух, наполненный дымом, а также густым фимиамом каких-то листьев и порошков, догоравших поверх углей. Это был не лотос, по крайней мере не только он.

Конану показалось, что между ближайшими жаровнями что-то лежит. Задыхаясь от дыма и размахивая перед собой руками, чтобы разогнать едкую завесу, он с трудом подошел поближе и слезающимися глазами разглядел в неверном свете тлеющих углей человеческое тело, уложенное на бамбуковую решетку на ножках.

Мужское тело, некогда принадлежащее рослому, сильному человеку, было изуродовано пыткой. Ни единого клочка одежды не прикрывало следов истязаний. Конан знал этот способ садистского умерщвления, который хвонги использовали для расправы с пленными туранцами. Для этого сначала требовалось заготовить, вымочить в уксусе толстую изогнутую ветку покрытого длинными острыми иглами кустарника. Затем, распрямив, ее привязывали к спине жертвы, сделав петлю и закинув ее на подбородок казнимому. Высыхая и принимая свою первоначальную форму, ветка все сильнее вонзала шипы в спину жертве, в то время как верхний конец, оттягивая голову человека назад, постепенно ломал ему шею.

Конан мог только надеяться, что этому несчастному пришлось мучиться меньше. Если пытка была проведена здесь, то иссушающий жар от углей ускорил высыхание ветки, но все равно эта смерть не могла быть быстрой и легкой.

Осматривая связанное тело, Конан обратил внимание, что оноказалось слишком темным даже для царящего в этом помещении полумрака. Наклонившись поближе, он увидел, что кожа мертвца была не желтой, как у местных жителей, и не выжженной солнцем пустыни, как у туранцев, а имела более темный оттенок. С того места, где стоял Конан, лица было не видно. Мучимый недобрый предчувствием, киммериец наклонился над бамбуковой решеткой и резким движением перевернул труп. Холодный пот прошиб северянина: несмотря на то что лицо покойника обезображенено предсмертной гримасой и следом от петли, сомнений быть не могло — это Юма.

Все еще не веря, Конан дотронулся до щеки погибшего друга. Сухая кожа на лице Юмы была такой же теплой, как и дым, поднимающийся от жаровен.

Отшатнувшись, Конан попал в густое облако дыма. Рванувшись прочь от страшного зрелица, с глазами, полными слез от дыма и горя, он налетел на одну из жаровен и, не заметив ожога, перевернул ее. Выскочив на середину комнаты, где завеса дыма была не столь густа, киммериец остановился. Взрыв гнева сменился удушающей волной отчаяния: что он мог сделать один, раненый и безоружный, находясь в неведомой, полной опасностей темнице.

Наверное, подумал Конан, он долго пролежал в забытьи в последний раз. Достаточно долго, чтобы за это время люди Фанг Луна схватили Юму и подвергли его мучительной казни. Кто знает, а не сам ли Конан своими вопросами выдал столь дорогого ему человека? А может быть, губернатор лишь заговаривал киммерийцу зубы, а сам уже схватил Юму и палачи вовсю пытали чернокожего воина?

Что ж теперь? В любом случае сделать ничего нельзя. Забиться в истерике, оплакивая друга и изрыгая проклятия убийцам, — нет, этим он только покажет свою слабость, повеселит незримо следящих за ним безжалостных убийц. Никогда! Вместо этого Конан затаил в груди скорбь, решив поберечь ее да и остатки сил для другого случая.

Протерев глаза и как следует проморгавшись, Конан все еще не совсем ориентировался в полумраке. Невдалеке мерцали огни нескольких жаровен, но были ли это те самые? Нет, их свечение было желтоватым, а не красным, а дым еще более едким. Но в центре светящегося круга что-то темнело... Движимый любопытством, Конан прикрыл лицо от жара и дыма и шагнул вперед.

Человек на такой же бамбуковой решетке, только обтянутой белым холстом, был жив. Он был одет в золотистый шелковый хитон, его голову покрывала маленькая белая шапочка, изящные туфли с загнутыми носками были надеты на его ноги. Сидевший посреди едких облаков человек еще и сам курил длинную изогнутую трубку. Сквозь все дымовые завесы Конан легко узнал его.

— Бабрак!

С воодушевлением, равным по силе еще недавно владевшему им отчаянию, Конан рванулся к другу.

— Как я рад тебя видеть, дружище! Хоть ты остался жив! Тебя тоже схватили люди Фанг Луна? Бабрак, ты знаешь, они убили Юму! Или отдали хвонгским палачам на растерзание. Какая, впрочем, разница! Я до них еще доберусь! Они пытали его... Ты видел, его труп лежит вон там... Бабрак, ты меня слышишь?

К изумлению Конана, юноша никак не прореагировал на его появление и слова. Лицо Бабрака оставалось неподвижным, взгляд бесцельно блуждал по комнате, время от времени его рот расплывался в идиотской улыбке. Единственное действие, которое ритмично совершил Бабрак, было поднесение ко рту мундштука трубки и вдыхание очередной струи дыма.

— Э-э, приятель, да тебя накачали почище моего! Ты научился курить лотос, нарушив заветы обожаемого тобой Тарима. — Присев рядом с другом, Конан попытался пошутить: — Не следовало оставлять тебя в кабаке с той шлюхой. Она оказалась одной из многих кумушек, работающих на Фанг Луна. Да ты не переживай, братец. Мы еще выберемся отсюда. Сбрось с себя дурман! Помоги мне! Нам еще нужно расквитаться с убийцами Юмы!

Киммериец похлопал Бабрака по плечу.

На лице туранца не отразилось ничего. Единственной реакцией Бабрака на все слова друга было то, что, в очередной раз выдохнув клуб дыма, он молча протянул трубку Конану, словно предлагая попробовать.

Конан с отвращением отшатнулся и с трудом сдержался, чтобы не выхватить трубку и не отшвырнуть ее подальше. Но если он собирался привести Бабрака в чувство, следовало действовать аккуратно. Хотя, понял киммериец, выбраться отсюда, таща на себе одурманенного

товарища, едва ли будет возможно.

Словно клещи сжали сердце и горло Конана. Ему и раньше приходилось видеть людей, ставших жертвами привычки к наркотикам. Но никто из них не был так близок ему, как Бабрак. Бедняга! Строгий последователь заповедей Тарима. Никогда еще Конан не слышал о людях, вернувшихся к нормальной жизни из лотосного дурмана. Наверное, лучше будет оставить парня здесь, а затем вернуться за ним во главе отряда... Но, скорее всего, придется добавить еще одно имя в список потерь, смертельных ударов, нанесенных ему Фанг Луном. Для всего мира Бабрак был теперь так же мертв, как Юма. Да и самому Конану грозила такая же участь.

В отчаянии Конан отошел от одурманенного друга, прошел мимо жаровен и побрел в темноту. Затем, решив, что на всякий случай лучше будет вытащить Бабрака из кольца горящих, дурманящих жаровен, киммериец развернулся и направился назад. Но дым и полумрак сыграли с ним злую шутку. Подойдя к жаровням, Конан увидел, что из них выбиваются совсем другие, синевато-призрачные языки пламени. Подумав, киммериец подошел поближе.

Его взгляд приковала тень, находившаяся в центре огненного круга. С первой секунды Конан все понял, но что-то заставило его пройти сквозь языки пламени и вплотную приблизиться к еще одной жертве Фанг-Луна — Сарии.

Она лежала на низкой резной деревянной кровати, покрытой бархатным покрывалом. Лишь узкая набедренная повязка прикрывала часть ее тела. Множество браслетов и бус, серьги и золотистый пояс лишь подчеркивали ее красоту. Аккуратные, украшенные золотым шитьем тапочки были небрежно брошены у кровати, словно Сария только что забралась на нее, оставив их у изголовья.

Девушка была жива. Ее грудь медленно поднималась и опускалась. Более того, почти без сознания, она сгорала от плотского желания. Вытянувшись на ложе, она изгибалась, словно наложница из гарема в ожидании своего господина. Тонкие руки ласково гладили бархат покрывала и еще более тонкий бархат собственной кожи, словно светившейся в сверкании голубого пламени.

Но все ее очарование, вся красота молодого тела потеряли свою привлекательность в этом зловещем свете синего пламени. Никаких чувственных желаний не пробудили в Конане призвы одурманенной возлюбленной. С дрожью в ногах он подошел к ней и хриплым голосом позвал:

— Сария! Этот мерзавец похитил тебя. И все это из-за меня! Пойдем, девочка. Мы выберемся отсюда и вернемся в наш домик на опушке леса. Эта ночь — самая страшная в моей жизни. Я потерял близких друзей. Но самое дорогое еще можно спасти. Пойдем!

Девушка явно услышала его слова. Но вместо радости узнавания на ее лице отразилось сильное беспокойство. Она открыла глаза и огляделась. Когда же ее взгляд нашел в клубах дыма лицо Конана, девушка застыла от ужаса.

— Сария, девочка. Это же я, твой Конан! Ну, пойдем отсюда. Ты нужна мне, любимая!

Хрипло выдавливая из себя слова, киммериец подался вперед и протянул к девушке руки. Но его ладонь повисла в пустоте. Сария, тщетно прикрывая свою наготу руками, забилась в самый дальний угол своего ложа. Ее лицо, глаза, обращенные к нему, были полны невыразимого ужаса. Из горла вырвался хриплый крик.

— Что случилось, девочка? Тихо, детка, не надо кричать!

Еще одно движение вперед — и воздух задрожал от визга Сарии. Постепенно этот душераздирающий звук перешел в рыдания и вой. Казалось, девушка близка к границе между страхом и безумием. Увидев это, Конан развернулся и вышел за круг пламени в окружающую темноту.

Что за дьявольщина царила в этом замке? Как, как удалось Фанг Луну распознать и захватить все самое дорогое в жизни киммерийца, уничтожить самых близких людей? Великий

Кром, как же теперь жить дальше? Лучше бы умереть. В конце концов, его душа уже мертва. Только дурман лотоса еще заставляет двигаться измученное тело... Впереди в полумраке показалась новая дверь. Конан распахнул ее и пошел дальше, даже не остановившись и не поискав глазами опасность.

Вздрогнув от удара захлопнувшейся за ним двери, Конан поднял глаза и огляделся: он оказался в очередной просторной комнате, ярко освещенной укрепленными в стенах факелами и лампами. В нишах по углам испускали дым уже знакомые жаровни. Единственным предметом обстановки было огромное, больше человеческого роста, зеркало в раме из черного дерева с вырезанными на ней фигурами переплетающихся змей. Конан решительно подошел к зеркалу и взглянул в него.

Холодный ужас пронзил киммерийца. Последний, сокрушительный и, самое главное, закономерный удар! Из зеркала на него глядело мертвое, полуразложившееся существо. Истлевшая туника больше походила на саван, но тело стнило еще сильнее ткани. Единственным проявлением жизни было свечение трупных гнилушек на торчащих из гнилого мяса костях. И самое страшное было в том, что это существо, этот труп был им самим.

Подняв руку, Конан оперся ею на зеркало, словно проверяя реальность стеклянного барьера. И эта рука ничем не отличалась от поднявшейся ей навстречу гнилой клешни с содранной кожей и торчащими костями.

Так вот почему, увидев его, забилась в истерике, едва не лишившись рассудка, Сария. Конан надеялся только, что она не узнала его, своего спасителя и возлюбленного, а решила, что перед нею чудовище, способное нести только смерть объятиями полуразложившихся лап.

Стоя перед зеркалом, Конан, словно парализованный, не двигаясь, рассматривал свое отражение, находя в себе все новые и новые признаки разложения. Кожа на лице покрылась трещинами и язвами, а с головы и вовсе слезла клочьями, обнажив треснувший череп. Зияющий шрам на шее стал шире и глубже настолько, что, казалось, голова в любой момент может не удержаться на прогнившем позвоночнике и, оторвавшись, скатиться с плеч. Под лохмотьями ткани и кожи торчали обломанные ребра. Мышцы рук ссохлись, превратившись в узловатые веревки, кое-где оторвавшиеся от костей и провисшие. Одна нога бессильно висела, словно чужая, а вторая — распухшая от черной кровавой жижки и зелено-бурого гноя — была готова подогнуться и сломаться под давящей на нее тяжестью.

Все! Вся эта мерзость была абсолютной правдой, и предсказать это можно было с самого начала. Лекарство Фанг Луна не могло быть не чем иным, кроме как обманчивым ядом. Оно не залечило раны, а, лишь на время притупив боль и внимание, проникло во все поры тела, отравив и умертвив его. И теперь Конан превратился в полуразложившегося монстра, не способного ни сопротивляться, ни даже сколько-нибудь долго служить своему повелителю. Оставалось лишь ждать скорого конца всех мучений.

— А ведь настояще лекарство для тебя существует, парень, — раздался громкий уверенный голос.

В дальнем конце комнаты стоял Фанг Лун, а по его правую руку — палач Сул.

— Тот кошмар, который ты видишь в зеркале, — не более чем одна из стадий воздействия мази, выбранной тобою. Можно остановить этот процесс, а можно и вернуть все вспять. Главное — точно подобрать снадобье. По жесту хозяина Сул извлек из кармана кожаного фартука флакон, значительно больший, чем тот, которым попользовался Конан.

— То, что отражается в зеркале, — твоя истинная душа. Та, из-за которой происходили все твои неприятности. Теперь она вытравлена из тебя словно кислотой. Ты чист, как только что родившийся младенец.

Говоря, губернатор, словно тенью сопровождаемый Сулом, подошел к зеркалу.

— Запомни, раб. Я могу тебя вернуть к жизни. Если хочешь снова обрести бренную оболочку своего тела, тебе нужно только встать на колени и попросить меня об этом. Я буду твоим повелителем и позабочусь о тебе, как и подобает хозяину. Будь уверен, я сумею верно направить твою звериную силу и ненависть на тех, кто этого заслуживает, — на мятежников и их пособников в наших рядах. Подчинись мне, доверься господину — и ты вновь ощущишь столь дорогое для тебя дыхание жизни.

— Правитель Фанг Лун, — голос с хриплым бульканьем вырвался из сгнившего, провалившегося горла существа, которое повернулось к своему мучителю, — ты прав, говоря, что взял у меня все. Ты похитил мою свободу, лишил того, чего я добился в жизни. Уничтожил мою любовь, само мое тело и жизнь.

Кашляя, существо, некогда бывшее человеком, нетвердым шагом пошло вперед.

— Сколько из этого — правда и сколько — дьявольские иллюзии, я не знаю. Но я знаю, что все мои поражения реальны. Ты оставил мне только боль. Боль — вот все, чем я владею. И я не позволю тебе забрать мою последнюю собственность.

— Отлично. Итак, ты отказываешься смириться. — Фанг Лун брезгливо отстранился от слишком близко подошедшей полуразложившейся фигуры. — Напомню то, о чем я уже предупреждал тебя: мой метод не допускает ошибок. Сул, кончай с ним!

Сул атаковал. Резкий неожиданной бросок дюжего палача сбил Конана с ног. Рухнув на каменный пол, киммериец был пронзен такой болью во всем полусгнившем теле, что готов был пожалеть о своих дерзких словах. Но, к своему удивлению, он понял, что не разлетелся на вонючие куски от удара. Более того, его натренированное тело в меру своих сейчас жалких возможностей попыталось защититься. Здоровое колено воткнулось в пах нападавшему. К сожалению, чресла Сула были несколько раз обмотаны плотным куском ткани и прикрыты толстым кожаным фартуком. Рука Конана обвилась вокруг шеи и корпуса противника с силой, которая быстро заставила бы сдаться человека послабее.

Но Сул явно был опытным бойцом. Его вес по-прежнему прижал Конана к полу, не оставляя ни малейшей возможности пошевелиться. Руки стальными клещами сжали шею, которая давно должна была разорваться, если зеркало Фанг Луна показывало правду. Но тело Конана явно оказывало больше сопротивления и демонстрировало большую волю к жизни, чем можно было бы ожидать от полуразложившегося, чуть держащегося на ногах существа. Какой позор, пронеслось в сознании киммерийца, ведь сейчас эти клещи выдавливали из него последние капли той самой настоящей жизни, которой, по словам Фанг Луна, в нем уже не должно было оставаться.

Железная воля киммерийца, закаленная в сотнях сражений, не могла смириться с поражением. Северянин делал отчаянные попытки вырваться, но обрушившиеся испытания и тяготы последних дней вконец измотали могучего варвара. К тому же сознание было затуманено наркотиками. Убийца медленно, но верно делал свое дело. В отчаянии Конан плонул в глаза противнику, но того оказалось не просто вывести из себя. С лица Сула даже не сошла зловещая улыбка, с которой он душил свою жертву.

У киммерийца не осталось сил, пропал голос — не выкрикнуть даже предсмертное проклятие. Никакого оружия... Но стоп! Конан просунул свободную руку между своим животом и брюхом Сула и сжал в кулаке хрустальный флакон со своим отравленным лекарством. Вытащив руку, он, не разжимая пальцев, сильно ударил флакон об пол. Посльшался звон хрустальных осколков, а Конан, не выпуская из кулака донышко флакона с острыми краями, размахнулся и вонзил его в лицо безжалостного вендиго.

Острые осколки прошли сквозь лосняющуюся кожу и лицевые мускулы и застыли, черкнув по коже скулы. Провернув свое оружие, насколько удалось, в ране, Конан отдернул руку с

окровавленным осколком и снова вонзил его в лицо противника. Сейчас, когда сознание уже было готово покинуть киммерийца, ему оставалось только одно — наносить удар за ударом почти в одно и то же место. Быть может, спасительное оружие оказалось найденным слишком поздно...

Но... Поначалу Конан даже не поверил в это чудо. Стальная хватка на его горле стала слабеть. Воздух хлынул в сдавленные легкие, словно жидкий огонь. Киммериец вздрогнул, стараясь освободиться от навалившейся, мешающей дышать тяжести.

Зрение наконец-то вновь вернулось к Конану. Северянин увидел своего противника. Казалось, палач о чем-то крепко задумался. Улыбка все еще играла на губах, но теперь напоминала скорее отвратительную гримасу. Наверное, Сул даже не чувствовал боли от страшного кровавого кратера на лице, зиявшего, словно третий, провалившийся глаз. В его неподвижных зрачках застыли характерные огоньки — дым лотоса и остатки мази могли сделать человека нечувствительным и к более сильным болевым ощущениям. Но шок от вида собственной струящейся крови парализовал здоровенного вендейца; когда Конан сорвал ослабевшую руку со своего горла, палач остался стоять на четвереньках, тупо глядя на кровавую лужу на белых мраморных плитах. Фанг Лун неподвижно наблюдал бой, словно спектакль на арене цирка. Конан воспользовался этим бездействием правителя, значительно облегчившим его задачу. Выкарабкавшись из-под Сула, он обхватил широкую шею и плечо одной рукой, просунул вторую под грудь и сцепил замком обе ладони. Все измученные мышцы киммерийца напряглись в одном последнем движении — и вот раздался негромкий хруст, и шея вендейца безвольно повисла. Палач повалился на пол, навсегда погрузившись в мир своих дурманых грез.

Конан встал и направился к дальней двери комнаты. Проклятье пришедшего в себя Фанг Луна заставило его обернуться. Губернатор Венджипура бросился наперерез киммерийцу. Его рука потянулась к поясу, на котором не оказалось обычно ненужного в стенах замка кинжала. Не останавливаясь, Фанг Лун метнулся в другую сторону и дернул за какую-то свисавшую со стены веревку. Пронзительный звон, выше, чем у любого из уже слышанных Конаном в этом замке гонгов, просигналил тревогу. Киммериец, понимая, что ему будет не догнать верткого и полного сил губернатора, не останавливаясь, пошел к выходу.

Дверь оказалась приоткрытой; пройдя сквозь нее, Конан очутился наконец в нормальном коридоре со множеством арок и дверей, уходившем от него в обе стороны. Услышав с одного конца коридора тревожные крики и топот ног, Конан метнулся в другую сторону и свернулся в самую широкую арку. Проход, освещенный настенными лампами, привел его на какой-то склад, заставленный стеллажами и заваленный какими-то тюками.

Даже в полутьме Конан без труда определил, что здесь хранились снаряжение и амуниция, пожалуй, не одного полка. Как же не хватало этой формы, а главное, этих доспехов и шлемов его товарищам в дальних фортах. Фанг Лун, несомненно, прибрал к рукам это добро и снабжал им своих головорезов или продавал на черном рынке. К несчастью, у Конана не было ни секунды, чтобы осмотреться; ведь наверняка здесь можно было бы найти и оружейный склад. Но сейчас Конан, пожалуй, был слишком слаб, чтобы вступать в бой со стражей. Многочисленные раны мучительно болели, требуя уже привычного наркотического облегчения, а неповрежденные части тела ныли от усталости. И хотя киммериец больше не чувствовал себя той полуразложившейся развалиной, которая отразилась в зеркале Фанг Луна, силы его действительно иссякли.

Добравшись до очередной двери, Конан распахнул ее и оказался нос к носу с одним из слуг. Тот был облачен в форменную куртку туранской армии, но Конан уже слишком много повидал в этом замке и не верил в возможность встретить здесь союзника.

Его противник был безоружен, но отчаянно бросился на киммерийца с голыми руками,

преграждая ему путь. Схватив его за плечи, Конан изо всех сил ударили своего более легкого противника спиной о дверной косяк. Сломал ли он ему позвоночник или просто оглушил — выяснить киммериец не стал. Захлопнув за собой дверь, он затащил слугу в угол и обрушил на него груду стоявших рядом старых, предназначенных для ремонта корзин.

Помещение, темное, почти как подземелье, судя по звукам и запахам, служило для содержания животных и было поделено на стойла. Отлично, подумал Конан, значит, оно выходит к внешним воротам. Не обнаружив больше ни слуг, ни охраны, киммериец пошел вперед. Он миновал стойла, где, судя по всхрапыванию, содержались лошади — тяжело дышащие, полуживые в этой духоте. Проходя мимо других, более прочных отсеков, забранных толстыми бревнами, Конан услышал более мощные фыркающие звуки, а в нос ему ударил знакомый резкий запах слонов. Конан заволновался, что, обычно спокойные, эти странные животные с тонким обонянием, почувствовав запах крови, сочащейся из его ран, могут заволноваться, как в бою, и ревом выдать его местонахождение.

Но, понимая это, Конан осознавал также и то, что дальше он идти не в силах. Оставалось затаиться здесь и попытаться перевести дух и успокоить боль в привыкшем к дурману теле. Конечно, велика вероятность, что, спрятавшись в стойле, он будет затоптан разъяренным вторжением чужака гигантским животным. Но уж лучше умереть так, чем позволить людям Фанг Луна схватить себя. Конан очень сомневался в том, что и на этот раз губернатор будет так милостив и позволит ему умереть безболезненно, в лотосовом дурмане.

В этот миг послышались тревожные голоса и распахнулась дверь, через которую проник сюда Конан. Чтобы не быть тотчас же замеченным, киммерийцу пришлось упасть на пол и, перекатившись под бревнами, оказаться в одном из слоновых стойл.

Невезение продолжалось: стойло было занято. Конан оказался в темноте рядом с огромной, покрытой морщинистой кожей ногой. По раздраженному дыханию своего соседа киммериец понял, что его появление не обрадовало законного обитателя стойла. Животное оказалось огромным самцом — скорее всего, злым, обученным к участию в боях. Оно тотчас же попятилось, явно желая раздавить непрошеного гостя тяжелой задницей о бревна загородки. Конану ничего не оставалось, как пробраться вдоль его бока поближе к хоботу и бивням.

В конце концов, этого слона учили не только убивать людей, но и подчиняться им, рассудил Конан. Может быть, он не испугается и не разозлится, рассмотрев одинокого человека, не угрожающего ему. Если слон не раздавит его, подумал киммериец, и не поднимет рев, то, быть может, сами стражники, предчувствуя опасность, не сунутся сюда.

Прокочив мимо угрожающее поднятой передней ноги, Конан забился в угол клетки. Задняя стена была сделана из необработанных глыб камня, и, спрятавшись за выступом, он почувствовал себя чуть спокойнее. По крайней мере, здесь слону не удастся просто раздавить его. Но в следующий миг Конана забила дикая дрожь: это перед ним вынырнула из темноты гигантская морда слона — огромные шевелящиеся уши, маленькие глаза, бивни с бронзовыми наконечниками, наконец, хобот, протянувшийся к лицу человека. Влажный, подергивающийся кончик прошелся по волосам, носу, подбородку Конана, спустился вниз, пошарил вокруг пояса, в поисках то ли оружия, то ли чего-нибудь вкусненького. Не обнаружив ни того ни другого, хобот вновь поднялся и крепко, настойчиво сжал плечо человека.

За загородкой стойла послышались возбужденные голоса, запрыгали пятна света от ламп. Конан разобрал две фразы на вендиjsком: — По-моему, звук шел отсюда, из этого стойла!

— Точно. Смотри-ка, и слон неспокоен.

Неспокоен из-за шума, поднятого вами, подумал Конан с досадой. Он продолжал неподвижно стоять в углу стойла, позволяя слону продолжать свой обыск.

Когда хобот прикоснулся к ране на шее, животное возбужденно зафыркало, почувствовав

запах крови.

— Нужно вывести слона и осмотреть стойло?

— Да, неси жезл. Только аккуратнее. Эта зверюга очень своенравная. Смотри не зли его!

Осмелившись глянуть влево-вправо, Конан понял, что выхода в соседние отсеки нет. Прямо перед ним в двух шагах стоял огромный слон, явно не успокоившийся от всей поднятой суеты. Понимая, что выбора не остается, Конан в отчаянии вышел из своего угла. Слон насторожился и предостерегающе поднял хобот. Проведя пальцем по кровоточащей ране на шее, Конан повернулся к зверю спиной и быстро начертил кровью на плоском участке стены почти забытый символ: однажды виденную им со спины слона в джунглях — тройную спираль.

Пофыркивая, слон внимательно следил за его движениями. Затем он поднял хобот и провел кончиком по линии, повторяя ее изгибы. Затем, к изумлению Конана, слон задрал хобот, набрал воздуха и издал победный трубный рев.

На миг закрыв глаза и заткнув руками уши, Конан, понимая, что будет схвачен, ринулся к выходу из стойла, но был в изумлении остановлен опускающимся на колени слоном, который подставил изогнутый хобот в виде подножки, чтобы облегчить человеку подъем. Не тратя времени на сомнения и вопросы без ответов, Конан шагнул здоровой ногой на хобот и через мгновение оказался верхом на толстом загривке слона.

К счастью, на слоне была надета упряжь — нечто вроде ошейника и кожаного ремня, обхватывающего голову. Конан крепко схватился за ремень и понял, что без него ему пришлось бы тудо: слон резко развернулся в стойле и рванулся к выходу. Слуга, только собиравшийся открыть стойло, немедленно попытался водрузить снятое бревно на место, но был отброшен могучим животным через коридор, где рухнул на загородку противоположного отсека. Второй стражник подбежал ближе, размахивая жезлом как знаком власти над слоном, но был немедленно раздавлен огромными ногами.

Разделавшись с загородкой стойла, слон вновь протрубил и бросился к полуоткрытым входным воротам. Встревоженные ревом, его сородичи превратили в сплошной ад помещение за спиной Конана. Слоны, забеспокоившиеся и разозлившиеся, стали ломать загородки, тоже пытаясь вырваться на свободу. К счастью для Конана, даже в самом отчаянном рывке его слон сохранял загривок и широкую спину почти неподвижными, чтобы не уронить и без того с трудом держащегося наездника.

Слон вырвался во внутренний двор замка, освещенный множеством факелов в стенах и в руках мечущейся охраны. Большая часть стражников отскочила с пути разъяренного великана. Те, кто не успел, поплатились за медлительность жизнью. Несколько посланных наугад стрел просвистели в воздухе, даже не задев животное. Единственным реальным препятствием впереди оставался разводной мост замка.

Широкий пролет, сооруженный из толстых бревен, перекрывал ров, окружавший замок. Из двух каменных башен к мосту тянулись толстые цепи. По сигналу тревоги стража начала поднимать мост. Конан увидел силуэты людей, мечущихся в оконных проемах башни, услышал лязг наматываемых на барабаны цепей. Хорошо уравновешенный противовесом мост плавно пошел вверх. Киммериец понял, что пролет уже поднялся на такую высоту, с которой не рискнет прыгать ни один слон. Инстинктивно Конан потянул слоновую сбрую на себя. Но, в отличие от лошади, слон не обратил на это движение никакого внимания. Он привык к командам, подаваемым голосом и подкрепленным знаком жезла. Не останавливаясь, слон мчался к уже слишком высоко поднятому препятствию. Сидящий на его загривке Конан сжался в комок.

Гигантская туша по инерции пробежала несколько шагов вверх по круто задранным бревнам моста. Конан услышал с обеих сторон стон и треск разрываемых цепей и вырываемых из постаментов воротов с барабанами. Медленно-медленно мост стал опускаться. Раздались крики

людей, сносимых с ног обрывками цепей и раздавливаемых тяжелыми деталями подъемного механизма.

Слон шаг за шагом продвигался к дальнему концу моста. В тот момент, когда прогибающиеся бревна уткнулись в противоположный берег, зверь как ни в чем не бывало сошел с моста на землю и бросился прочь от замка.

Двор за мостом превратился в хаос криков и стонов.

И Погони пока что не было видно. Впереди лежали рисовые поля, сменяемые на горизонте джунглями, и светлая лента песчаной дороги, раскручивавшаяся перед слоном и сверкающая серебром в лунном свете.

ГЛАВА 11. БИТВА БОГОВ И КОРОЛЕЙ

— Итак, чужестранец Конан, оказывается, жив! — Король с удовольствием потянулся, не вставая со своего широченного ложа. — Он выжил не только во всех боях и сражениях, но и после трехдневной попойки в портовых кабаках! Вот лучшая новость за последнее время!

Повелитель всего Турана отдыхал в зале Протокола, почти пустом, если не считать горстки советников. Великий король лежал на широком диване рядом с одной из своих наложниц, которая была занята тем, что подавала королю очищенные от кожицы виноградины. Будучи меньшего, чем Йилдиз, роста, она должна была всем телом прижиматься к нему, чтобы дотянуться руками до цели, чем приводила своего Повелителя просто в щенячий восторг. Жмурясь от удовольствия, Йилдиз продолжил:

— Как только он достаточно оклемается для долгой дороги, пусть его вызовут в Аграпур! Я провозглашу его героем и устрою из церемонии потрясающее зрелище!

— Провозгласить его героем... — Генерал Аболхассан повторил слова короля, почти не скрывая ни неприязни в голосе, ни недовольной гримасы. — Я бы предостерег Ваше Величество от этого шага.

Подмигнув Эврантхусу, генерал намекнул молодому евнуху, недавно назначенному главой канцелярии, какой линии нужно придерживаться:

— Зачем возвеличивать простого солдата — не офицера-дворянина? Да еще к тому же чужеземного наемника, варвара?

Йилдиз отвернулся, чтобы принять виноградинку из тонких пальчиков девушки, и, проглотив ягоду, ответил:

— Быть может, это не входит в ваши профессиональные обязанности, генерал, но в последнее время вы могли заметить некоторое... э-э... снижение восторга по поводу нашей южной войны среди придворных и простых горожан. К тому же на нас обрушились столь тяжелые удары судьбы. Смерть Дашибит-бяя потрясла всех. Трагическая судьба Улутхана тоже не могла долго оставаться тайной. Мне нужен какой-то повод, чтобы закатить во дворце праздник, развеять придворных, а заодно и повысить популярность столь нужной, по вашему мнению, войны.

— Повелитель, я вынужден выразить протест. Ваши подданные вовсе не настолько чужды вашим идеям. Быть может, вас ввели в заблуждение переговоры и... частные завтраки с госпожой Ирилией и ее подружками. Я имел честь присутствовать на первой из этих встреч и могу сказать, что таких крамольных речей...

Йилдиз оборвал генерала взрывом хохота:

— А, вы тоже обратили внимание! Эта Ирилия, жена Фасхаразендры, настоящая лиса! И кстати, весьма крепкий орешек во всех отношениях. Во время наших встреч она проявляла куда меньше понимания, чем ее подруги, нарушая мои планы и заставляя вести чересчур серьезные беседы.

Йилдиз прервал свою тираду, чтобы принять очередное подношение своей наложницы. На этот раз содержимое ягоды было выдавлено девичими пальчиками прямо в приоткрытый рот короля.

Через мгновение, проглотив сок, Йилдиз продолжил:

— Эта Ирилия возглавила какой-то Союз первых жен или что-то в этом роде. Эти ведьмы ставят под сомнение не только политику двора, но и сами наши устои, например, принципы отношений мужа и жены. Что ты об этом думаешь, крошка? — обратился король к девушке.

Та пожала плечиками и изобразила на лице негодование, а Йилдиз добавил:

— Ирилия устраивает собственные приемы, приглашает иностранных послов, ходит в храм одна, без мужа... Успевает же все — демон, а не женщина! И это любимая жена одного из моих верных и знатнейших шахов!

— Эта женщина опасна, Повелитель, — вставил Эврантхус. — Даже среди верных вам придворных она мутит воду и может стать причиной больших неприятностей.

Генерал Аболхассан был в курсе всей активной жизни Ирилии. Еще с той первой встречи он установил за ней слежку. Оказалось, Что ее тайная деятельность, как ни странно, непроизвольно шла на пользу дела генерала. Он оставил женщину в покое и сейчас не собирался заострять внимание короля на ее персоне. Вот только этот сопляк Эврантхус вечно лезет не в свое дело...

— Между прочим, не только Ирилия выражает недовольство, уважаемый старший евнух, — обратился к юноше Йилдиз. — Среди недовольных не только женщины. Это и купцы, и придворные, и некоторые шахи. Даже кое-кто из твоих приятелей-евнухов бурчит по поводу Вендийской войны. И, надо сказать, не без оснований!

Король бросил взгляд на Аболхассана.

— Плата за эту войну становится чрезмерной. Я не считаю возможным увеличивать налоги, пришлось поднять арендную плату за использование государственной пашни да сократить и без того небольшие общественные работы. Караван за караваном с продовольствием и оружием отправляются вверх по реке Ильбарс, и это не считая новобранцев. А где результаты? Я не имею в виду обильные слезы вдов и сирот, а также торговлю лотосом и еще тысячу и одно зло! Где рабы, добыча, сокровища? Где богатые торговые караваны из дальних стран? Что я должен ответить на эти вопросы моих подданных? Так что, генерал, хватит ставить под сомнение мои решения по части того, как прикрыть, извините за выражение, вашу задницу от раздражения и гнева многих людей.

— Мой Повелитель! Я ни в коей мере не могу подвергать сомнению ни одно из ваших решений. Ведь я всего лишь солдат, выполняющий вашу волю. Но, умоляю, прислушайтесь к моим словам: другие, другие, сомневаясь в верности ваших решений, оспаривают вашу мудрость и само ваше право решать судьбы Турана. Повелитель, вы чрезмерно добры и терпеливы, допуская всех этих жалобщиков к себе и позволяя им распространять свои бредни среди придворных. Само положение дел подсказывает решение — огнем и мечом выжечь крамолу при дворе. И ведь сейчас для этого не нужно устраивать кровавую бойню. Несколько публичных казней — и спокойствие будет восстановлено. А начать нужно с этой змеи — Ирилии. — Глаза генерала сверкали праведным гневом.

— Аболхассан, когда вы наконец вобьете себе в голову... — Йилдиз даже привстал на локте, отодвинув от себя нежную подругу. — Я веду войну не клинком и щитом, генерал. Моя война шире и всеохватнее. Эта война ведется не в болотах и джунглях, а в умах и душах моих подданных. Война королей и даже самих богов!

Йилдиз прервался, наблюдая, как девушка проделывает очередной трюк. В этом положении она смогла дотянуться до рта короля и передать ему виноградину прямо из губ в губы, нежно обвив своего Повелителя руками.

Чмокнув девушку в губы, Йилдиз продолжил разговор:

— Как я уже сказал, Аболхассан, мне нужен повод и герой. Церемония и праздник, которые ознаменуют победу в моей войне, станут объединяющим, воодушевляющим символом для моих подданных. Наградив этого варвара, мы продемонстрируем распространение силы и влияния Турана даже на северные страны, лежащие далеко от наших нынешних границ. Предоставьте мне заняться двором и столицей, генерал. А сами займитесь управлением войсками. Тогда у вас будет достаточно новобранцев-добровольцев, чтобы отточить свое мастерство полководца.

— Слушаюсь и повинуюсь, Ваше Величество. — Лицо Аболхассана пылало от гнева, но он

надеялся, что этот самодовольный тюфяк Йилдиз примет этот румянец за проявление скромности. — Позволю себе предупредить вас. Создавая героя из варвара, вы создаете и случайности. Этот дикарь может громко заговорить какую-нибудь чушь или, что еще хуже, изречь слишком мудрую мысль. С ними никогда не знаешь, чего ждать.

— Именно так, генерал. Придется со временем пообтесать его, двигая ступенька за ступенькой вверх по служебной лестнице. Надеюсь, вы не станете чинить ему препятствий, опасаясь конкуренции! Ну а если он действительно не подойдет нам — ничего не попишешь. — Йилдиз рассеянно пожал плечами. — У офицеров турецкой армии есть одно замечательно качество: если они не нужны, их всегда можно отослать в какой-нибудь далекий гарнизон на границе. Еще одно преимущество королевства!

Внимательно посмотрев на своих собеседников, затем на прижавшуюся к его боку наложницу, Йилдиз вдруг изрек:

— Благослови вас Тарим, друзья!

С этими словами он жестом приказал всем покинуть зал.

— Да хранит Тарим вас и ваше королевство, — отчеканил Аболхассан, развернувшись, вышел вслед за Эврантхусом в коридор. Оба молчали, пока не отошли на достаточное расстояние от охраняемой стражниками двери.

— Провались этот болван! Никогда не знаешь, что ему придет в голову. Сначала подсовываешь ему какого-то дикаря, чтобы отвлечь от истинных забот о войне, так теперь он и вправду собирается посадить его нам на шею и чуть ли не назначить на мое место! — Раздраженный генерал быстро шел по каменным плитам, заставляя своего не столь быстро спутника временами переходить на бег.

— Боюсь, что план короля не лишен смысла, — вставил евнух. — Он может перечеркнуть многие наши усилия и настроить придворных и горожан в пользу короля, против наших планов.

— Точно, — согласился генерал, ставший мрачнее тучи. — Быть может, удастся использовать этого варвара нам на пользу, но кто их знает, этих северян. Чужая душа, да и чужая башка, — потемки!

Евнух помолчал и осторожно осведомился:

— Вы ведь уже собирались устраниТЬ этого варвара, не так ли, генерал?

— Точно. Этому парню палец в рот не клади, как сообщили мои люди.. Он не только мечом махать умеет. Котелок у него тоже варит. А эти лопухи умудрились упустить его. Теперь он знает много лишнего о том, как ведется война его начальством. Ничего не попишешь, придется убрать его. А кстати, представь себе: Йилдиз уже назначает дату чествования и награждения — и тут приходит известие о бесславной или пусть даже героической смерти этого наемника. Вот тебе и еще один удар по королю и по мозгам тех, кто еще колеблется в своих симпатиях.

Эврантхус кивнул и, улыбаясь, заметил:

— А как вы вовремя вкрутили ему про необходимость жесткой политики. После провала затеи с героем он вполне может последовать вашим советам, чем еще больше настроит придворных против себя.

Аболхассан от неожиданности встал как вкопанный, и его спутник пролетел на несколько шагов вперед прежде, чем сообразил остановиться.

— Так ты думаешь, это я специально для него сказал? — удивленно произнес генерал. — Да это минимум из того, что сделал бы я на его месте! Хотя, может быть, ты и прав, приятель. Попробуй он взяться за дело с этой стороны, прибегая к полумерам, и от него отшатнутся последние союзники. Нет, тирания требует главного исполнителя — настоящего тирана!

Эврантхус согласно улыбнулся:

— Точно, генерал. У него для этого кишак тонка! Аболхассан довольно кивнул:

— К счастью для нас. Ладно, пошли. Дело не ждет.

На другом конце дворца, в зале Совета Мудрейших, Асхар руководил полудюжиной младших колдунов, готовя все необходимое для осуществления нового магического действия и наложения заклятия. Его недавнее назначение на пост Верховного Колдуна не только повысило его в глазах окружающих и добавило престижа, но и обрушило на него огромную ответственность. Зрелище страшной смерти Улутхана, свидетелем которого оказался Асхар, наложило свою неизгладимую печать на молодого колдуна. Теперь он не смыкал ночами глаз, читая предсказания звезд, а днем изучал доставшиеся ему в наследство свитки и пергаменты Улутхана, оставляя для отдыха лишь несколько часов в самую нестерпимую полуденную жару. От всех этих переживаний и нагрузок Асхар здорово похудел, его лицо приобрело землистый оттенок, глаза покраснели, и под ними повисли темные мешки.

Но сегодня он руководил своими помощниками с неутомимым упорством и решительностью. Все расчеты были уже сделаны, молитвы прочитаны, предсказания звезд учтены. Наконец-то ему удастся отомстить за смерть учителя.

Некоторое время назад в зал Совета Мудрейших были вызваны лучшие механики и оружейники. Они соорудили в зале огромный арбалет, который сейчас покоился на крестообразном постаменте. Стальная дуга напряженно изогнулась. Шелковый шнур тетивы острым углом захватывал огромную стрелу, поблескивающую в солнечном свете, пробивающую сквозь узкие щели в наспех заделанном куполе.

Стрела, лежащая на ложе арбалета, была главным элементом предстоящего действия. Древко из священного вяза покрывали древние рунические письмена. Наконечник был выкован из твердого металла, выплавленного из упавшего с неба камня. Острый треугольник был освящен на главном алтаре храма Тарима и для верности вымазан змеиной кровью.

Целью для арбалета было также любопытное сооружение. Там, где еще недавно светилось волшебное окно, был выставлен черный гранитный жернов. В его отполированное отверстие как раз могла войти гигантская стрела. А пока что это пространство заполняли осколки волшебного зеркала — крохотные кусочки хрусталия, от которых тем не менее исходило все то же сероватое свечение, которое окружало череп — эмблему Моджурны и которое вырвалось из окна в миг смерти Улутхана.

— Будь наготове у спускового устройства, — напомнил Асхар одному из своих учеников, — но не стреляй без команды!

Человек в капюшоне молча кивнул и положил руку на рычаг у тыльного основания стрелы, чье оперение было сделано из самых больших перьев горных кондоров.

Асхар подошел к мерцающему окошку и покосился на арбалет. Весьма неприятное ощущение: подставлять башку под самую стрелу, пусть и надежно удерживаемую замком арбалета. Но долг был превыше всего. Склонившись над жерновом, Верховный Колдун вознес последнюю молитву Тариму и, зажмурившись от внезапно ставшего ярким свечения, заглянул в отверстие жернова, заложенного осколками волшебного окна.

Что он там узрел — осталось никому не известно. Все присутствующие видели, как Асхар наклонился к отверстию, затем его лицо осветила яркая вспышка все того же серо-туманного света, и вдруг... что-то темное появилось из окошка. Кто-то сказал, что это был огромный паук. Но большинство свидетелей потом сошлись на том, что это черная волосатая рука или лапа впилась в лицо колдуну. Асхар с криком отпрянул, сорвав с лица черную лапу, которая переползла по его телу сначала на плечо, а затем на руку.

Дьявольская рука втянулась в дыру жернова, и больше ее никто не видел, но, к несчастью, она тащила за собой и руку Асхара. Слабый юноша не смог вырваться из крепкой хватки.

Помощники бросились ему на помощь, но их хватания за другую руку и попытки оттащить Верховного Колдуна за плечи были бесполезны. Медленно, но верно Асхара затягивало в отверстие каменного круга. Сначала предплечья, затем локоть и вся рука скрылась в дыре шириной с кулак. Но на этом неведомая сила не остановилась. Несчастный Асхар оказался прижат головой к жернову, а его тело постепенно засасывалось в дыру. Послышался треск разрываемых суставов и ломающихся ребер.

Видя, что голова Верховного Колдуна, украшенная дорогим тюрбаном, оказалась запрокинутой на спину и плотно лежащей на ней, осознав, что стоны неожиданно оборвала смерть, младшие колдуны прекратили попытки вытащить своего учителя. Отступив назад, они в ужасе наблюдали, как его голова, будто раздавленная переспелая дыня, непостижимым образом исчезает, втянутая в узкую дыру, а за ней следует изуродованная грудная клетка. Затянутое неведомой силой тело несчастного колдуна полностью пропало.

Кто-то прошептал:

— Можно стрелять.

Пущенная стрела унеслась вслед исчезающим подошвам сандалий Асхара.

После выстрела сам черный круг гранита покачнулся и, прежде чем кто-либо успел его поддержать, рухнул на пол, рассыпавшись в груду черного щебня.

Волшебное окно закрылось навсегда.

ГЛАВА 12. ПРИЗВАННЫЙ КОРОЛЕМ

Сильно вздрогнув, Конан вырвался из объятий утреннего сна. Наверное, его разбудил крик обезьяны — вполне достаточно, чтобы покрыться холодным потом, вспомнив при этом пребывание в гостях в замке губернатора Фанг Луна. Но вскоре солнечные зайчики, прыгающие по бамбуковым стенам, нежные трели птиц и аромат цветов прогнали страхи. Конан довольно потянулся в гамаке, с удовольствием замечая, что раненая нога совсем не болит.

Растянувшись рядом с ним, Сария, еще не совсем проснувшись, пробормотала ему что-то нежное и ласковое. Из-под откинутого одеяла была видна почти половина ее прекрасного тела. Черные как смоль волосы разметались по подушке и свесились с края постели. Оценив взглядом красоту своей подруги, Конан положил руки под голову и прикрыл глаза, наслаждаясь утренним покоем.

Комната больше не выглядела только что построенной казармой. Сария украсила ее множеством самых разных живых растений, превратив помещение в уголок райского леса. Одни ветки, с клейкими листьями, служили для приманки и отлова надоедливых насекомых. Другие — с небольшими, но ароматными цветами — для того, чтобы освежать воздух. Колючий выон за окнами не позволял обезьянам пролезать в дом и воровать все подряд в отсутствие хозяев, а пучки пахучих трав, подвешенные к потолку, служили лекарством и добавкой к чаю. Передняя комната дома была уставлена мебелью и утварью, купленной Сарией на местном рынке на деньги, выплачиваемые Конану за службу. Талисман из кабаньего черепа по-прежнему украшал конек крыши, увитый лианами и гирляндами цветов.

Гамак под Конаном шевельнулся, и ласковая рука легла ему на грудь.

— Ты уже проснулся... и чувствуешь себя хорошо... — Вопросы Сарии звучали почти как утверждения, не допускающие отрицательного ответа.

— Да. Все отлично. Я думаю, что пора возвращаться на службу. Разумеется, я буду беречь себя и не забуду про свои раны.

Сария рассмеялась, лаская его:

— Ночью ты говорил совсем по-другому. Я боялась, что ты обрушишь дом...

— М-да? Ну что ж, значит, я и вправду иду на поправку...

Влюбленные снова обнялись в едином порыве ласки и нежности.

Соскочив с гамака, они обмотались белоснежными простынями и, выйдя на крыльце, обошли дом с разных сторон и двумя разными тропинками направились в лес. Они встретились у прозрачного ручейка, на котором Конан соорудил плотину, и теперь в их распоряжении был небольшой пруд глубиной по пояс. Конан и Сария искупались, обливаясь и брызгаясь прохладной водой. Возвращаясь домой, они обнаружили сидящую на веранде в тени под навесом темную фигуру.

— Юма! Сколько лет, сколько зим!

Опустив на пол принесенные с ручья бурдюки с водой, Конан подскочил к поднявшемуся другу и крепко обнял его.

— Ну, старик, как дела?

— Неплохо для человека, которому в дополнение к своим солдатам дали в подчинение еще и твоих головорезов!

Юма улыбнулся и, отступив на шаг назад, внимательно оглядел Конана с ног до головы.

— Чертовски рад видеть тебя таким живехоньким. Даже в этой бабьей одежке ты в десять раз больше похож на мужика, чем то создание, которое две недели назад приползло из джунглей и жалобно попросило пустить его в форт.

— Да, прогулочка была что надо. После всего, что я пережил в проклятом замке, я еще ко всему прочему так и не смог остановить проклятую скотину, которая приперлась к своему заброшенному храму, затерянному в джунглях. А оттуда слон тоже не собирался уходить ни за какие коврижки. Пришлось слезать с очаровательной зверюшки и отправляться в путь, не дожидаясь, пока она оплачет всех своих предков и поклонится своим забытым богам. Честно говоря, я и сам не понимаю, как нашел дорогу к форту. — Рассказывая, Конан снял с себя простыню, отжал ее и повесил сушиться.

Затем, накинув куртку, сел рядом с Юмой, удивленно покачавшим головой:

— Нет, подумать только! Найти тебя здесь после того, как мы обыскали все закоулки и свалки на побережье Сахиба и уже записали тебя в покойники. И все же я бы ни за что не поверил в твою историю про слона, если бы не видел собственными глазами, как однажды одно из этих животных уже спасло тебя.

— Ты еще сомневаешься? — раздался голос Сарии, поднявшейся на веранду из огорода с корзиной дынь и сладкого картофеля. — Пойми ты, дружба человека и слона основана на взаимном уважении. У этих животных есть свои обычай и даже что-то вроде религии. Несколько веков назад предки вендицийцев сами обожествляли слонов. Порой они помогают тем, кто уважает древнюю веру...

— Моя подружка разбирается в древних легендах и кое-чего смыслит во всяких сверхъестественных штучках, — сообщил Конан кушиту, занимаясь высеканием искры для того, чтобы развести огонь. — Если бы я не знал ее... так близко, я бы подумал, что она настоящая ведьма.

— Нужно было быть настоящей волшебницей, чтобы дважды выщарапать тебя из лап смерти, — заметил Юма, поглядывая на Сарию. — Даже твое дикое природное здоровье не помогло бы тебе самостоятельно очухаться.

Не отвечая на взгляды Юмы, Сария сказала, скрывая улыбку:

— Когда меня готовили стать жрицей Сигтоны, то учили не только заклинаниям и ритуалам, но и тому, как пользоваться лекарственными травами, чтобы помогать соплеменникам.

Присев на корточки, она прикрыла ладонями трут, на который падали высекаемые Конаном искры.

— Но все мои таланты и старания были бы напрасны, если бы не вы с Бабраком. Мне ни за что было бы не удержать этого богатыря во время его припадков.

Юма кивнул:

— Да, это было похуже, чем в прошлый раз. Даже связанного по рукам и ногам, этого парня было нелегко удержать, когда он собирался поставить на уши весь форту в поисках щепотки лотоса. Но отвары из твоих трав, Сария, оказывались незаменимыми и в таких случаях. Я сразу подумал, что, если Конан выживет да еще и избавится от пристрастия к дурманящему лотосу, — это будет лучшим доказательством твоих колдовских умений и талантов.

Конан, не прислушиваясь к разговору, внимательно осматривал окружающую местность. Неожиданно, не говоря ни слова, он встал и направился к ближайшему кусту перед крыльцом. Оттуда он вернулся, держа в руках небольшой, завернутый в несколько широких листьев пакетик.

— Это ты принес? — нахмурившись, спросил киммериец Юму.

— Нет. А что это? Наверное, Сария обронила. Что-нибудь из ее специй или лечебных травок.

Конан покачал головой и развернул сухие, похожие на бумагу листья. Понюхав щепотку порошка, оказавшегося внутри, он резко отдернул руку, швырнул сверток в разгоревшийся очаг и отскочил в сторону, чтобы не глотнуть поднявшегося белого дыма. Подождав еще немного для

верности, Конан сказал:

— Лотос. Подкинул какой-нибудь доброжелатель из подручных Фанг Луна. Я время от времени нахожу по соседству такие подарочки. Но всему свое время. Когда-нибудь я поймаю этого мерзавца.

Легкая тень пробежала по лицу киммерийца, но, встряхнувшись, он вскоре вновь улыбался Юме:

— А все-таки как здорово видеть тебя и снова чувствовать себя здоровым! Ну, рассказывай, какие новости в форте?

Юма помолчал, глядя, как Сария ловко чистит сладкий картофель, а затем сказал:

— Ты — главная новость, Конан. Но я не хотел тебе этого говорить, пока ты совсем не очухаешься. На тебя пришел вызов из Аграпура. — Взгляд Юмы не упустил момента, когда нож, застыв в воздухе, чуть не выпал из рук Сарии. — Это не в наказание, разумеется. И не насовсем, как мне сказали. В приказе излагают, что тебя собираются провозгласить героем и навесить тебе на тюрбан какую-то побрякушку при всем честном народе. Приказ подписан генералом Аболхассаном от имени самого короля.

— Объявить меня героем... сам Йилдиз?

Конан неподвижно посидел некоторое время, глядя куда-то вдаль, а затем разлегся на полу веранды, предварительно отвесив Юме дружеский шлепок по спине, от которого здоровенный чернокожий сержант согнулся, как тростинка.

— Герой, Кром их всех побери! Ну, теперь я им покажу! — Конан вскочил на ноги с такой легкостью, словно никаких ран на его теле отродясь не бывало. — Я выведу на чистую воду этого Фанг Луна! А шариф Джрафар будет вынужден слушать меня и применять верную тактику в бою! Да что там — я сам доберусь до должности и звания генерала!.. Хм, Аболхассан... где-то я уже слышал это имя... Хотя это не имеет значения... Сария, а ты, детка, будешь теперь жить на широкую ногу, одеваться в роскошные наряды и... вообще, сегодня самый счастливый день для нас обоих.

— День появления новой опасности, — бросил Юма и под удивленными взглядами влюбленных встал с пола с самым мрачным видом. — На мой взгляд, Конан, трудно себе представить более страшное для тебя событие. Ты засветился, а нет ничего опаснее, чем быть на виду. Уверяю тебя, дружище, безопаснее стоять во главе легковооруженной фаланги против целого легиона арбалетчиков, кавалерии и толпы огнедышащих слонов. Умоляю тебя, если уж ты попал в такой переплет, то постараись быть предельно осторожным. Если, конечно, такое понятие, как осторожность, вообще укладывается в твою тупую северную башку, как любит говорить наш уважаемый шариф.

— Юма, к чему такие страхи! Да кому я нужен, кому я помешаю так сильно, что мне нужно будет опасаться мести?

— Да хотя бы тем, кого ты сам только что назвал. Тот же Джрафар, Фанг Лун, красноповязочники... Да еще дюжина-другая людей, которым ты встал поперек дороги. А скольким еще ты мерещишься соперником, сам того не желая... Однако всем им придется поторопиться разделаться с тобой, пока ты не обратишь свой облеченный новой властью гнев на них самих.

Юма облокотился на перила и помолчал.

— А хуже всего, что ты должен будешь один, без друзей отправиться в далекий нелегкий путь, да еще и в змеиное логово — в Аграпур. К тому же придется оставить Сарию здесь...

— Нет, она поедет со мной. Правда, любимая? — Конан схватил девушку за плечи и с удивлением посмотрел в ее полные печали глаза.

— Конан, дорогой. Для тебя это прекрасная возможность показать себя, сделать карьеру.

Может оказаться, что в какой-то момент я буду тебе там мешать. К тому же здесь у меня столько дел: и больные жители деревни, которых надо лечить, и твои раненые товарищи, за которыми надо ухаживать, да и мало ли что еще...

— Понятно, — вздохнул Конан, — еще и детишки, которых ты обучаешь грамоте и всяkim своим премудростям.

— Да, и их я не могу бросить, недоучив...

— Пока они сами не начнут поучать взрослых! Нет, ребята, вы двое — настоящие мастера превращать праздник в траур.

Конан посмотрел на Юму, но тот был слишком поглощен своими мыслями, чтобы обращать внимание на упреки друга.

— Сария, скажи, разве ты будешь чувствовать себя в безопасности здесь без меня?

Поцеловав киммерийца в плечо, Сария вновь занялась приготовлением завтрака. Не глядя на него, она сказала:

— Конечно. Я буду жить здесь. В деревне меня все любят. В форте тоже хорошо относятся. Если нужно, мне всегда помогут, а случись что — защитят от опасности. Да в последнее время мятежники здесь и не появляются.

— Ага, — согласился Конан, — как и мои недруги. Но будь осторожна, девочка. Старый шаман Моджурна однажды уже хотел убить тебя. Юма и Бабрак защитят тебя, если я поеду в столицу один. А кстати, где Бабрак? Что-то давненько я его не видел! — Конан попытался перевести разговор на более веселую тему. — Он так и молчит по поводу своих приключений в ту ночь?

— Точно. Заветы Тарима запрещают ему хвастаться своими победами на личном фронте, — расплылся в улыбке Юма, — но вид у него до сих пор словно у лисы, вылезающей из курятника с перьями на морде. Видимо, та дамочка слов на ветер не бросала и объяснила ему, что к чему в этой жизни.

Разговор за завтраком продолжился в таком же легком тоне. Покончив с дыней и вареными сладкими клубнями, Юма растянулся на полу веранды. Он оставался здесь, чтобы охранять Сарию. Конан же перепоясал тунику перевязью с ятаганом и направился в форт.

Он специально пошел через главные ворота — самым многолюдным путем. Предупрежденный Юмой, он ловил на себе множество взглядов, иногда дружеских (кое-кто из сослуживцев даже останавливал его, чтобы поздравить), но в основном удивленных, а то и полных, определенно, более неприязненных чувств. Проходя мимо солдатских палаток, он услышал, как кое-кто уже заключал пари — прикончат северянина или нет.

Завернув за угол здания штаба, Конан поприветствовал часовых у входа, вошел во двор и, шагнув в тень под пальмовыми листьями, остановился в ожидании. Вскоре послышался хлопок в ладоши: капитан Мурад вызывал своего сержанта. Войдя внутрь, Конан увидел, что и шариф Джрафар тоже был там; сидя в глубоком кресле, он подставлял денщику для чистки свои кавалерийские сапоги.

— Сержант Конан прибыл для прохождения службы, господин капитан. Готов к выполнению любого приказа, господин капитан! — Отчеканив положенный по уставу рапорт, киммериец замолчал, мысленно попросив бога всех лжецов и дураков, чтобы их верный последователь — шариф Джрафар — не раскрывал рот.

— Отлично, сержант. — Голос капитана был, как всегда, тверд и властен. — Есть одно дело, которое можете выполнить, полагаю, только вы. Немедленно принимайте командование выделенным вам отрядом. Выступаете в полдень.

Комок застрял в горле Конана, но, прокашлявшись, он сказал:

— Так... так срочно? Капитан, Аграпур ведь очень далеко, я хотел бы приготовиться...

— Аграпур? — издевательски переспросил из угла комнаты шариф. — Нет, друг мой, до этого приказа дело еще не дошло. Когда он вступит в силу, я с превеликим удовольствием сопровожу вас в столицу лично. А пока что потрудитесь выполнить обычное боевое задание капитана.

— Итак, сержант, — начал капитан Мурад, раскладывая на столе карту так, чтобы Конан мог ее видеть, — наша разведка сообщила о большом вражеском лагере у подножия холмов Дурба. Вот здесь! — Капитан преувеличенно сосредоточенно водил пальцем по карте, явно избегая встречаться глазами с киммерийцем. — Приказываю провести разведку боем. Вы возглавите пробный штурм силами двух рот тяжелой пехоты! Это все. Приказ ясен? — Не дожидаясь ответа, капитан Мурад вышел из штаба.

— Все понял, варвар? — Торжествующий смех тарифа Джрафа словно ножом полоснул по ушам Конана. — Вот тебе и шанс честно заслужить звание героя! А то ты, наверное, думал, что это все игрушки. Нет, братец, быть героем — дело почетное, но заслужить эту честь — ой как непросто!

ГЛАВА 13. САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ПРИКАЗ

Бой медленно смещался вдоль подножия скальной гряды, словно кроваво-пенные волны разбивались поочередно о каменные монолиты и о стену из сомкнутых щитов. Над зеленым морем, полным криков и стонов, словно чайки, со свистом носились во всех направлениях стрелы.

— Держать строй! Эй, боец, живо сюда. Заткнуть дыру в строю! Главное, держать строй, ребята! Любой ценой! И — вперед!

Громоподобным голосом Конан раздавал воинам приказы. На этот раз одно из распоряжений оказалось лишним. Не успев сделать шаг вперед, чтобы сомкнуть строй, солдат со стоном рухнул на землю — в не прикрытое доспехами колено вонзилась стрела. Сержант-киммериец только выругался. Стрелки-мятежники приноровились вести бой с тяжелой пехотой, посылая стрелы либо в ноги, либо поверх строя в центр фаланги. Конан понимал, что, если его отряд не выберется на господствующую высоту, многим из его солдат несдобровать.

Киммериец сам шагнул в образовавшуюся брешь в строю, даже не успев нагнуться, чтобы поднять щит упавшего бойца. Ему пришлось отбивать наконечник копья, нацеленного в глубь фаланги. Еще один удар ятагана — и копье вместе с рукой, сжимавшей его, полетело на землю. Следующим взмахом клинка Конан расположил лицо другого хвонга, размахивавшего бронзовым ножом в опасной близости от киммерийца. В следующий миг перед сержантом сомкнулись щиты его солдат: кто-то из заднего ряда закрыл брешь в строю, восстановив правильный квадрат фаланги.

— Продолжать движение! — крикнул Конан. — Не останавливаться. Впереди какие-то развалины. Закрепившись там, мы сможем отбивать штурм этих обезьян хоть до второго рождения Сэта! Вперед, ребята, держим строй!

Гибкость была преимуществом движущегося строя. Даже огибая деревья и проринаясь сквозь кусты, фаланга сохраняла прочность своих рядов. Другим преимуществом движения было то, что неприятельские лучники не успевали пристреляться и вынуждены были тратить время на перебежки, а не на стрельбу. Но у движения был и один страшный недостаток. Приходилось тащить на себе раненых, тратя последние силы, или оставлять их, обрекая на жестокую расправу.

— Конан, где же подкрепление? — раздался голос Бабрака, отвечавшего за задний ряд дерущейся в окружении фаланги. — Если мы слишком далеко заберемся в джунгли, ты уверен, что они нас найдут?

— Подкрепление? Пара сотен вендиjsких стражников? — негромко, чтобы другие солдаты не услышали тревожных слов, переспросил киммериец. — Какие там подкрепления! Даже если наш посыльный добрался до этих слонятев, я сомневаюсь, что они бросятся нам на помощь. Тот, кто приписал нам такой сомнительный и ненадежный резерв, был не меньшим дураком, чем тот, который раз в сто приуменьшил предполагаемую цифру наших противников... Нет, Бабрак, если мы и выживем, то только благодаря нашей силе и дисциплине. А уж потом у нас будет о чем поговорить кое с кем из командиров. — Неожиданно голос Конана громоподобным ревом прокатился над джунглями, перекрывая грохот боя и стоны раненых. — Вперед, туранцы! Смелее! Каждый из вас стоит дюжины этих вонючих дикарей!

Стройный боевой клич был ему ответом. И действительно, хорошо обученный, защищенный доспехами и сражающийся плечом к плечу с товарищами туранский боец мог противостоять десятку нападающих мятежников, а то и поболее. Но любой мало-мальски опытный солдат знал, что стоит их строю на миг разомкнуться, как в прорыв хлынет толпа хвонгских воинов. Продвижение фаланги превратится в беспорядочное отступление. Доспехи сделают солдат

неповоротливыми, превратив их в легкую добычу противника. Поэтому туранцы, держа строй, медленно, шаг за шагом продвигались к разрыву в скалах, за которым виднелись остатки каких-то стен и крыши временных шатров лагеря мятежников. Град стрел ударялся о шлемы, доспехи и щиты пехоты, атаки хонгов словно волны разбивались одна за другой об эту живую стену.

— Смотри, это похоже на развалины древнего города, — раздался над ухом киммерийца голос Бабрака, — смотри — от стены остался лишь поросший травой длинный холмик. Хвала Тариму, что дикии не сообразили наладить здесь оборону, превратив руины во вполне сносную крепость... Стой-ка, а кто это маячит там, на верхушке разрушенной башни?

Конан проследил направление взгляда Бабрака и увидел силуэт человека в длинном цветастом плаще, стоявшего на полуобрушившейся смотровой площадке башни. Опираясь на длинный посох, мерцающая сфера на верхнем конце которого показалась киммерийцу знакомой, человек, походящий на глубокого старика, обозревал поле битвы, не обращая внимание на просьбы двух своих воинов, чьи головы тоже мелькали за зубцами башни, не рисковать и пригнуться. Высматрев все, что ему было нужно, старик направился к лестнице.

— Моджурна! Так вот где прятался этот дьявол! — Конан от волнения так сжал плечо Бабрака, что тот вскрикнул от нешуточной боли.

— Это он, собственной персоной, Верховный Шаман и вдохновитель восстания хонгов! Я однажды уже видел его. Все! Нужно немедленно штурмовать их лагерь!

— Как прикажете, сержант. — Достаточно выдержаный, чтобы не показать страха, Бабрак все же позволил себе высказать свое мнение. — Дело твое, Конан, но мы рискуем, если разорвем строй перед численно превосходящим противником.

— И здорово рискуем, приятель, — согласился Конан. — Но учти, что на чашу весов положена возможность покончить с этой войной одним ударом! Решено. Лучшие бойцы пойдут в прорыв. Ты, Бабрак, встанешь слева от меня.

Взмахнув окровавленным ятаганом, Конан вновь привлек внимание солдат диким ревом, а затем крикнул:

— Туранцы! Внимание, перестраиваемся в клин! За мной, на штурм лагеря! И годовое жалованье тому, что убьет этого мерзавца — Моджурну!

Слова киммерийца произвели сильное впечатление на его подчиненных. То ловя на себе опасливые взгляды, то слыша обрывки восторженных криков, великан-северянин встал во главе нового строя.

— Убейте Моджурну, ребята! Не дайте ему уйти! За Тарима и Йилдиза — в атаку!..

Стремительная машина смерти пришла в движение. Сами джунгли, казалось, были готовы расступиться перед сверкающими, разящими клинками и сносящими все на своем пути щитами. Словно тяжелая галера, разогнавшись, неслась по волнам зеленого моря. Из глоток солдат вырвалась боевая песня. Ее слова были древнее, чем заветы Тарима, чем сам Туран. Из глубины веков, из мрака первобытных пещер неслись эти слова, древние и вечные, как сама война. Подчиняясь ритму песни, колонна туранской пехоты набирала скорость и неслась к своей цели. Вот уже противостоящие толпы мятежников не выдержали этого натиска и, расступившись, стали отходить, а вскоре и побежали. Конечно, легковооруженные хонги двигались быстрее клина туранцев, но сейчас никто и не собирался преследовать их по одному. Главным преимуществом на этот момент стало то, что хонгские лучники перестали осыпать туранцев стрелами.

Конан сражался, словно разъренный демон. С невероятной частотой сыпались удары его клинка, разящего не защищенные доспехами тела противников. Конан понимал, что не имеет права задержаться ни на мгновение, чтобы не сбить с ритма весь строй.

Многие мятежники, еще вчера мирные селяне, не успели сообразить, что происходит, и

отступить с пути чудовищной машины смерти. Подпираемые сзади другими, подчас тревожно поглядывающими через их плечи соплеменниками, они умирали, даже ни разу не подняв оружие в сторону Конана и его закованных в броню товарищей.

Другие же повстанцы, в основном охотники-хонги, вели себя совершенно иначе. Еще перед боем они нажевались лотоса, чтобы сделать свое тело нечувствительным к боли. Их кривые ножи, сверкающие в воздухе, были постоянными спутниками их жизни. Хонги даже привязывали свои клинки к запястьям, не расставаясь с ними и во сне. Эти воины были готовы к смерти и к тому, чтобы дорого продать свою жизнь. Руки и ноги многих из них были крепко перетянуты тонкими веревками. Надеваемые непосредственно перед боем, они служили чем-то вроде заранее наложенного жгута, позволяя хонгам продолжать сражаться даже тогда, когда другой человек давно рухнул бы от тяжести ран и потери крови.

Встречаясь с таким противником, Конан был вынужден сделать два, а то и три удара своим ятаганом или сверкающим в его левой руке длинным, отточенным как бритва кинжалом. Раненые, искалеченные хонги валялись на землю под ноги туранцам, но даже оттуда пытались достать их клинком или хотя бы зубами, отказываясь признавать свое поражение.

Яростный написк Конана был достойно поддержан его товарищами. Никогда раньше Бабрак не орудовал копьем с такой силой и упорством, как в этом бою. Остальные туранцы тоже храбро держали строй, стараясь достойно поддержать атаку командира. Но все же не все могли выдержать такую нагрузку долго. Мало-помалу туранский клин стал растягиваться, становясь похожим на копье. Время от времени то один, то другой пехотинец выпадал из строя на флангах и оказывался в неравном бою со множеством наседающих противников. Стоило такому солдату оторваться от своих хоть на несколько шагов — и его скорая смерть становилась неминуемой. И таких несчастных, не выдержавших темпа атаки и павших под градом вражеских ударов, становилось все больше.

И все же строй по инерции ворвался в лагерь. Последняя шеренга защитников была разорвана окровавленным острием живого клина.

— Перекрыть все ворота! — раздалась команда Конана. — Обыскать развалины и шатры! Моджурна стар и слаб. Он не мог уйти далеко!

Задыхаясь, рискованно опустив оружие, чтобы дать отдохнуть мышцам плеч, Конан и Бабрак продолжали бок о бок преследовать защитников лагеря, мало кто из которых был в настроении сопротивляться им. Хонти врассыпную бросались из-за камней, на которые с тяжелым хрипом вспрыгнули киммериец и его туранский товарищ.

— Конан... а как же колдовство Моджурны? — задыхаясь, спросил Бабрак. — Он не может каким-нибудь заклинанием изменить ход боя?

— Не думаю, — буркнул Конан, вспарывая мечом холст одного из шатров, в котором оказались лишь пустые солдатские постели из одеял. — В прошлый раз он запустил в моих ребят дюжину огненных шаров, когда мы чуть не загнали его в угол, но я не думаю, что он может что-нибудь сделать в настоящем бою. Говорят, что его основные силы направлены на то, чтобы противостоять туранским колдунам, жрецам Тарима.

— А можно ли вообще убить такого дьявола обычным клинком?

Бабрак, с трудом поспевая за Конаном, выскочил вслед за ним из-за груды камней и оказался в узком каньоне, бывшем, видимо, некогда одной из центральных городских улиц.

— Скоро узнаем. Смотри!

Он показал кинжалом в дальний конец каньона. Там несколько хонгов спешно собирали кое-какие продукты в заплечные корзины, а за ними двое мятежников держали носилки. Вместо одной из жердей носилок был использован уже знакомый Конану посох с черепом на конце. На носилках виднелась закутанная в цветастый плащ человеческая фигура.

— Нет, не уйдешь! — прошептал Конан и, забыв про усталость, бросился вперед. — Это Моджурна! — с трудом выкрикнул киммериец, словно давясь колотящимся у самого горла сердцем.

За спиной Конан слышал шаги Бабрака, но крики остальных туранцев раздавались в стороне. А впереди узкое пространство между двумя грядами камней преградили несколько мятежников, появившихся из-за угла с твердым намерением прикрыть отступление старого колдуна.

Первый бросился вперед с копьем наперевес, но плохо прицелился и тотчас же поплатился за это. Ятаган Конана сначала отсек пальцы, сжимавшие древко, а вторым ударом перерезал противнику горло. Второй мятежник бросился на киммерийца, сжимая в каждой руке по длинному изогнутому ножу. Клинок Конана и тут оказался проворнее. Противник, с рассеченным лицом, залитым кровью, все же продолжил свой последний рывок, пробежав еще несколько шагов вслепую, прежде чем рухнуть на землю. Следом за ним оборону держали еще двое хонгов. Проскользнув между ними, Конан удостоил ударом в бок только одного, будучи уверененным, что Бабрак займется вторым.

Перескочив через какой-то завал, Конан оказался на узкой тропе, уходившей от города в джунгли. Теперь киммерийца от носилок отделяло лишь несколько шагов, да носильщики с корзинами преграждали путь. Расшивыряв бедняг по сторонам, Конан в два прыжка нагнал несущих носилки мятежников. Шедший вторым стражник положил свой конец носилок на землю и схватился за кинжал. Одного взмаха ятагана оказалось достаточно, чтобы телохранитель-неудачник как подкошенный упал на тропу. Еще один шаг — и Конан занес клинок над пассажиром носилок, который в ужасе смотрел на киммерийца, пытаясь закрыться от стального лезвия поднятой вверх рукой.

Этот жест и что-то непонятное во всей позе старика, в его взгляде заставили Конана застыть с занесенным над головой ятаганом. Он, словно окаменев, проводил взглядом скрывающиеся в джунглях волочащиеся носилки, с трудом влекомые единственным выбивающимся из сил хонгом. В мозгу киммерийца крутилась одна мысль: было ли увиденное им игрой его воображения или результатом колдовского воздействия... а может быть, все-таки... нет, вряд ли... не может быть... и все же...

Когда носилки с их пассажиром скрылись в густых зарослях, Конан развернулся, столкнувшись нос к носу с невооруженными носильщиками. Снова разбросав их в стороны, он бросился по тропе назад. Навстречу ему метнулся один из мятежников, тотчас же получивший удар ятаганом в горло. Такую рану не мог облегчить ни лотос, ни какой бы то ни было жгут. Перешагнув через еще бьющееся в агонии тело, Конан раздвинул последние ветки и увидел на опушке Бабрака.

Его друг лежал на тропе в центре беснующей толпы хонгов, вновь и вновь коловших и пинавших уже давно мертвое тело в луже крови. Со стороны руин к ним неслись несколько туранцев, опоздавших прийти на помощь товарищу. Пнув последний раз истерзанное тело Бабрака, хонги развернулись лицом к живым противникам.

Клинки Конана собрали в этой толпе богатую кровавую жатву. Но ничто: ни бесконечная резня, ни ярость, победившая усталость, ни даже боль от потери друга — не могло избавить Конана от буравившего его мозг вопроса. Было ли то, что он видел, колдовством, галлюцинацией, или же действительно грозный шаман Моджурна на самом деле — старая, слабая женщина?

Ночь кралась по джунглям, словно выслеживающая добычу пантеры. Редкие звуки разрывали тишину — негромкие приветствия или сдавленные ругательства, подчас — бряцание оружия.

Лишь лунный свет пробивался сквозь шапки деревьев, время от времени отражаясь от металлического шлема или пластин доспехов.

— Ребята, сюда!.. Я здесь, у ручья, — негромко позвал Конан и прислушался.

Не видя тех, кто шел за ним, он неслышно отошел на несколько шагов от того места, с которого говорил. Шаги тех, кто, откликнувшись на его зов, подошли к ручью, звучали успокаивающие. Это были тяжелые, грузные шаги уставшего турецкого солдата, нагруженного доспехами и оружием. Хвонги двигались иначе — совсем бесшумно, прикрывая от лунного света все металлические части своего снаряжения.

— Тихо, ребята! Держаться ближе друг к другу, и берегитесь хвонгов. Эти дьяволы смогут незаметно прокрасться в самую середину нашей группы. Вот здесь небольшая поляна...

Свист невидимого клинка, рассекшего воздух где-то на дальнем фланге их небольшого отряда, заставил киммерийца замолчать. Последовавший за этим стон дал понять, что удар был небесцелен. Вот только никто не мог сказать, кто стал жертвой — враг или один из своих.

Конан слушал, как оставшиеся в живых бойцы проклинают войну и начальство, пославшее их в этот рейд. Сколько их? Дюжины, может быть, два десятка... И это из двух рот, с которыми он вышел из форта. Значит, больше двух сотен погибших — и все ради чего? Двести с лишним страшных смертей, похожих на смерть Бабрака. И сам он, как командир, тоже несет часть ответственности за каждого погибшего солдата, пусть не перед начальством, но перед их товарищами — точно. Раздавшийся в кустах шорох вывел киммерийца из мучительных раздумий. Ладонь сама легла на рукоять ятагана.

— Стой! Кто идет?

Воцарилась тишина. Шорохи, раздавшиеся в кустах, могли быть случайными, а могли означать и завершение окружения маленького отряда хвонгами. Но через мгновение послышался голос, говоривший на чистом турецком, что немного успокоило солдат.

— Назовитесь! — все еще не верил в спасение Конан. — И побыстрее: за нами по пятам идут хвонги.

— Ребята, не перебейте своих, — раздался тот же голос. — Сержант, я тоже хочу удостовериться, что в ваш отряд не затесались в темноте мятежники. Выйдите на берег ручья, чтобы мы видели всех вас.

Эти перестраховки, с одной стороны, всегда бесили Конана, с другой — он понимал необходимость такой проверки. Его отряд был явно в меньшинстве, упорствовать дальше, требуя от командира другого подразделения представиться, было бы неразумно. Вместе со своими людьми киммериец шагнул на узкую полоску песка у берега ручья.

— А где остальные? Это все, кто уцелел? — приблизившийся голос оказался до боли знакомым. Капитан Мурад сам возглавил поисковый отряд.

— Конан, ваш резерв из местной стражи вернулся, и их командир поклялся, что не нашел вас. Я не поверил этим мерзавцам и отправился на поиски сам вместе с нашими солдатами. Мы нашли место боя, а затем по дороге уничтожили несколько мелких групп хвонгов. Что там было за побоище? Сколько трупов!

Конан, выслушав капитана, громко, чтобы слышали его люди, сказал:

— Нас просто предали. Кому-то из офицеров была нужна наша гибель. И кое-кто дорого заплатит за это!

— Кого вы имеете в виду, сержант Конан? — спросил капитан Мурад, вытирая о траву окровавленный ятаган. — Если тарифа Джадара, то учтите, что он всего лишь мелкая сошка, радостно исполняющая чужие приказы.

Конан, помогая раненому солдату перебраться через ручей, мрачно глянул на офицера:

— По правде говоря, я собирался начать с вас, капитан. И начал бы, если бы вы не пришли к

нам на помощь. И все-таки от вас было бы куда больше пользы, подоспей вы пораньше. Тем не менее спасибо и за помощь, и за предупреждение. Я учту ваши слова.

Мурад кивнул и сказал:

— В Вендии много зла. Слишком много, чтобы один человек мог исправить все...

— Да, капитан, — раздался голос того самого раненого солдата, которому Конан только что протянул руку, — но пообещай мне, сержант, что, добравшись до Аграпура, ты расскажешь им всем, что тут творится!

ГЛАВА 14. ПРЕДАТЕЛИ И ГЕРОИ

— Пропади она пропадом, вся туранская армия! — недовольно ворчал Конан, трясясь не жесткой скамейке в скрипучем фургоне. — С какой стати квартирмейстеры всучили нам эту развалину, которую тащат чуть живые лошади? Почему нас не посадили на слонов? Пара-тройка этих великанов, без ущерба для себя и с комфортом для нас, проделала бы путь, — пожалуй, не медленнее, чем эти клячи. Багаж бы они тоже унесли. — Киммериец обвел рукой вещи, лежавшие на дне фургона: карликовое дерево в кадке, несколько плетеных кресел и стульев, несколько корзин с экзотическими фруктами и поделками местных мастеров — в основном подарки королю и придворным.

— Эта страсть туранцев к лошадям, — продолжил свою мысль Конан, — в любом, даже самом неподходящем для бедных животных климате, граничит с манией. Что-то подобное я встречал только у кофитов по отношению к овцам.

— Да уж, — задумчиво протянул Юма, — первые легионы туранцев несли страшные потери в кавалерии. Прошло много лет, пока в эти медные головы туранских офицеров вкрадась первая мысль о том, что можно использовать и другие способы ведения войны. Наконец-то в штабах дали добро на то, чтобы нанимать местных погонщиков с их обученными слонами. Но избавиться от обузы в виде кавалерии — это уж для них слишком большое волевое усилие. Да ладно тебе переживать. Скажи спасибо, что тебе не подсунули верхового страуса, чтобы побыстрее добраться до Аграпура.

Рассмеявшись, друзья выглянули из фургона. Главная дорога из Венджипура на север извивалась, следя изгибам широкой реки, текшей навстречу с высоких гор, маячивших впереди на горизонте. Это был знаменитый Холдкийский хребет, который можно было миновать, только перебравшись через перевал Касмар.

За хребтом лежало высокое Туранское плато — исконно туранская территория. Путешественникам предстояло трястись в душном фургоне до холма, на котором возвышался форт Тармиш. Там они должны были пересесть на какое-нибудь речное судно, которое могучий поток Ильбарса донесет до самых причалов аграпурского порта, а то и до королевского причала.

Но пока что путешественники еще не пересекли границы Вендии. Дорога извивалась среди рисовых полей, залитых водой. Бесчисленные дамбы и запруды заставляли каждую каплю воды в дельте тысячи раз отработать на полях по пути к заливу. На каждом участке были видны несколько человеческих фигурок — селяне с женами и детьми обрабатывали посевы, стоя по колено в воде и согнувшись чуть не вдвое. Единственным прикрытием от солнца служили им широченные соломенные шляпы. Провожая взглядами скрипящий и дребезжащий армейский фургон, ни один селянин не поприветствовал путников, не выразил своего почтения поклоном... Они просто смотрели вслед фургону с немым неприятием чужаков в глазах.

— Хорошо, что скоро все это окажется позади. — Конан выглянул из-за плеча кучера-вендийца и наткнулся взглядом на сопровождавший фургон эскорта — пять всадников с самим тарифом Джрафаром на белом скакуне во главе.

— Далеко не каждый так называемый боевой офицер оказывается действительно готовым к настоящему бою с серьезным противником, будь то в строю или один на один, — издалека начал киммериец. — Ничего, скоро мы выедем из этой страны, где за каждым кустом сидит чей-нибудь шпион или просто добровольный доносчик, а там начнется пустынная глухая местность.

— Ты хочешь вызвать его... — начал Юма, но Конан оборвал его жестом, выразительно поглядев на кучера.

И хотя в начале поездки тот всячески извинялся, что, кроме родного, вендейского, он

понимает только несколько слов на ломаном, корявом наречии, используемом во всех туранских колониях, Конан не решался в его присутствии обсуждать с Юмой свои секреты на туранском, единственном общем для обоих приятелей языке. На всякий случай киммериец решил подстраховаться.

— Наш возница, — громко и четко продекламировал он, — не человек, а кусок слоновьего деръма, впрочем, изрядно подросший. Слон опорожнил желудок прямо в колыбельку. И мамаша, безусловно слабоумная, вырастила это деръмо, нянча его, как ребенка.

Кучер даже не обернулся, не пошевелил плечами. Ни один мускул его не дрогнул. Стало ясно, что по-турански он и вправду ни в зуб ногой.

— Значит, ты хочешь драться с тарифом? — Юма внимательно посмотрел на кавалерийский эскорт. — А как же его охрана?

— Да, я вызову его, как только мы скроемся из глаз непрошенных свидетелей. Когда он откажется, а ты сам понимаешь, что так и будет, я сообщу ему все свои обвинения и все равно убью его. Охранники — старые волки. Они понимают, что такое честная дуэль, и не станут вмешиваться. А если что, я оставлю их тебе.

— Премного благодарен за оказанное доверие. — Юма окинул взглядом пейзаж, становящийся все более диким, лишенным признаков человеческой деятельности. — А ты уверен, что именно Джадар дал тот убийственный приказ?

— Да. Он состряпал липовые донесения, действуя по наводке какого-то высшего чина — генерала Аболхассана. Капитан Мурад, конечно, поступил как продажный пес, но раньше он всегда был честным боевым офицером. И он ни за что не стал бы разбрасываться жизнями туранских солдат, выполняя чью-то прихоть. — Конан покачал головой. — Невероятно, но вся эта бойня была, оказывается, затеяна только для того, чтобы уничтожить меня, причем более-менее правдоподобно!

Юма кивнул, не выражив удивления:

— Помнишь, как я предупреждал тебя о том, насколько опасное дело — быть героем? Теперь сам видишь. Да, кстати, меня ведь отпустили с тобой совершенно неожиданно. Похоже, что и моя смерть кому-то понадобилась. Наверняка по дороге на нас готовят покушение.

— Да, и причем на обоих. Кто знает, может быть, Сария оказалась права, оставшись дома. Да, как не хватает Бабрака — или рядом, или там, в форте, защищающего твою спину или твоих близких.

Немного помолчав, отдавая дань уважения мертвым, Юма вернулся к разговору:

— Знаешь, что еще меня волнует в связи с этим подстроенным побоищем? Как ты думаешь, что делал этот проклятый Моджурна так близко к контролируемой нами территории? — Юма нахмурился. — Когда мы нашли его в тот раз, он спустился в далекий, заброшенный храм из еще более дальнего убежища в горах. И сделал он это ради какого-то ритуала, включавшего в себя, помимо прочих прелестей, еще и человеческие жертвоприношения. Так, спрашивается, чего ради он приперся почти под самые стены форта Шинандар? Что он на этот раз затеял?

Конан задумчиво произнес:

— Юма. Я должен тебе сказать... Я кое-что узнал о Моджурне... понимаешь, я не уверен, но... тогда я именно так подумал... В общем, я ведь не мог убить его, рука не поднялась... а сколько ребят из-за этого полегло...

— Да будет тебе, киммериец, — решительно успокоил его Юма. — Знаешь, скольких заколдованных волшебниками людей я видел в своей жизни. Иногда даже ничтожное заклятие не проходит месяцами. Так что ничего стыдного в этом нет... Подожди-ка, а это еще что за птицы?

С этими словами Юма ткнул пальцем в цепочку всадников, пробиравшихся, блестя

доспехами, по заболоченному полю к дороге. Их было семеро. Их доспехи были старыми железками местного производства, редко встречавшимися в стране, наводненной новейшим туранским оружием и снаряжением. Над передним всадником развивалось черно-желтое, под цвет тигриной шкуры, полосатое знамя вендиjsких мятежников. Лошади с трудом пробирались по болотистой почве.

Вскоре группа разделилась. Три всадника остались стоять поперек дороги, а четверо веером направились к фургону.

— Пусть Тарим сделает меня евнухом, если это мятежники, — сказал Конан, вынимая ятаган из ножен. — Я еще не видел ни одного из них, кто мог бы себе позволить роскошь носить доспехи. А уж о том, чтобы сесть верхом на лошадь, и речи быть не может. Ты только посмотри, как грамотно они организовали нападение. Неужели из-за этого деревца в горшке? Ну-ка, приятель, — перейдя на колониальное наречие, обратился Конан к вознице, — не гони своих кляч. Разверни фургон поперек дороги, чтобы преградить им путь. Отлично. А теперь береги свою башку!

Кучер не заставил себя долго упрашивать и, юркнув в фургон, забился под одну из лавок.

Нападающие через несколько мгновений доскаакали до фургона, где Конан и Юма встретили их — один с ятаганом, а другой — с большим топором на длинной ручке. Послышались столь привычные друзьям звуки боя: цокот копыт, воинственные крики, звон оружия, лошадиный храп...

Всадники, широко рассыпавшись по дороге, вступили в бой и тотчас же поняли, что высота и твердость крыши фургона дает защищающимся большое преимущество. Первый всадник был выбит из седла смертельным ударом топора Юмы, второго обработал ятаганом киммериец. Один из нападавших попытался перескочить на крышу фургона, но был сброшен на землю двумя одновременными и одинаково сильными пинками. Тем временем командир нападавших, сначала остававшийся в стороне от боя, перегруппировал своих людей для нового нападения.

Но вторая атака прошла еще хуже, чем первая. В итоге один всадник остался лежать на земле неподвижно, второй корчился от боли около колес. А третий, ввязавшись в поединок с Юмой, отделялся пока тем, что подставил под удар своего коня. А командир неудачно проскочил мимо фургона, не попав копьем в верткого киммерийца.

Конан не стал дожидаться второго захода копьеносца и спрыгнул с крыши фургона в седло одной из оставшихся без всадника лошадей.

Он почувствовал, как животное вздрогнуло, просело под его немалым весом, а затем взвилось на дыбы, собираясь сбросить непрошеного ездока. Но резко дернутые поводья и воткнувшиеся в ребра животного пятки сапог Конана успокоили норовистого скакуна, неохотно уступившего незнакомцу право командовать собою.

— Юма! Я узнал того, с флагом! — крикнул Конан своему другу, все еще занятому поединком с человеком на истекающей кровью лошади. — Я хочу поговорить с ним кое о чем, а ты пока закончи тут.

Чернокожему сержанту было не до ответа. Его противник оказался большим мастером боя на топорах. От возницы ждать помощи было бесполезно, но Конан не мог себе позволить упустить человека, на древке копья которого развевалось вендиjsкое знамя. Сильно скжав коленями и пятками бока своего скакуна, он галопом понесся навстречу противнику.

Всадники сошлись лицом к лицу посреди заболоченного поля. Комья грязи летели из-под копыт. Кони отчаянно ржали, а их седоки обменивались жестокими ударами. Неожиданно копье со знаменем на древке полетело в грязь, выбитое умелым движением ятагана. Оставшись безоружным, всадник в доспехах развернул коня и по широкой дуге поскакал к джунглям. Второй участник поединка, чье тело не было прикрыто броней, не замедлил броситься в

погоню.

Оставшиеся трое из семи всадников не смогли броситься к своему командиру на помощь, потому что их отделяла от него пятерка кавалеристов под командой шарифа Джафара. Подчиняясь распоряжениям шарифа, туранцы затянули противников в какой-то странный, отработанный на плацах картиный бой, выглядевший дешевым спектаклем на поле, покрытом по колено жидкой грязью.

Пригнувшись к шее своего скакуна, Конан все время отплевывался и протирал глаза — так много грязи летело в лицо. Медленно, но верно киммериец настигал неприятеля. Оставался лишь один вопрос: будет ли он сам или его конь видеть хоть что-то, когда вплотную приблизится к фонтану брызг и грязи, бьющему из-под копыт вражеской лошади.

Всадники почти поравнялись к тому моменту, когда, влетев в стену джунглей, оба были вынуждены сбавить скорость. Подгоняемый страхом, закованный в доспехи воин в какую-то секунду потерял бдительность и с размаху налетел на толстый сук, ударившись о него грудью и сорвавшись со спины лошади. Раздался короткий крик и тяжелый удар о землю.

Конан с трудом остановил своего разгоряченного коня в дюжине шагов от упавшего противника и соскочил на землю.

Человек ворочался, с трудом приходя в себя после удара. Его шлем отлетел при падении. Открылось лицо с разбитым и кровоточащим носом. Подойдя поближе к лежащему, который тщетно пытался нашарить рукой меч, сорвавшийся с пояса вместе с ножами, киммериец понял, что не ошибся: на него глядели уже знакомые ему узкие, раскосые глаза выходца из Кхитая.

— Ну, губернатор, я знал, что нам еще суждено встретиться. — Занеся над головой меч, Конан продолжал: — Я был бы рад предложить тебе поединок, но, к сожалению, на формальности нет времени. Так что прими мои извинения!

Клинок сверкнул в воздухе и с силой вонзился в перекошенное от ужаса лицо Фанг Луна, проткнув голову насеквоздь и войдя еще на пядь в землю под затылком.

Не дожидаясь окончания агонии, Конан вернулся к своему коню и поправил седло. Вдруг за деревьям послышался цокот копыт. Вскочив в седло, киммериец двинулся навстречу приближающемуся всаднику. Им оказался взволнованный шариф.

— Ах, Конан... значит, вы остались живы... — Офицер заставил себя растянуть губы в улыбке, чтобы скрыть выражение недовольного удивления. — Лихо у вас все получилось. На чужом коне вступить в бой с противником в доспехах — для этого требуется недюжинная смелость.

Шариф не переставал обшаривать глазами окружающие заросли.

— А где же сам командир мятежников? Ему удалось уйти, я так понимаю? Жаль, жаль, что преследованием не занялись более опытные наездники из моих подчиненных. Но они занялись другими членами этой банды. Жаль, даже допросить будет некого. Тарим! — воскликнул Джафар, наткнувшись наконец взглядом на лежащее на земле тело в доспехах.

— Нет, тариф ему не удалось уйти. — Незаметно вынув ятаган из ножен, Конан стал аккуратно приближаться к офицеру. — Я не думаю, что есть смысл представлять вам его, ибо вы вместе с ним спланировали эту ловушку, чтобы убить меня. Но это еще не самое страшное ваше преступление. Скольких солдат вы предали, загубив их жизни...

— Что вы имеете в виду, сержант? Мы ведь сражаемся по одну сторону...

Джафар, увидев обнаженный клинок в руках киммерийца, немедленно выхватил из ножен меч.

— Ты что, сдурел, варвар? — крикнул офицер. Но вместо того чтобы встретить противника лицом к лицу, стал разворачивать лошадь, собираясь броситься наутек.

Тяжело дышавшее от духоты животное не сразу сообразило, что от него требуется.

Воспользовавшись паузой, Конан настиг Джадара. Киммериец не стал бить в затянутую панцирем спину врага. Северянин всем телом бросился на тарифа. Упав на землю, они сцепились в отчаянной схватке.

Силы привыкшего к рукопашным Конана и изнеженного турецкого аристократа-кавалериста были явно неравны. Через несколько мгновений могучий варвар встал на ноги, держа в руках окровавленный кинжал Шарифа. Закинув кинжал подальше в кусты, Конан повернулся навстречу послышавшемуся стуку копыт еще одного коня, приближившегося к опушке, где только что он убил двух своих врагов.

Через несколько мгновений в заросли влетел Юма на взмыленной лошади. Мгновенно оценив обстановку, чернокожий сержант остановился над телом шарифа и скорбно произнес:

— Какой ужас! Наш всеми уважаемый шариф Джадар... убит в бою с мятежниками...

— Ага, — тяжело дыша, подтвердил Конан. — Но ты не беспокойся, я отомстил за его смерть. Там, за кустами, лежит труп командира мятежников. Это Фанг Лун, как я и предполагал. Но боюсь, что теперь вряд ли кто-нибудь сможет с уверенностью опознать его.

Киммериец вытер о траву свой ятаган и направился собирать по зарослям оставшихся без всадников лошадей.

Юма с трагическим выражением лица встретил троих оставшихся в живых всадников из эскорта. Они остановились, не веря своим глазам.

Резкий голос Юмы вывел их из оцепенения:

— Отличная работа, ребята. Ни один из напавших на нас мятежников не ушел живым. К сожалению, тариф Джадар трагически погиб. Его смерть вынуждает меня, как старшего по званию, принять на себя командование отрядом. Итак, нужно похоронить наших погибших товарищей, и — вперед, продолжаем наш путь в Аграпур!

ГЛАВА 15. ТРИУМФ

Могучий Ильбарс брал свое начало в Холджийских горах. Тающие ледники неприступных вершин и обрушающиеся на склоны ливни питали бесчисленное количество тоненьких прозрачных ручейков. Сбежав вниз и оросив склоны ущелей и межгорные долины, эти ручьи сливались в реки, к которым шли на водопой дикие звери и домашний скот. Студеную воду набирал во флягу горец со стальными глазами и закованый в броню воин из заброшенного на край земли гарнизона. Отзвенев бесчисленными водопадами и прорезав непроходимые леса, эти реки сливались в один могучий поток великого Ильбара.

В месте слияния крупных притоков земля была уже ровной и плодородной. Широкие долины плавно переходили в бескрайнюю степь. Извиваясь, неспешно текла по степи река, словно пульсирующая артерия в теле великого королевства. По этому водному пути двигались бесчисленные грузы, передвигались войска, переселялись целые племена. На берегах реки встали защищенные высокими стенами города — перекрестки водных и сухопутных караванных дорог — Самарра, Аkit и столица, неустанно бьющееся сердце королевства — Аграпур.

Множество самых разных судов плавало по огромной реке: небольшие юркие торговые шхуны, баркасы рыбаков, лодки и паромы перевозчиков, военные галеры. Даже огромные галеоны высоко поднимались под парусом вверх по течению от моря Вилайет. Пожалуй, наиболее странными плавучими сооружениями были огромные плоты-баржи, сделанные из длинных бревен, заготовленных в дремучих лесах вокруг Тармиша.

Эти левиафаны предназначались лишь для того, чтобы один раз проделать путь вниз по течению, а затем им суждено было быть разобранными на бревна в порту Аграпура. Одни шли на стропила зданий, другие вновь превращались в корабли в виде килей и шпангоутов.

Эти огромные плоты брали на свою широкую палубу невообразимое количество пассажиров и груза. Неповоротливые и неспешные, они заставляли уступать им дорогу любое другое судно. Желающих поживиться товаром на борту отпугивала лучше любой охраны сама команда, вооруженная ножами и длинными шестами, более годящимися как оружие, чем как средство управления плотом. Да и сами пассажиры обычно были готовы постоять за себя и свой багаж.

И вот на палубу одного из этих не самых престижных и комфортабельных средств перевозки поднялся неожиданный пассажир. Плот только что отошел от берега и выходил на главный фарватер, и пассажиры еще не успокоились, устраиваясь поудобнее на своих местах в ожидании долгого путешествия. Среди всей этой суэты выделялся чиновник королевской канцелярии, евнух, одетый в роскошный наряд. На его голове отражала солнечные лучи расшитая золотыми нитками шапочка. Надменный вид и брезгливое выражение лица евнуха вызвали немало неодобрительных комментариев других пассажиров, впрочем, быстро замолкавших под взглядом здоровенного детины — слуги, сопровождавшего чиновника и его багаж в нескольких тюках и объемистой корзине.

Евнух явно кого-то искал. Он внимательно разглядывал пассажиров, обходя палубу, время от времени задавая кое-кому вопросы и морща нос от стоявшей на плоту вони, которую не мог развеять даже свежий ветер. Наконец какой-то погонщик мулов, расположившийся рядом со своими животными, на вопрос евнуха ткнул пальцем в сторону кормового помоста. Там дюжина человек с огромными шестами и веслами, изо всех сил налегая на свои орудия, с трудом поворачивали огромное судно в нужном направлении.

Подойдя к помосту, евнух громко спросил:

— Эй, моряки! Есть ли среди вас человек по имени Конан, сержант королевского экспедиционного легиона?

Матросы встретили это высказывание фырканьем и веселыми улыбками. Некоторые даже сплюнули и чертыхнулись, потешаясь над неуместностью вопроса глупого евнуха. Но самый здоровенный из них, одетый в грязные, едва узнаваемые обноски форменной туники и измятый армейский тюрбан, передал весло отдыхавшему напарнику и спустился к чиновнику.

— Я Конан, прибыл из Вендии. А это мой брат по оружию, сержант Юма. — Киммериец махнул рукой в сторону сидевшего у борта чернокожего приятеля, приветливо помахавшего им рукой и привычным жестом поднесшего к губам горлышко огромной фляги с каким-то местным веселящим напитком. — А ты делегат дворцовой канцелярии? — поинтересовался Конан. — Направлен ко мне по приказу короля Йилдиза?

Моряки покатились со смеху, видя, как их новый приятель издевается над тупым евнухом. Но вскоре их смех сменился неподдельным удивлением и интересом. Не глядя на них, чиновник жестом приказал своему сопровождающему открыть корзину. Из нее был извлечен белоснежный почтовый голубь, к лапе которого евнух прицепил наспех написанную тут же записку. Отпущененная птица сделала круг над палубой, а затем четко взяла курс на далекий Аграпур. Покончив с письмом, чиновник обратился к одетому в лохмотья гребцу с почтением в голосе и с уважительным поклоном:

— Приветствую тебя. Мое имя — Семпрониус. Я — помощник секретаря дворцовой канцелярии. Мне сообщили, что ты путешествуешь на борту этого судна, но я никак не ожидал увидеть тебя... участвующим в управлении его движением.

Евнух был стройным молодым человеком с тонкими чертами лица. С головы до пят он был одет в тонкий дорогой шелк. С надменного лица не сходило презрение по отношению к плоту и всем находящимся на палубе. Закончив говорить, он поднес к носу кружевной платок, чтобы хоть немного ослабить мучившую его обоняние вонь от животных да и людей, находившихся на борту.

— Сначала мы собирались нанять более быстрое судно, как и предписывалось в ваших распоряжениях, но в таком виде никто не верил нам, что мы, доплыv до Аграпура, рассчитаемся и не свернем шею хозяину корабля. Пришлось выбирать менее быстрое судно, а тут понадобилось подсобить команде, чтобы отбить нападение разбойников, а уж потом пошлопоехало. Лишними две пары рук на веслах никогда не бывают.

Говоря это, Конан подошел к Юме и, рывком подняв его, поставил на ноги. Тот рыгнул и, весело помахав остальным гребцам, нетвердым шагом направился вслед за Конаном и Семпрониусом.

— Наш багаж и подарки королю находятся вон там, — продолжил Конан, показывая рукой на крышу небольшого хилого сарайчика в центре плота. — Там они будут по крайней мере сухими.

— Подарки? — заинтересовался Семпрониус. — Из Вендии? А нет ли у вас с собой чего-нибудь этакого... ну, немножко лотоса... или конопли?

— Нет, — отрезал киммериец, — мы везем дерево в кадке, несколько плетеных кресел и поделки вендинских умельцев.

— Да, да. — Семпрониус явно потерял интерес к багажу. — Ну, так моя задача — подготовить тебя к торжествам в городе и банкету во дворце, где тебя представят Его Величеству и придворным.

Замолчав, евнух внимательно оглядел Юму:

— Полагаю, все это касается и тебя. Вместе вы представляете собой внушительное зрелище. Но это при том условии, что ты прозреешь к тому времени, когда мы приплывем в Аграпур. Пожалуй, в вашей компании не хватает еще только истинного туранца, чтобы горожане были просто в восторге.

— Один туранский офицер отправился в поездку вместе с нами, — впервые вступил в

разговор Юма, говоривший на туранском с сильным акцентом пьяного чужеземца. — К несчастью, он погиб в стычке с мятежниками в первый же день дороги. Бедняга Джраф! — Юма чуть не пустил слезу.

— Сейчас это уже не важно, — пожал плечами Семпрониус. — От мертвых в нашем деле мало толку. Что, я вам должен парад трупов устраивать перед толпой? Даже если они и погибли геройски. Ничего, генерал Аболхассан назначит кого-нибудь из старших офицеров на эту роль, если сочтет нужным. А может и сам встать рядом с героями.

Бесцеремонно расталкивая пассажиров, наступая на сидящих и лежащих, Семпрониус провел киммерийца и его приятеля на более свободный от людей и груза нос плота.

— У нас будет много дел: прием во дворце, парад в городе, само награждение. А пока... — Евнух знаком подозвал к себе слугу и приказал распаковать один из тюков.

— Скажи, — поинтересовался Конан, — а нам покажут знаменитые, выложенные жемчугом королевские ванны? Я много слышал о них, как и о мастерстве массажисток, работающих там...

— Я думаю, ванна тебе понадобится значительно раньше. Когда вы помоетесь, мой слуга разотрет вас благовониями. — Семпрониус порылся в своем багаже и извлек на свет несколько хрустальных флаконов. — Пока мы находились по соседству со скотиной, это не было так заметно, но сейчас я должен вам честно сказать, сержант: от вас воняет.

— Воняет? От меня? — вскинул Конан. — Да не больше, чем от тебя — твоими духами и маслами. Если бы тебя занесло в джунгли с таким ароматом — хвонги бы за версту смогли учуять и высledить тебя! — Помахав перед лицом евнуха увесистым кулаком, киммериец добавил: — Я думаю, что если твой изящный нос основательно расплещь хорошим тумаком, то проблемы обоняния перестанут быть для тебя столь мучительными.

Глянув на Юму, Конан не обнаружил в глазах друга полного одобрения своей выходки. Киммерийцу пришлось разрядить ситуацию:

— Ну ладно, мыться так мыться! Только никаких благовоний! Я не баба!

Сорвав с себя жалкие остатки форменной куртки и изодранные брюки, он перешагнул через бортик и нырнул в воду, подняв фонтан брызг.

Конану не приходилось прикладывать усилий, чтобы держаться рядом с плотом. Течение несло человека с такой же скоростью, что и судно. Ныряя и отдуваясь, киммериец смывал с себя пыль долгого путешествия. Многие пассажиры весело наблюдали за купающимся, внимательно следя за зарослями вдоль берегов и время от времени выкрикивая предупреждения о появлении крокодилов, по счастью оказавшиеся ложными.

Вскоре и Юма последовал примеру приятеля. Прохладная вода не только смела грязь с его тела, но и выветрила излишние винные пары из головы. Друзья затянули возню, пытаясь в шутку утопить друг друга, чем привлекли внимание не только пассажиров, но и матросов с нескольких других лодок, проплывавших мимо. Добавил веселья Семпрониус, вылив на головы купающихся флакон какого-то масла, немедленно вспененного бурными плесканиями Конана и Юмы.

Их купание продолжалось довольно долго. Наконец оба приятеля вылезли из воды и устроились на носу плота, предоставив солнцу обсушить их тела. Семпрониус, порывшись в своих тюках, выдал им туники, сшитые по образцу форменных, но из тонкого серебристого шелка. Теперь эти роскошные одеяния резко контрастировали с всклокочеными шевелюрами и давно не бритыми щеками обоих сержантов. Чтобы спрятать их космы, Семпрониус выдал каждому по шикарному сиреневому тюрбану. Кроме того, оба были поочередно выбриты — с ролью цирюльника прекрасно справился молчаливый слуга евнуха.

Чисто выбритые, вымытые, могучие воины в новых одеяниях выглядели просто роскошно. Загорелые мощные тела и горящие взгляды придавали их облику некоторую аристократичность.

Остальные пассажиры — крестьяне и торговцы — с восторгом следили за всеми этими переменами, встречая радостными возгласами их результаты. Затем зрители вежливо удалились, когда из багажа чиновника были извлечены продукты и фляги с вином, чтобы вознаградить терпение обоих приятелей.

Великий Ильбарс все так же неспешно катил свои воды к столичному городу Аграпуру и дальше к морю. Пейзаж по обоим берегам приобретал все более цивилизованный вид. Мимо проплывали большие поселки, городки, длинные причалы далеко вдавались в реку... Семпрониус начал проявлять беспокойство:

— Где же лодка? Было бы плохим знаком, если моего голубя перехватил сокол. Толпа-то переживает задержку праздника. Но я не думаю, что Йилдиз отнесется к этому спокойно...

Наконец впереди по курсу показалось большое каноэ с позолоченным носом. Оно быстро неслось по водной глади, повинуясь великолепно слаженным усилиям восьми гребцов. Их движения подчинялись ритму, задаваемому тщедушным барабанщиком-рулевым, сидевшим на корме. Не успела лодка, повинуясь указаниям Семпрониуса, подплыть к борту плота, как евнух уже шагнул в нее, торопя за собой обоих воинов. Повернувшись к слуге, чиновник приказал:

— Опусти в лодку карликовое дерево. Сам останешься присматривать за остальным багажом!

Слуга, не говоря ни слова, повиновался.

Через мгновение каноэ уже уносило Конана и Юму прочь от провожавших их восторженными криками попутчиков. Помахав в ответ, друзья расселись на низеньких скамеечках на дне лодки, поставив в центре тяжелую кадку с подарочным деревом. Усилия гребцов, поддерживающие течение, быстро подвигали каноэ вперед.

Скорость становилась особенно заметна, когда на поворотах реки прибрежные заросли и домики крестьян проносились мимо на небольшом расстоянии. Пожалуй, подумал Конан, так быстро не смог бы скакать, да еще и столько времени, ни один боевой конь.

В основном каноэ держалось на середине реки. Гребцы без труда огибали неспешно плывущие неповоротливые корабли; мелкие лодки и сами заранее предпочитали отойти с пути следования каноэ с золоченой головой сокола на носу — знаком принадлежности к королевскому флоту.

Один раз Конан рискнул предложить ближайшему гребцу поменяться, чтобы дать тому передохнуть. Но гребец, не сказав ни слова, лишь взглядом выразил свое недовольство тем, что пассажир лезет не в свое дело. Так же отреагировали и остальные. Киммерийцу ничего не оставалось делать, как усесться на свое место и, потягивая пальмовое вино, еще одну флягу которого Семпрониус извлек из своего багажа, созерцать проносящийся мимо пейзаж.

Через поразительно недолгое время небо прямо по курсу окрасилось в медный цвет от дыма тысячи очагов. Вскоре по берегам стали появляться каменные дома, а затем и сама река оделась в каменные набережные. Небольшие островки украшали роскошные замки богачей, а на южном берегу раскинулось море жалких лачуг городской бедноты.

Вскоре Конан разглядел впереди городскую стену Аграпура. Ее сторожевые башни на равном расстоянии друг от друга пронзали дымное небо.

Однако гребцы, лихо управляясь с каноэ в плотном потоке судов, причалили к каменной пристани, не доплывая до стены. Разглядев склады и здания таможни, Конан понял, что каноэ прибыло в торговый порт. Это место, и в обычные дни достаточно оживленное, сегодня было особенно многолюдно. Больше всего здесь присутствовало солдат самых разных легионов. В первый момент Конан даже испугался, что Аграпур готовится к отражению осады. В следующий миг он уже понял, что такая мысль могла прийти в голову только под воздействием изрядного количества выпитого вина, — на портовой площади шли приготовления к параду.

— Дорогу! Пропустить! Прибыли герои! Семпрониус отдавал команды резким, привычным приказывать тоном, который странно сочетался с высоким мальчишеским голосом евнуха.

— Где, разрази вас гром, почетная колесница? Эй, офицер, кто здесь старший?.. А, вот и вы, генерал. Приветствую вас. Герои на месте. Можно начинать торжественное шествие.

Конана подвели к высокому офицеру в черном тюрбане, оглядевшему киммерийца без видимого интереса. Аболхассан — донеслось до слуха Конана названное кем-то имя его заклятого, но никогда не виденного врага. Поняв, кто перед ним, Конан успел лишь мельком рассмотреть генерала, направлявшегося к золоченой колеснице. Самого же киммерийца и Юму подвели к шикарному помосту с невысокими бортами, выложеному мягкими подушками. Сооружение было явно предназначено для того, чтобы сидеть в нем.

— Что это за штука? Плот? — спросил Конан, не обращаясь ни к кому в отдельности, пока его вежливо, но настойчиво заводили внутрь и усаживали на подушку. — А может быть, боевой помост? Но я никак не возьму в толк, как его взгромоздят на спину слону, не уронив нас.

Семпрониус, занятый исполнением столь важных для него обязанностей, не удостоил киммерийца ответом. Любопытство Конана было удовлетворено лишь когда к помосту подошли четыре пары рабов в шелковых рубахах. Отработанными движениями они вставили в крепления по бортам помоста четыре шеста — два вдоль и два поперек. Через мгновение помост без видимых усилий был поднят почти на высоту человеческого роста.

Конан не очень уютно чувствовал себя в положении, сходном с положением свиньи, которую несут на бойню. С другой стороны, он отметил про себя слаженность и отработанность движений носильщиков, превосходившие, пожалуй, даже мастерство гребцов на каноэ. Покачиваясь даже меньше, чем на спине слона, помост обогнул колонны пехоты и кавалерии и встал во главе процессии. Впереди возвышались распахнутые Восточные ворота, украшенные гирляндами цветов и разноцветными флагами.

Поставив паланкин на землю, рабы-носильщики неподвижно, словно дрессированные собаки, застыли рядом. Наконец впереди на стене раздался звук трубы. Из колонны ответила барабанная дробь. Парад начался.

— Не понимаю, к чему весь этот эскорта, — пробурчал Конан, повернувшись к Юме. — Ведь каноэ запросто могло подплыть прямо к причалу королевского дворца.

— Думаешь, все это затеяли ради нас? — Юма грустно улыбнулся. — Нет, пойми наконец, здесь ничего просто так не делается. Убивать врагов в дальних странах — это только одна сторона, с которой мы можем быть полезны королевству. Но сдается мне, что выпавшая на нашу долю главная миссия еще впереди.

В это время помост проходил под воротами. Конан внимательно разглядывал грозные бойницы и зубцы на стенах, острые зубья решетки и толстенные створки ворот. С башен трубили трубы, и на входящих в город летел не град стрел и камней и не водопад кипящей смолы, а лишь дождь нежных цветов.

Достигнув середины площади за воротами, процессия ненадолго остановилась. Седобородый старейшина города в золотом тюрбане ступил на помост, чтобы опустить на плечи героям цветочные гирлянды. Затем, к превеликому удивлению виновников торжества, к ним на помост вскарабкались две красивые пышнотелые девушки в свободно струящихся платьях, которые расположились позади них. Собравшаяся толпа, состоявшая в основном из тех, кто дожидался, когда снова откроются для свободного прохода ворота, одобрительно засвистела и заулююкала.

— Ну, красотки, вы — первая желанная награда усталым солдатам, — сообщил Конан, обнимая одну из девушек и прижимая ее к своему боку. Она же, в свою очередь, попыталась высвободиться, не переставая приветственно махать зрителям руками. Паланкин все так же

плавно двигался по улицам, и носильщики совсем не выглядели перегруженными. Улыбаясь, девушка мягко, но настойчиво убрала руку Конана со своего бедра.

— Господин, мы здесь не для этого. Мы только украшение вашего шествия, что-то вроде букетов. Пожалуйста, не помните мое платье.

— Ладно, девочка. Ты, главное, не беспокойся, — сказал киммериец, перекладывая руку девушке на плечо. — Кстати, если замерзнешь в своей прозрачной одежонке, — скажи, я найду чем укрыть тебя и согреть.

— Господин, только не здесь, — настаивала девушка. — Уберите руку с моего плеча, а если не знаете, куда ее деть, помашите горожанам в знак приветствия. А для развлечений у вас будет потом много времени и возможностей.

Юма встретил такой же решительный отпор со стороны второй девушки. Отвлекая внимание героев и переключая его на толпу, красотки не только оберегали себя, но и действительно украшали помост, потому что мрачные и недовольные Конан и Юма, наверное, и вправду представляли собой не очень праздничное зрелище.

Процессия продвигалась по широкой прямой улице, по обеим сторонам которой оставалось достаточно места для зрителей. Их же было на удивление мало: в основном придворные рабы и городские рабочие, выстроившиеся в две нестройные шеренги. Хотя, объективно говоря, такое зрелище было достойно привлечь внимание куда большего количества народа.

Возглавляла процессию шеренга ярко одетых герольдов, непрестанно дувших в трубы. За ними следовали четыре ряда барабанщиков. Их взмахивающие палочки взлетали высоко вверх и были видны Конану через головы других участников парада.

За музыкантами следовало полсотни пехотинцев — отборная гвардия, охраняющая короля. Вслед за ними катилась золоченая колесница, запряженная четверкой великолепных вороных рысаков, чья упряжь была украшена золотым орнаментом. Правил колесницей генерал Аболхассан, одетый в черную форму и золотые доспехи. Глядя ему в спину, Конан ощущал жгучую ревность. Генерал, несомненно, смотрелся более выигрышно, чем они с Юмой, восседающие, как какие-нибудь изнеженные вельможи, на носилках, одетые как попугай, без оружия, да еще и в компании двух девиц, не обращавших на них никакого внимания.

Но, с другой стороны, все могло бы повернуться гораздо хуже, подумал Конан, глядя на следующую за носилками череду пленников, закованных в кандалы. Генерал, видимо, решил, что весь этот балаган будет неполным без страшного аттракциона. Пленники демонстрировали публике исполосованные бичами спины и шли, сгибая плечи под тяжестью специально для этой цели затянутых ручных кандалов. В основном это были гирканийцы, захваченные в рейдах на северо-востоке, а не венджипурцы. Их даже не удосужились одеть как мятежников-хонгов, и для понимающего человека эти несчастные ничего общего не имели ни с Конаном, ни, скорее всего, с Аболхассаном. Но невежественные горожане не вникали в такие тонкости, им был нужен объект для поднятия чувства собственного превосходства. Глядя на пленных, конвоируемых несколькими всадниками, горожане швыряли в несчастных камни и всякую грязь, как это было заведено почти во всех городах и странах, где довелось побывать Конану.

Совсем другим было отношение зрителей к восседающим на помосте героям. То, что оба воина были явно чужеземцами, не смущало горожан. В Аграпуре — столице огромного королевства — жило множество людей из разных стран с самым разным цветом кожи. Конан чувствовал, что часть восторженных криков и аплодисментов относилась не к кривляющимся девицам, а выражала искренний восторг толпы по отношению к героям.

Прямо за носилками двигалась небольшая изящная тележка, запряженная одним осликом. На тележке стояло привезенное Конаном карликовое дерево в кадке. Пожалуй, это был единственный предмет во всей процессии, действительно связанный с Вендией, настоящая

частица кошмарных джунглей. Но для зрителей это редкое растение символизировало первую ласточку в нескончаемом потоке подарков и трофеев, который вот-вот, как их уверяли из дворца, должен был обрушиться на Туран, чтобы вознаградить граждан королевства за тяготы войны.

Дальше, за пленными, наступала очередь лихих наездников. Двигаясь то рысью, то каким-то танцующим шагом, их лошади совершали сложные перестроения прямо на ходу. Сами всадники лихо перепрыгивали с одного коня на другого и выделявали акробатические номера на спинах коней, свесившись с седел. Хотя все наездники были одеты в военные туники, от опытного глаза не ускользнула бы их стройность и хрупкость, не свойственная настоящим кавалеристам-воинам, как и некоторая мелковатость их скакунов. Но зрителям не было дела до этого, как и до того, что эти цирковые трюки имели мало общего с настоящим искусством боевой кавалерии. Балаганных джигитов толпа встречала особенно восторженно — громом аплодисментов и шквалом одобрительных выкриков.

За лихими циркачами шел эскадрон кавалеристов городского гарнизона. На их высоко поднятых копьях развевались разноцветные флаги и вымпелы, совершенно закрывающие от Конана остальных участников парада. Лишь доносившиеся оттуда далекая барабанная дробь и завывание труб говорили о том, что до конца процессии еще далеко. Шум сделал свое дело — чем дальше к центру города продвигался парад, тем больше народу стекалось посмотреть его. По краям улицы колыхалось море голов — в тюрбанах, фесках, некоторые — наголо бритые. Мелькали и женщины — некоторые в паранджах, но в основном одетые менее скромно. И конечно, повсюду сновали вездесущие почти голые мальчишки, для которых такое зрелище было настоящим праздником.

От внимательного взгляда Конана не ускользнуло то, что далеко не все зрители были едины в своем восторге. Конечно, кабацкие девицы искренне слали воздушные поцелуи героям и солдатам в колонне, завсегдатаи питейных заведений пьяно подбадривали проходящих воинов, подростки завороженно глядели на воинскую амуницию. Но не так уж редко попадались Конану и другие лица, не выражавшие праздничного настроения. Над толпой витало ощущение неприятия происходящего. Кое-кто нашептывал или одними губами посыпал проклятия офицерам и солдатам... А кое-кто, что тоже заметил внимательный киммериец, обратил такое стеченье народа себе на пользу. Кое-что понимавший в воровстве Конан заметил в толпе не одного орудующего карманника. Преступный мир огромного города жил своей жизнью.

Пройдя припортовый район кабачков и игорных заведений, парад вступил в более респектабельный квартал. Здесь среди толпы появились уже прослышавшие о возможности заработать торговцы вразнос. Они предлагали зрителям фрукты, воду и вино, а также более серьезную еду. Те платили, не скупясь, как и положено в праздник. Правда, в какой-то момент из столь щедро подкармливаемой толпы в Конана полетела вместо цветка или монеты основательная жареная рыба, упавшая на подушку у его ног. Так и не выяснив, являлось ли это знаком восхищения или неодобрения, киммериец съел свалившуюся с неба рыбку и нашел ее весьма недурной на вкус.

Ближе к храмовому кварталу толпа стала настолько большой, что грозила перекрыть улицу. Вперед были отправлены цепочки пехотинцев и всадников, которые должны были очистить путь. Аболхассан, отдавший этот приказ, ни на миг не задержал продвижения колонны. Поэтому, чтобы выполнить приказ, отправленные вперед солдаты стали теснить зрителей эффективно, но чересчур настойчиво, даже грубо.

То, что произошло потом, оказалось для Конана полной неожиданностью. Проплывая мимо открытых дверей храма Тарима, он увидел, как из них вышла группа людей — мужчин и женщин, одетых в траур, которые вознамерились всерьез перекрыть дорогу. Они, взявшись за руки, встали цепочкой прямо перед колесницей генерала Аболхассана и стали выкрикивать

хором: «Верните наших сыновей! Где наши дети?» Видимо, подумал Конан, это были родственники тех, кто погиб на этой войне, или те, чьи близкие продолжали воевать в Вендии.

Солдаты быстро сомкнули ряды, но не успели отсечь всех демонстрантов. Завязалась потасовка. Одетых в траур сбивали с ног ударами клинков в ножнах и тупых концов копий. В общей сумятице кое-кто из пленных гирканийцев попробовал бежать. С ними обходились более сурово. При всем этом процессия ни на секунду не нарушила равномерного движения. Носильщики с помостом на плечах двигались, словно автоматы. Чтобы не нарушить плавного движения паланкина, они безжалостно наступали на лежащие на их пути живые и мертвые тела.

После этого происшествия настроение зрителей резко изменилось. Слух о расправе легко обогнал движение колонны, и вот уже заготовленные для гирканийцев камни и черепки полетели в солдат, несмотря на то что тех, кто так поступал, хватали и лутили изо всех сил ножами. Странным образом недоброжелательная толпа приблизилась к строю солдат плотнее, чем восторженные зрители. Парад грозил превратиться в кровавую бойню, рейд по улицам города. Трубы уже трубили не праздничный марш, а тревогу, копья с флагами угрожающе наклонились...

Но самое непонятное случилось позже, безо всякого предупреждения. Парад продолжал продвигаться вперед. Уже были пройдены остатки старой городской стены, уже маячили впереди высоченные башни и минареты дворца... Вдруг Конан увидел, что Юма, схватив свою соседку, рухнул с нею на подушки, стараясь оказаться ниже уровня бортов помоста. Конан было подумал, что его приятеля подкосил внезапно нахлынувший порыв страсти. Но в следующий миг киммериец понял истинную причину столь странного поведения Юмы: в подушки и борта паланкина вонзались короткие оперенные стрелы. То, что это не шутка, Конан понял, когда один из носильщиков со стоном упал, пораженный в грудь. Не отдавая себе отчета в своих действиях, Конан схватил свою соседку за руки и, спрыгнув с помоста, стащил ее за собой. Увидев, что носильщики не прекращают размеренного движения даже для того, чтобы поднять своего раненого товарища, Конан забрался под помост и, не давая своей спутнице вырваться, так и последовал за колонной, прячась в тени паланкина и держа за руку девушку.

Они остановились, когда Аболхассан придержал свою колесницу, вынимая из пробитого борта экипажа угодившую туда стрелу. По приказу генерала цепь солдат побежала к одному из домов у подножия старой стены, где, по мнению Аболхассана, должны были находиться нападавшие. В это же время другие солдаты вытащили из толпы подходящих по комплекции мужчин, чтобы заменить выбывших из строя носильщиков. Пока девушка, жалуясь на боль в вывернутом плече, поправляла свое платье, Конан обернулся к паланкину, чтобы выяснить, жив ли его друг.

Юма все еще лежал, уткнувшись лицом в подушки. С виду с ним все было в порядке. Наконец он поднял к Конану улыбающееся лицо. Завозившись, из-под чернокожего героя вылезла его спутница, тоже невредимая, разве что слегка помятая и запыхавшаяся.

— Эх, неужели все кончилось? По мне, эта засада была самой замечательной частью всей нашей поездки, — довольно сообщил Юма.

— Юма, сейчас не до шуток, — негромко сказал Конан другу. — Смотри, этот умник Аболхассан отправил солдат в тот дом, уверяя, что стреляли оттуда. Да ты посмотри на то, как воткнулись стрелы! Любой дурак поймет, что они прилетели с другой стороны!

— Какая тебе разница, — отшутился Юма, внимательно осмотрев стрелы и оценив правоту слов киммерийца. — Все равно те, кто стрелял, уже далеко отсюда.

— Как знать. Посмотри на стрелы в бортах колесницы генерала. На них нет наконечников. А вот что предназначалось нам. — И Конан показал другу вынутую из одной из подушек стрелу с остро отточенным зазубренным металлическим треугольником на конце.

— Да неужели? — с притворным сомнением возразил Юма, а затем уже более серьезно добавил: — Ничего, братец, теперь ты лучше будешь понимать то, что я твердил тебе про нравы, царящие в столице, и про опасную долю героев.

С этими словами Юма обнял свою подружку. Вторая девушка, забравшись на помост, поглядывала на парочку с некоторой ревностью. Но Конан не стал залезать на помост, а пошел рядом, внимательно глядя вокруг. После происшествия Аболхассан увеличил скорость процессии. Солдаты едва успевали расчищать дорогу, хотя зрителей оставалось куда меньше, чем раньше. Люди недовольными, а зачастую и злобными взглядами провожали процессию, проходящую ворота, под защиту мощных стен дворца короля Йилдиза.

ГЛАВА 16. ПРИЕМ ВО ДВОРЦЕ

Из внутреннего дворика королевского дворца Конана и Юму проводили к охраняемым дверям самого огромного здания. Там их встретил Семпрониус, обогнавший парад и прибывший во дворец, видимо, по реке. Евнух провел друзей мимо безмолвных часовых и повел по длинному коридору с лепным потолком.

— Вас ожидает праздничный пир, — на ходу сообщил евнух. — Официальная церемония состоится завтра, когда вас примет сам король. А сегодня вам нужно просто показаться придворным, произвести впечатление. Мой вам совет — следите за манерами и языком. Ешьте и пейте, как все остальные, — и вас хорошо примут при дворе.

— Да уж я вообще не знаю, стану ли тут есть. Того и гляди, отравят, — огрызнулся Конан. — Тебе уже известно, чем закончился парад? Или ты это сам подстроил, а, Семпрониус?

— Нет, сержант. Не мели ерунды. Это было трагическое недоразумение! — Евнух замедлил шаг и доверительно сообщил: — Слухи о заговорах все время ходят по дворцу, но кто мог подумать, что эти мерзавцы зайдут так далеко! Его Величество уже не раз предупреждали, но он, по своему великодушию, решил не поднимать тревогу. Более того, завтрашняя церемония состоится по плану, несмотря на сегодняшнее происшествие. Это будет последним шансом заручиться общественной поддержкой Вендиjsкой кампании, не прибегая к строгим мерам. Так что постарайтесь сделать все от вас зависящее...

— Понятно, — прервал евнуха Конан, — а скажи-ка мне, не имеют ли эти заговорщики каких-нибудь общих дел с генералом Аболхассаном?

Семпрониус изменился в лице:

— Кто мог подкинуть вам эту мысль? Такие слухи давно ходят по дворцу, но и генерал, и старший евнух Эврантхус всегда с негодованием отмечают их. Верность генерала Аболхассана королю не подлежит сомнению.

— Ну разумеется! — усмехнулся Конан и продолжал давить на Семпрониуса: — А что, если я сам потолкую с генералом об этом напрямую? Он ведь будет сегодня на приеме?

Евнух почти бегом двинулся дальше по коридору, испуганно отвечая через плечо:

— Не советую, сержант. Генерал тотчас же бросится защищать свою честь, и, уверяю тебя, более опасного противника трудно найти. Поэтому не омрачайте вечер кровопролитием и неподчинением начальству.

Возле распахнутой двери, словно статуи, застыли два стражника в красных плащах. Семпрониус примолк. Они очутились в пищевом зале, полном придворной аристократии, — совершенно другой мир, не похожий на тот, что лежал за стенами дворца. Стоило троице появиться в зале, как в одном углу торжественно зазвучали трубы и седовласый евнух объявил имена Конана и Юмы. Семпрониус тотчас же исчез, поглощенный толпой придворных. Раздались первые восхищенные возгласы:

— Наконец-то! Вот они, герои! Какие они сильные! Какие мужественные лица!

— Совершенно верно! Скажите, вы оба родом из Вендии или из каких-то других диких стран?

— Нет, нет, тот, с белой кожей, — из Ванахейма. Я читал указ. Но, говорят, он понимает цивилизованный язык.

— Скажи, воин, скольких людей ты убил? Наверное, всех и не сосчитаешь. Ну хотя бы за последний год?

— Правда, расскажите! А детей и женщин вы тоже убиваете или только берете их в плен?

— Какие они дикие на вид! Теперь понятно, что такие варвары нужны, чтобы бороться с

другими дикарями.

Обидные и дурацкие вопросы сыпались как из мешка. К счастью, никто на самом деле не давал гостям и рта раскрыть.

Вскоре всеобщим вниманием завладел толстый мужчина, обратившийся к воинам с целой речью:

— Если вас правильно использовать, то можно найти вам применение не только на войне. Ребята, если вы устанете от резни в джунглях, приезжайте ко мне в замок — всего-то день пути отсюда: рабам на плантациях нужна твердая рука. Работа не пыльная, можно даже не знать их языка. Наш последний надсмотрщик вообще был глухонемым. Так что, когда закончится срок контракта, милости прошу в мои владения...

Эта тирада была встречена со всеобщим одобрением.

Находившиеся в толпе придворных женщины вели себя не столь назойливо, как мужчины, каждый из которых считал своим долгом что-то покровительственно сказать гостям и похлопать их по плечу. Многие смущенно отступали и прекращали свои фамильярности, наткнувшись на убийственный взгляд киммерийца. К его удивлению, Юма легче переносил такие штучки и, более того, умело переключил на себя внимание женщин.

Одна полная молодящаяся матronа, на тюрбан которой было потрачено куда больше шелка, чем на платье, усадила чернокожего сержанта на низкий диван и радостно защебетала:

— Ах, сержант Юма, как бы я хотела оказаться принцессой в городе, который штурмуют ваши войска! Вы выглядите таким мужественным и сильным! Признайтесь, вы ведь не всегда убиваете женщин, правда?

Конан, в свою очередь, попал в лапы к еще более цепкой худощавой придворной даме.

— Ах, как я завидую вам и вашим солдатам. Сколько путешествий по экзотическим странам! А какие приключения! Нам, женщинам, приходится довольствоваться домашними радостями.

Усадив Конана в мягкое кресло, она уселась рядом, схватив его шершавую руку обеими ладонями.

— Говорят, в Вендии есть редкие снадобья, приготовленные местными знахарями. Сержант Конан, а вы не привезли нам чего-нибудь такого... ну, эликсира лотоса, например, или еще каких-нибудь южных редкостей?

— Нет, — покачал головой киммериец, — эти так называемые снадобья похищают душу человека. Я испробовал их действие на себе и видел многих, кто сильно пристрастился к ним и уже не мог жить без этой отравы. Безумие пользоваться ими даже для того, чтобы унять боль в ране. Потому что, привыкнув, ты становишься рабом этой мерзости, а вскоре умрешь от почернения крови.

Откровенный рассказ Конана заставил женщину брезгливо выпустить его руку. Но в то же время она казалась абсолютно завороженной этой историей. Посмотрев прямо в глаза Конану несколько мгновений, она отвернулась и о чем-то шепталаась со своей подругой, стоявшей рядом и слушавшей раскрыв рот.

— Офицеры, — заявили женщины киммерийцу и Юме, — вы, должно быть, зверски голодны с дороги. Позвольте, мы принесем вам со стола по бокалу вина и кое-чего поесть. А потом вы продолжите ваши рассказы.

Стоило женщинам скрыться в толпе, как Конан, пересев к Юме, прошептал:

— Слушай, давай смоемся отсюда. Не могу я терпеть этот иезуитский допрос. Им шутки, а у меня голова пухнет.

Юма пожал плечами:

— Сиди спокойно и не очень хами — и я гарантирую, что подружка на ночь тебе

обеспечена. Я тебя уверяю, что в постели эти вежливые придворные дамочки будут более дикими и горячими, чем венджипурские кабацкие девки. Хотя, если ты дал клятву верности...

Конан не бы.» настроен шутить:

— Юма, как ты можешь так спокойно сидеть, зная, что нам в спину уже нацелены луки и кинжалы! Не ты ли предупреждал меня о необходимости бдительности во дворце?

— А разве я не предупреждал тебя, что жизнь героя коротка, но интересна? Выбора у нас нет. Так что сиди и не рыпайся! Наслаждайся жизнью! Делай то, чего от тебя ждут. Глядишь, и проживешь лишний день. Завтра у нас встреча с Йилдизом, а там видно будет.

— Сдается мне, что трон под королем весьма шаток. Как бы не потребовалось предупредить Йилдиза об измене, не дожидаясь утра, или даже самому вступить в бой.

Юма положил руку на плечо другу:

— Не придавай большого значения намекам и домыслам Семпрониуса. И кроме того, не вздумай намекать Йилдизу на то, что здесь творится. Тогда тебя никто не тронет. А иначе тебе конец.

— Спасибо за совет, приятель. — Стряхнув с плеча руку Юмы, Конан встал с дивана. — Если хочешь, забирай обеих дамочек. Уступаю тебе свою. Но умоляю, будь осторожен!

С этими словами киммериец растворился в толпе, не дожидаясь возвращения женщин.

Абхассана нигде не было видно. Значит, вызов на поединок по подозрению в измене, на который Конан уже почти решился, откладывался. Киммериец раз за разом оглядывал зал с высоты своего роста, встречая десятки взглядов — иногда презрительных, иногда восторженных, готовых на дальнейшее общение.

Кружка по огромному залу, Конан понял, что совершенно не умеет пробираться в толпе придворных. Он, способный без единого звука идти по ночным джунглям, не мог здесь и шагу ступить, чтобы не налететь на кого-нибудь из придворных, с тем чтобы затем выслушивать их подчас насмешливые извинения и извиняться самому. Обходя очередную группу шумно болтающих и оживленно жестикулирующих гостей, Конан нос к носу столкнулся с каким-то офицером, немедленно обратившимся к нему издевательским тоном:

— А, Конан, грома Вендии! Выслужился-таки. Я хотел бы перекинуться с тобой парой слов, приятель.

— Полегче, полегче. Кто ты?

Попятившись, Конан постарался освободить вокруг себя побольше места, чтобы, держа дистанцию, быть готовым к возможному удару кулаком или кинжалом невесть откуда взявшегося наглеца.

— Кто я? Капитан Омар, командир гвардейского эскадрона королевской стражи! Может быть, ты меня видел сегодня во главе тех, кто прикрывал тебя от... скажем так, восхищенных горожан.

Среднего роста мужчина в красной тунике улыбался в усы, привычно рассчитывая на победу в любом споре если не при помощи хорошо подвешенного языка, тогда — полагаясь на верный клинок.

— Давай поговорим как мужчина с мужчиной. И хотя я старше тебя и по званию, и по возрасту, пусть это не стоит между нами преградой.

— Согласен. Тем более что боевые армейские офицеры не обязаны подчиняться городской страже. — Конан стоял опустив руки, борясь с искушением схватиться за рукоять кинжала, единственного оружия, оставленного при нем перед парадом.

— Да я не об этом. — Омар помолчал, явно привлекая внимание глазеющей публики. — Я только хотел поздравить тебя с победой в бою у этого, ну, как его... Шинандера, вот! Я читал рапорт твоего начальства и должен признать, что ты вел себя действительно как настоящий

храбрец. Больше тысячи уничтоженных врагов, даже если учесть, что в донесении цифра преувеличена вдвое. Почти две роты погибших с нашей стороны. И все это ты затеял, только чтобы доказать свое геройство? А как же жизни твоих товарищ? Нехорошо получается, сержант!

По толпе пронесся одобряющий Омара шепот.

— Но, по правде говоря, разбирай теперь ход того боя, я могу предъявить лишь одну претензию к тебе как к командиру: а где была твоя кавалерия, приятель? Ведь хорошая кавалерийская атака могла бы вдвое увеличить число погибших противников. А несколько десятков убитых турецких — какая мелочь для тебя! Слоны, конечно, дело хорошее, особенно в тех местах. Но нельзя же забывать старую добрую кавалерию!

Конану лично было наплевать на критику столичного капитана. Но он чувствовал на себе десятки взглядов и счел своим долгом ответить:

— Если, говоря о Шинандере, ты имеешь в виду бой у слоновьего храма, то твоя хваленая кавалерия до последнего отсиживалась в форте, а потом почему-то не смогла найти нас в джунглях. Но дело даже не в этом. От кавалерии, на мой взгляд, вообще не может быть много проку в бою в джунглях.

— Ах вот как, на твой взгляд. Так ты здорово ошибаешься, сержант. Оставлять кавалерию в тылу — это то же самое, что ставить телегу впереди лошади и самому впрягаться в хомут. Ведь как только противник остановлен, а тем более начал отступать, кавалерия, налетев на него, преследует, безжалостно уничтожая. А если ты, варвар, этого не понимаешь, значит, ты просто никогда не пробовал использовать доблестных турецких кавалеристов.

— Кром, прости этого безумца! Да когда меня и моих солдат рвали на куски тысячи мятеежников, я был бы рад любой подмоге: на любимых тобой лошадях, верблюдах, ослах — все равно, лишь бы она подоспела. Но твои хваленные кавалеристы так и не подошли. Они просто-напросто не нашли нас, как бы не услышали разносящихся далеко по джунглям звуков боя. Или из-за глухоты с тупостью, или из-за собственной трусости они предали нас, оставив одних!

Не в силах больше сдерживаться, Конан схватился за рукоять кинжала и даже звякнул эфесом о ножны.

— Ты оскорбил меня! Меня и моих братьев по кавалерии. Это оскорблениe может быть смыто только кровью! — громко заявил Омар, оглядывая присутствующих.

Конан, внимательно присмотревшись к нему, понял, что, несмотря на небольшой животик, капитан Омар наверняка силен в фехтовании и будет серьезным противником.

— Я предлагаю тебе пройти во двор к королевским конюшням. Сейчас же! — предложил раскрасневшийся капитан. — Хотя... я вижу, что ты не готов.

Он презрительно посмотрел на кинжал на поясе киммерийца и многозначительно поправил свой меч.

— Ладно, я могу предложить казармы городского гарнизона. Ровно в полночь. Там для тебя найдется клинок.

— Пропади ты пропадом, — рявкнул в ответ Конан, не заботясь о том, чтобы произвести благоприятное впечатление на зрителей. — Я готов потерпеть и выпустить тебе кишки в полночь. Но только если ты не попадешься мне на глаза еще раз!

С этими словами киммериец развернулся и пошел прочь сквозь толпу.

Сколько бы шумным ни был его диалог с капитаном Омаром, он не достиг дальнего конца огромного зала. Конан подошел к одному из столов, около которого, негромко переговариваясь, закусывали несколько человек. Стол ломился от яств, постоянно пополняемых слугами. Чтобы освежиться, Конан схватил горсть виноградин и земляники и в один присест проглотил их. Осмотрев соседей по столу, киммериец с удивлением увидел неизвестно когда появившегося в

зале Аболхассана. Генерал, все еще в доспехах, как на параде, принимал от одного из слуг тарелку с мясом и фруктами.

Ну что ж, подумал Конан, капитану Омару придется подождать, если его соперник нарвется на скандал с его командиром. Наскоро извиняясь перед теми, кого он толкал на ходу, Конан направился в обход стола.

Не успел он пройти и половину расстояния до генерала, как его внимание привлекла одна женщина, разительно не похожая на всех остальных придворных дамочек. Высокая, с хорошей фигурой, она была одета в выглядящий чуть-чуть мужским наряд. Но еще более примечательными, чем костюм, были ее волосы — очень светлые, они развевались за спиной при резких движениях женщины: Она еще сильнее выделялась на фоне четырех своих спутниц — типичных турецких с черными как вороново крыло волосами.

— Ты, должно быть, Конан — герой Вендийской войны? — Голос незнакомки в сочетании с ее яркой внешностью привлек к молодой женщине внимание многих присутствующих. — Так это тебя, храброго офицера, король собирается наградить за подвиги, совершенные на южных рубежах?

— Ну, — вызывающе посмотрел ей в глаза Конан, — это я. Чем обязан?

— Отлично. Позволь тогда сначала мне вручить тебе награду!

Едва договорив, она схватила со стола серебряное блюдо и выплеснула его содержимое на киммерийца, залепав его тунику белыми и красными пятнами соуса.

— Это тебе, убийца детей, за то, что такие, как ты, загоняют наших мужей и сыновей в дальние страны и бесцельно тратят на никому не нужной войне главное богатство нашей страны — ее лучших людей!

Когда она закончила свою речь, в зале воцарилась гробовая тишина, прерываемая только редкими возгласами удивления. Все молчали, явно предоставив Конану самому выпутываться из этой идиотской ситуации. Оглядел свой пострадавший костюм, киммериец поднял глаза на свою обидчицу и громко сказал:

— А это — тебе за всех зажравшихся турецких жен, которые ждут не дождутся богатых трофеев и подарков из завоеванных стран, но не хотят терпеть неудобств, связанных с отсутствием мужа, или волноваться об ушедшем на войну сыне.

С этими словами он поднял большой деревянный поднос с засахаренными фруктами и резким движением послал его содержимое в направлении дерзкой блондинки.

Верткая женщина едва успела отскочить, испачкав лишь рукав платья. Сладкий же водопад приняли на себя два ни в чем не повинных евнуха. Зло ругаясь, они начали как могли счищать со своих шикарных кафтанов растекающиеся сиропом фрукты. А затем, вместо того чтобы ответить на оскорбление кулаками или сталью (чего Конан не мог себе позволить по отношению к женщине), они похватали со стола то, до чего смогли дотянуться, и запустили все это в обидчика.

Блондинка немедленно присоединилась к ним, призвав на помощь своих подружек. Стиснутый толпой и лишенный возможности маневра, Конан стал отличной мишенью. Но множество снарядов, пущенных неумелыми руками женщин и евнухов, пролетели выше него или мимо. Они не могли не угодить в стоявших по соседству с киммерийцем придворных. Те, в свою очередь, встали на его сторону и вступили в борьбу, хватая со стола что попадется или перехватывая на лету посланные в них фрукты и другую еду и швыряя ее обратно. Через несколько минут все пространство вокруг стола превратилось в странное поле боя, над которым летали во всех направлениях груды котлет, фруктов, веера нарезанного сыра, целые торты и кучи пирожных, сопровождаемые потоками сиропов и соусов.

Во всей этой суматохе Конан старался не упустить из виду светловолосую зачинщицу. В

какой-то момент он, решив, что настало время действовать, рванулся к ней, но поскользнулся на косточке манго и упал на колени. В этот же момент блондинка, в руках которой оказалась тяжеленная фарфоровая чаша, со всего размаху опустила ее на голову киммерийца. Несколько раскатов грома прокатились в черепе Конана, прежде чем он восстановил равновесие настолько, что счел возможным встать. Женщина, видимо сама испугавшись того, что натворила, явно направилась к дверям зала. Тряхнув головой, Конан, топча черепки, бросился в погоню за ней.

Чуть в стороне от балаганного побоища спокойно стояли два офицера: генерал Аболхассан и капитан кавалерии Омар. Форменная куртка и тюрбан капитана были абсолютно чисты. Генералу же повезло меньше. Он шелковым платком счищал потеки какой-то бледно-зеленой жидкости с доспехов и рукава черного мундира. Его усы гневно топорщились.

— Эта стерва Ирилия совсем зарвалась, — процедил генерал. — Этой выходкой она, конечно, подорвала серьезность завтрашнего праздника, но на этом ее полезность для нас заканчивается. — Он внимательно оглядел опустевший зал, где лишь несколько изрядно выпивших гостей продолжали кататься по полу в шуточной схватке, стараясь как можно больше измазать противника.

— Дальше она может быть очень опасна. Омар, передайте солдатам приказ доставить ее ко мне.

Омар понимающе улыбнулся:

— Хотите допросить ее лично, чтобы отпраздновать канун нашего главного удара? Я бы тоже не отказался от такой аппетитной подозреваемой. — Неожиданно поймав на себе стальной взгляд Аболхассана, капитан поперхнулся и скривился от отчеканил: — Она будет доставлена к вам, как только ее схватят. А с варваром я разберусь, как приказано.

— Да, постайся, чтобы его смерть видело как можно больше народа. И перед этим оскорби его еще, понимаешь. Его нужно здорово унизить, — генерал ухмыльнулся. — Ну, да это не самое трудное задание для такого известного забияки и дуэлянта, как вы, Омар. Если он вдруг откажется от поединка, растрезвоньте известие о его трусости и оставьте варвара мне. В любом случае это превратит затею Йилдиза с героем в посмешище!

Генерал похлопал по плечу щелкнувшего каблуками и вытянувшегося в струнку капитана и кивнул в знак прощения:

— Ну, до встречи завтра, капитан. Желаю удачи! И главное, ждать нам осталось совсем недолго!

ГЛАВА 17. НОЧНАЯ ПОГОНЯ

Нескончаемые коридоры, галереи, череда залов и террас... Конан гнался за Ирилией, и это полуслугливое преследование быстро превратилось в серьезную погоню. Западное крыло дворца было предоставлено в этот вечер гостям, поэтому безмолвные стражники лишь взглядами провожали пробегающую мимо них парочку.

Погоня была быстрой и стремительной. В помещении легкость и проворство женщины вполне могли соперничать с тяжелой размашистой поступью киммерийца. У него сейчас было лишь одно извечное преимущество догоняющего: видеть спину преследуемого и, ориентируясь по ней, срезать углы на поворотах, не высматривая безопасной дороги.

Дело пошло легче, когда Ирилия выскочила в дворцовый сад, где в лунном свете вырисовывались геометрически правильные формы клумб, подстриженных кустов и небольших водоемов. На открытом пространстве Конан без особого труда сократил расстояние до убегающей до такой степени, что в нос ему ударил запах ее духов, усилившийся от выступивших на теле женщины капель пота. Для Конана бег на такой скорости не был предельной нагрузкой, и он решил не торопиться. Словно леопард за газелью, он продолжал бежать за светловолосой придворной дамой.

Ирилия понимала, что сад может стать для нее как спасением, так и ловушкой. Примерившись, она решилась на обманное движение — прыжок в сторону, на маленький островок в центре фонтанного пруда. Каким бы резким ни было ее движение, Конан успел оценить его и броситься наперерез, перепрыгнув на островок с дальнего угла ограждения фонтана. Этот рывок поглотил последние несколько шагов преимущества Ирилии, позволив Конану схватить беглянку за плечо. При всем этом крохотный островок был явно недостаточной посадочной площадкой для такого тяжелого тела, несущегося на полной скорости. Не успев затормозить, Конан плюхнулся в воду, подняв фонтан брызг и увлекая за собой возмущенно отбивающуюся женщину.

Некоторое время из пруда доносился шумный плеск и недовольные крики, не привлекавшие ничьего внимания в пустом ночном саду. Неожиданно воцарилась тишина, нарушаемая только капаньем воды, ручьями стекавшей с обоих невольных купальщиков, застывших по колено в воде, разделенных на расстояние вытянутой руки отточенным лезвием маленького кинжала, сверкающего в руках Ирилии.

— Ладно, подружка, не увлекайся. Это тебе не шутки, — успокаивая скорее сам себя, сказал, отдуваясь, Конан. — Если бы я собирался поупражняться с тобой в искусстве фехтования, что ж — кинжал есть и у меня. Но я не столь мстителен и прощаю твою дурацкую выходку.

Киммериец потряс головой, стряхивая воду с волос, окатив Ирилию с ног до головы.

— Будем считать, что я отомстил тебе за разбитую о мою голову чашу этим повторным душем. Хотя, я полагаю, кое-какие водные процедуры были нужны нам обоим, чтобы смыть с себя остатки столь шикарного пиршества. А теперь убери-ка от моего лица эту железяку. Ею только мышат резать.

— Ладно, варвар. Я уберу кинжал, только учти, я тебе не подружка. Извинись за то, что ты так назвал меня.

Не успела Ирилия опустить держащую кинжал руку, как ловкое движение ноги Конана выбило нетвердую почву из-под ног женщины, заставив ее рухнуть в объятия своего недавнего противника. Ей стоило больших усилий вырваться и вновь твердо встать на ноги, опять угрожающее выставив кинжал перед собой.

— Руки прочь, варвар! Или я действительно зарежу тебя! — гневно выкрикнула Ирилия.

— Все, все, клянусь Кромом! Я всего-то рассчитывал на поцелуй в знак примирения. Согласись, что тебе в общем-то тоже понравилось, хоть ты и брыкалась как бешеная, изображая недовольство.

— Пинать тебя мне понравилось больше, — сказала Ирилия, разворачиваясь и неспешно направляясь к берегу пруда. Выбравшись из воды, она продолжила: — Я отдаю свои поцелуи настоящему мужчине, а не головорезу, прислуживающему Аболхассану.

Убрав кинжал в ножны, Ирилия занялась волосами, отжимая их и расправляя спутавшиеся пряди.

— Аболхассан! Я ему никак не друг. Если честно, у меня есть серьезные сомнения в его верности королю...

— Верность? — рассмеялась Ирилия. — Да какая может быть верность в Аграпуре! Только та, которая помогает вооружиться, а не та, которая идет от сердца! Я не сомневаюсь, что ты просто завидуешь Аболхассану и надеешься, пользуясь привилегиями героя, когда-нибудь занять его место, став еще более жестоким тираном. Я часто бываю при дворе, беседую с королем, и из всего этого я сделала вывод, что мужчины, рвущиеся к власти, ничем не отличаются от алчущих власти... евнухов!

— Думаю, что Йилдиз будет разумнее тебя и прислушается к моим словам, — сказал Конан, выжимая над фонтаном свою тунику. — Или он просто полный дурак, если будет держать во главе своего штаба человека, отправляющего караваны с оружием в распоряжение своих неприятелей и на собственные тайные склады, да к тому же устраивающего в столице инсценированные покушения.

Ирилия вновь рассмеялась:

— Говори Йилдизу что хочешь, если тебе жизнь не мила. Король с генералом повязаны кровью не хуже, чем банда убийц. Только не надо разыгрывать передо мной бескорыстного реформатора армии и государства!

Даже разгневанная, Ирилия восхищала Конана своей непривычной красотой и не свойственным большинству женщин достоинством. Она продолжала говорить, отжимая полы своего одеяния, даже не глядя на киммерийца:

— Ты пляшешь под дудку короля, участвуя в этой бессмысленной войне. Ты сам — плоть от плоти этого прогнившего режима, которому суждено вот-вот пасть. Самым безопасным для тебя сейчас было бы немедленно уехать из столицы куда-нибудь подальше. Хотя с чего это я так с тобой разговорилась? Скатертью дорога!

Выпрямившись и даже не обернувшись, Ирилия с гордо поднятой головой направилась к освещенному факелами входу на дворцовую террасу.

— Эй, подожди! — крикнул Конан, догоняя ее. — Я хотел бы еще кое о чем расспросить тебя. Особенно о том, что сейчас творится в Аграпуре, при дворе... Мне кажется, что ты тоже замешана в...

— Неужели? — Ирилия даже не замедлила шаг. — А с какой стати я буду раскрывать тебе, чужаку и, скорее всего, врагу, свои секреты, выдавать то, что я храню в тайне от всех, кроме самых надежных людей? Да и вообще, я не собираюсь тратить на тебя время.

— Почему же? — не отставал Конан. — А вдруг тебе понадобится помочь, чтобы защититься не от вымышленного врага в лице незнакомого сержанта, а от реальных, куда более опасных недругов?

— Не понимаю, о чем ты?

Но, свернув на другую тропинку, Ирилия увидела то, что стало причиной беспокойства ее спутника. От дворца к ним навстречу направлялись три темных силуэта.

— Ну и что? Это, наверное, просто гости, заинтересовавшиеся поднятым нами шумом. А скорее всего, это мои подруги, решившие, что мне может понадобиться помошь, чтобы защититься от приставаний варвара-мужлана... Эй, сестрички, это вы? — приветливо крикнула она.

Эхо крика прокатилось по саду, не подхваченное ни единственным словом в ответ. Три темные фигуры, разойдясь в стороны, явно направлялись к Ирилии, стремясь не дать ей обойти их. Угроза стала еще более явной, когда женщина, шагнув с тропинки на клумбу, увидела, что неизвестные немедленно бросились наперерез, отсекая путь ко дворцу.

— Похоже, эти ребята здесь по твою душу, — заметил Конан, — хотя я не особо разбираюсь в ваших придворных интригах и могу ошибаться. Если хочешь — иди к ним, ничего не имею против. Могу даже подождать тебя здесь, чтобы не компрометировать тебя своим обществом.

Неизвестно, кого более опасалась Ирилия: трех незнакомцев впереди или одного уже известного неприятеля в двух шагах за спиной, — но вдруг она неожиданно сделала шаг вперед и громко произнесла:

— Эй вы, трое! Назовитесь и помогите dame избавиться от общества этого грубияна?

Ответа на это заявление Ирилия не получила. Подошедшие к женщине мужчины не очень-то дружески и вежливо крепко взяли ее за руки. Один из них повернулся к подходящему киммерийцу и зло бросил ему:

— Стой где стоял? Не вздумай лезть не в свое дело? На лице незнакомца отразилось удивление, когда он почувствовал сильную руку Конана, легшую ему на затылок. В следующий миг удивление сменилось гримасой боли, когда вторая рука киммерийца вонзила кинжал в горло противника. Постояв неподвижно несколько секунд, тот беззвучно рухнул на тропинку.

Ирилия, вырвавшись из рук пораженных случившимся похитителей, кинулась с кинжалом на одного из них. Второго налетчика кулак киммерийца, напоминающий кузнецкий молот, отправил прямиком в фонтан. Парень плюхнулся в воду, да так и остался лежать, наполовину свесившись в бассейн.

К этому времени третий бандит, зажимая на руке рану от удара кинжалом, обратился в бегство. Конан бросился было за ним в сторону дворца, но краем глаза успел заметить, что Ирилия метнулась в противоположном

направлении. Выругавшись, киммериец оставил одну погоню, чтобы начать другую, за уже знакомой жертвой.

— Ну что, а где благодарность? — поинтересовался он, настигнув беглянку. — Куда мы теперь так спешим?

— Отвяжешься ты от меня или нет? — резко развернувшись, гневно спросила Ирилия. — Если тебе так неймется быть рядом, не вздумай выражать свои знаки внимания, деревенщина. Мне только твоих ухаживаний недоставало. Только тронь меня — и одному из нас будет не место на этой земле.

С этими словами Ирилия направилась быстрым шагом к нависающей над садом внешней стене дворца.

— Не знаю, кем ты считаешь воинов королевской армии, но я никогда не был убийцей женщин и детей или мародером, — продолжил разговор Конан, держась на некотором расстоянии от женщины. — Ну и кто были эти милые ребята?

— Я узнала их. Они из тайной дворцовой стражи, подчиняющиеся канцелярии евнухов. Они давно следили за мной, но теперь дело зашло так далеко, что решились попытаться заткнуть мне глотку. И теперь даже титулы и звания моего мужа не будут гарантировать мне безопасность.

— Мужа? — Конану и в голову не приходило вполне естественное предположение, что Ирилия может быть замужем.

— Он далеко отсюда. И, по правде говоря, ему мало дела до моих проблем, а недостатка в женщинах он и там не испытывает. Но, по крайней мере, его имя до сих пор прикрывало меня от угрозы расправы. А теперь... теперь я вне закона и не могу быть в безопасности даже в своем доме. Хотя это уже не важно. Пожалуй, это лишь знак слабости врага, знак того, что настало время открытой борьбы.

Подойдя к воротам, она замолчала. Створки были широко распахнуты, а в проеме стояли четыре неподвижных стражника, расступившихся, чтобы пропустить покидающих дворец гостей, и снова молча сомкнувших свой строй за их спинами. Бродившие на придворцовых улицах нищие и бездомные провожали удивленными взглядами удаляющуюся от дворца все еще мокрую парочку, не решаясь, однако, пошутить вслух или попросить милостыню, опасаясь внушительных габаритов киммерийца и весьма недружелюбного выражения его лица. Вновь оказавшись вне досягаемости непрошеных ушей, Конан продолжил разговор:

— Похоже, я приехал в столицу в самый напряженный момент подпольной политической борьбы.

Ирилия только усмехнулась:

— Догадался! Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: если этот режим продержится еще два дня, то только благодаря какой-то особой жалости Тарима к нему.

Свернув несколько раз, Ирилия пошла по улице, ведущей на высокий холм в стороне от дворца.

— Значит, тебя и твоих союзников не пугают ужасы грозящей гражданской войны?

— А разве это страшнее, чем гражданская тирания, царящая в стране? Когда шарифы и городская стража силой заставляют молодежь идти в армию, чтобы погибнуть в никому не нужной войне, когда юноши, почти подростки, исчезают среди бела дня, схваченные дома или на улице и отправленные в казармы. До сего дня мой титул, как и титул нескольких моих друзей, давал нам возможность законно выражать свое несогласие с происходящим. Но никто не прислушался к нашим призывам. Пора кончать с этим прогнившим режимом! Любая перемена может быть только к лучшему в этих условиях!

— Вы просто не представляете себе, что такое настоящая анархия. — Конан обвел рукой расстилающийся по склону у подножия холма огромный город с россыпью огоньков, рассеивающих темноту. — Вообрази — все эти дома горят или уже превращены в груды пепла. Их жители убиты или остались без денег и кровя. Стон стоит над некогда прекрасным городом.

— Нет, сержант, нем нечего бояться анархии. Если, конечно, мы не станем опираться в борьбе на таких, как ты. Туран — цивилизованная страна, и ее народ сумеет оценить правителя по его мудрости и справедливости.

Настанет время, и сердце подскажет народу правильный выбор. Большая часть городского гарнизона на нашей стороне. Это позволит сделать насилие и кровопролитие минимальными, хотя и не устранит их вовсе. Но пойми: чтобы сделать что-то лучше, надо смириться с временным ухудшением положения вещей.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачал головой Конан. Его мысли разрывались между тяжелыми опасениями и гордостью собой за то, что ему удалось-таки подбить эту гордую аристократку на откровенный серьезный разговор. — Не забывай, девочка, что игроки типа Аболхассана не стали бы просто так подставлять под топор свою шею. Нет, они тоже ведут свою игру. И сдается мне, что для генерала ставка в ней — королевский трон.

— Разве ты не видишь, что Аболхассан дискредитировал себя еще больше, чем Йилдиз? Ни один, ни второй не могут получить поддержки народа, как не могут они закончить тянувшуюся из года в год Вендиjsкую войну. Последняя их опора — сила колдунов из Совета Мудрейших — уничтожена неведомым противником. И это тоже ни для кого не секрет. Даже с такими

могучими героями, как ты, — усмехнулась Ирилия, — они бессильны помешать нам. И двор, и простые горожане видят и понимают это.

— Может быть, это и так, — задумчиво сказал Конан. — А ты не думаешь, что война для Аболхассана — это только прикрытие? Ведь сколько оружия, якобы отправленного в Вендию, осталось на складах генерала в Туране и в самой столице, чтобы быть использованным против Иилдиза.

— Интересная информация. Но если Аболхассан не будет действовать в поддержку короля, это нам только на руку. Порознь они будут еще слабее. — Неожиданно, сама удивившись своему поступку, Ирилия улыбнулась и прижалась к боку киммерийца. — Странно все это! А ведь я раньше была всего лишь мирной женщиной, желающей остановить эту безумную войну. Но сколько горя, боли и несчастья мне довелось увидеть с тех пор, как я вступила в борьбу...

— Могу лишь посочувствовать тебе как равной. — Конан боролся с искушением обнять Ирилию, но рискнул лишь успокаивающе погладить ее по руке. — Знаешь, убив стольких людей на войне, я обнаружил, что здесь, в Аграпуре, полно людей, куда более заслуживающих быть убитыми, чем любой мятежник.

Наконец они дошли до вершины холма, увенчанной куполом большого храма. У их ног сверкал огнями город. Вдалеке катил свои воды могучий Ильбарс, по которому даже ночью двигались, обозначая свой путь фонарями, лодки и галеры. Отдельной громадой возвышался над городом королевский дворец. Черная ночь, наполненная ароматом жасмина, играя теплым ветерком, быстро высушила одежду обоих собеседников.

— Знаешь, Конан, — в первый раз дружески обратилась к нему Ирилия, — я начала с того, что посоветовала тебе уехать отсюда. Но теперь, узнав тебя, я предлагаю тебе присоединиться к нам, заговорщикам. Если ты силен, а в этом я не сомневаюсь, и если ты хочешь чего-то достичь в своей жизни, а этого, похоже, у тебя тоже не отнимешь, — у тебя будет большое будущее. Обрати свои боевые умения нам на пользу, и ты быстро станешь лидером среди нас! Но помни об одном: всегда, в любом деле твоя воля — превыше всего, кроме высшей воли — воли народа!

— Ирилия, у вас и без меня полно желающих стать лидером восстания!

— А кто мешает тебе стать им? Послушай! Мятежники готовы нанести удар в любой момент. Если получится — хоть завтра. Так вот, ты завтра будешь рядом с королем. Так же близко, как мы с тобой сейчас. Аболхассан, конечно, тоже будет рядом. Но когда король будет прикреплять знак героя к твоему тюрбану, никто не успеет вмешаться. Выхвати кинжал и вонзи его в грудь Иилдизу. Вот так! — Конан непроизвольно отшатнулся, увидев нацеленный на него клинок. — А затем ради торжества справедливости убей и Аболхассана!

Белые, развевающиеся по ветру волосы и горящий боевым огнем взгляд делали Ирилию похожей на женщину-воина из какого-нибудь северного племени. Но, полюбовавшись на нее, Конан покачал головой:

— Нет, девочка. Ты сама не понимаешь, о чем просишь меня. Да, Аболхассан — мой враг, но только он. Почему? Не знаю, я так чувствую.

Не отдавая себе отчета, киммериец обнял женщину и крепко прижал к своей груди.

— Завтра, получив награду, я обращусь к Иилдизу и расскажу ему правду о Вендиjsкой войне, как и обещал своим товарищам по оружию. Может быть, мне придется убить Аболхассана, который попытается заткнуть мне глотку. Мое обращение, пожалуй, принесет мало пользы вашему делу, но моя совесть будет чиста, и я рассчитываю, что мои слова будут полезны не только мне, но и другим.

Сам не заметив как, Конан крепко сжал женщину и сильно тряхнул ее. Недовольный голос Ирилии холодным душем вернул киммерийца к реальности:

— Ну что ж, сержант Конан. Похоже, что нам больше не о чем говорить. Мы можем

спокойно расстаться. Отсюда я сама доберусь туда, куда мне нужно.

— Эй, Ирилия, подожди! — крикнул ей вслед Конан. — У меня встреча в полночь у казарм городского гарнизона. Не покажешь ли дорогу?

Повернувшись, женщина холодно посмотрела на него и сказала:

— Надо же, какое совпадение. Именно туда я и направляюсь. Что ж, я, пожалуй, отведу тебя туда, если ты поклянешься, что не предашь моих друзей.

ГЛАВА 18. НОЧНЫЕ ПОЕДИНКИ

Дневной водоворот в центральном районе Аграпура сменился спокойным, неторопливым течением ночной жизни. Правда, в этот вечер на улицах было больше народу, чем обычно. Все обсуждали кровавую стычку солдат с народом во время парада. Никто не оставался в стороне, даже чужеземные купцы, обычно безучастные к внутренним делам Аграпура, на всех языках обсуждали происшествие, сидя у своих костров в Караванном квартале и потягивая вино из передаваемых по кругу бурдюков. Сами же жители туранской столицы тем более не могли так просто забыть о том, что случилось. Тут и там на углах улиц собирались группы молодежи, а подчас и взрослых горожан, возбужденно и недовольно обсуждавших расправу солдат над демонстрантами и зрителями. Кроме того, всех взволновала какая-то нелепая, бессмысленная попытка покушения на жизнь героев.

Проходя по улицам рядом с Ирилией, Конан не один раз отмечал, что горожане неплохо знают его светловолосую спутницу. Время от времени она отвечала на приветствие, а то и останавливалась, чтобы перекинуться с кем-нибудь парой фраз, передать какую-то информацию. Причем она ни разу не назвала никого по имени.

— Здравствуй, брат! — раздавался ее голос. — Будь готов к завтрашнему дню. И передай остальным. Горожане! Я получила известие, что и портовая стража откажется вступить в бой с народом. Они тоже с нами! Наши силы растут с каждым часом!

По мере приближения к огромному круглому зданию гарнизонных казарм улицы стали более пустынными, а речи Ирилии — более осторожными. Но, к удивлению Конана, подойдя прямо к тяжелой большой двери в казармы, Ирилия спокойно и уверенно постучала, отворился маленький глазок, за которым мелькнул луч света, — и через мгновение дверь приоткрылась, впустив обоих пришедших внутрь здания. Раздались приглушенные приветствия и удивленные взглазы по поводу вошедшего вслед за женщиной киммерийца.

— Знакомьтесь, — сказала Ирилия. — Это солдаты и офицеры, верные своему народу. А это мой сегодняшний провожатый. Не нужно излишних подозрений. Этот офицер — человек слова и не выдаст нас. А может быть, он, оценив значение нашего дела, еще и присоединится к нам.

— Не надо объяснений, сестра. Достаточно, что ты ручаешься за него. А теперь пошли. Капитан прочел наши требования. Посмотрим, что он на это скажет.

Воины, оставив одного часового у запертой двери, направились в большой внутренний зал казармы. Здесь собралась целая толпа солдат, непривычно для такого времени полностью экипированных и вооруженных. Закованные в доспехи воины слушали твердый голос человека, невидимого через несколько рядов слушателей.

— ...Я прочел ваши требования и согласен: то, что случилось днем, во время парада, не должно повториться. Я готов рассмотреть любой приказ вышестоящего начальства с точки зрения его пользы обществу. Но я должен рассчитывать, что вы будете по-прежнему верны мне и будете безоговорочно исполнять мои приказы. А я даю вам слово офицера, что никогда не отдам приказ, заставляющий вас, городскую стражу, применить силу и оружие против мирных горожан даже по воле трагического случая...

Крики одобрения подтвердили готовность многих солдат поверить в слова их командира. Шум затих, как только офицер снова заговорил:

— Как вы знаете, в городе неспокойно. Идет тайная борьба за влияние в столице. Есть информация, что завтра, в день праздника и торжеств, возможны волнения и столкновения. Поэтому я призываю всем оставаться на местах, с оружием, и быть готовыми в любой момент покинуть казарму, выполняя мои распоряжения.

Эти слова были встречены еще большим шквалом одобрительных криков и аплодисментов. Ирилия, улыбаясь, повернулась к Конану:

— Вот видишь, он тоже с нами! Завтра! Завтра будет наш день!

Но киммериец не выглядел абсолютно убежденным. Нахмутившись, он протолкался сквозь толпу расходящихся солдат и наконец разглядел столь блестящего оратора. Как он и предполагал, это оказался капитан Омар.

Не удивившись появлению Конана, капитан спокойно обратился к своему адъютанту:

— Проверь, чтобы лошади были накормлены и оседланы. Я пойду в штаб, но сначала уложу тут одно дельце. Выполняй приказ, а потом зайдешь ко мне.

Стоило адъютанту выйти из помещения, как тон капитана резко изменился:

— А, это ты, варвар. Мои предположения о твоей трусости оказались несколько преждевременны.

Капитан весело оглядел солдат, еще остававшихся в центральном зале.

— Опоздать на поединок — конечно, позор. Но, разумеется, куда меньший, чем не прийти вовсе. Эй, солдат, одолжи-ка нашему гостю свой меч!

Солдаты внимательно переводили взгляды со своего командира на киммерийца, быстро сообразив, чему им предстояло стать свидетелями. Тот, к кому был обращен приказ Омара, вынул свой меч из ножен, протянул его Конану рукоятью вперед и поспешно отступил на несколько шагов. Киммериец несколько раз взмахнул клинком, найдя его вполне сносным — стандартным пехотным оружием.

— Я ничего не понимаю, сержант, — вмешалась в происходящее Ирилия. — Вы уже встречались с капитаном Омаром? Что происходит?

Не обращая на нее внимания и не спуская глаз с капитана, Конан отошел на открытую площадку в центре зала. Его противник, тоже выхватив свой меч, держал клинок перед собой на изготовку.

— Я бы предпочел сразиться с тобой на копьях, — сказал Омар, — но я покажу тебе, что кавалерийский офицер не трус, сидит ли он в седле или вступает в бой пешим.

С этими словами туранец бросился на Конана, нацелив острие меча в горло противника. Омар вложил в этот колющий удар всю массу своего тела, и только с огромным трудом киммериец отбил атаку. Клинок капитана свистнул над ухом и вновь взлетел, занесенный для нового удара... Конан понял, что этот противник еще серьезнее, чем он предполагал. Еще дважды сталкивались в воздухе мечи, обрывая взаимные атаки, и вот противники сделали шаг назад, чтобы перевести дыхание.

— Конан, что ты делаешь? — закричала Ирилия и, вместо того чтобы освободить место для боя, бросилась киммерийцу на спину. — Капитан Омар — наш союзник, участник заговора! Мы не имеем права потерять его в какой-то мальчишеской драке. Прекратите немедленно!

Неожиданно Конан ощущил, как цепкие пальцы женщины ухватились за его руку, держащую меч, и стали изо всех сил тянуть ее в сторону, выводя из боя. Сразу заметив эту брешь. Омар бросился вперед с мечом, занесенным так, чтобы одним ударом отсечь эту самую руку повыше локтя.

Невероятным усилием Конан успел отклониться с линии атаки. Одновременно, перехватив меч обеими руками, он отразил нанесенный изо всех сил удар, почувствовав, как клинок противника рассек воздух в волоске от его плеча. Стряхнув наконец протестующую. Ирилию, киммериец отразил еще два последовательных рубящих удара. Капитан Омар продолжал рваться вперед, и Конан закрывался в оборонительной стойке, стараясь восстановить нарушенное. Ирилией спокойствие. Киммериец понимал, что с таким противником он не мог себе позволить роскошь ослепленной, раздраженной ярости.

— Сержант, прекрати этот поединок, или я сама убью тебя. — Ирилия выхватила свой кинжал и угрожающе направила его на Конана. Отскочив в сторону, киммериец встал так, чтобы держать в поле зрения обоих врагов.

К его удивлению, следующий удар Омара был направлен не на него. Описав широкую дугу, меч капитана с основательным шлепком плашмя ударил по щеке Ирилии, оставив хорошо заметный след на нежной коже.

— Госпожа, — громко, на публику, объявил Омар, — разве вы не поняли, что это поединок чести? Ваше вмешательство нежелательно, более того — оскорбительно для меня. Извольте покинуть место поединка. А кроме того, уважаемые союзники, один участник нашего движения, весьма высокопоставленный, чье имя я не могу сейчас назвать, потребовал, чтобы я доставил госпожу Ирилию к нему, чтобы он мог лично сообщить ей важную информацию... Вы двое, немедленно отведите даму во дворец.

Прежде чем Ирилия смогла понять, что имеет в виду капитан Омар, двое его адъютантов схватили ее за руки, выхватив кинжал, и повели к дверям. Остальные солдаты — зрители — стояли в нерешительности, не вмешиваясь в происходящее. С одной стороны, все были поглощены зрелищем поединка, а с другой — привычно верили словам командира.

Конан не мог дольше оставаться безучастным. Изрыгая проклятия, он набросился на двуличного офицера, обрушив на него град ударов. К чести капитана, тот с достоинством отбивал самые немыслимые уколы и удары.

Но киммериец, казалось, был неутомим. Его клинок обрушился на противника с самых немыслимых углов и направлений. Пришла очередь Омара занять глухую оборону, выжидая, пока противник выдохнется. Любая атака когда-нибудь иссякает, и атакующий, прежде чем перейти к обороне, некоторое время продолжает стоять раскрытым, еще не понимая, что его ослабевшие удары уже не заставляют противника закрываться, не помышляя о контакте. Опытный боец, капитан Омар ждал этого момента.

Развязка произошла, когда, наступая, Конан загнал противника в узкий проход между колоннами, наполовину занятый большим обеденным столом. Последовал сильнейший удар, от которого Омару не удалось отклониться. Оставалось только, рассчитывая на грубую силу, отбивать его. Два клинка столкнулись в воздухе с таким лязгом, что, казалось, неминуемо должны были сломаться. Но этого не произошло. Противники встали друг против друга, не ослабляя рук, держащих мечи. Кто кого? Только грубая сила решала исход дела. Никакого красивого фехтовального движения, никакого элегантного отхода. Только давить, давить, пока... пока Конан не опустил свой меч и не отошел спокойно к дверям казармы, оставив капитана стоять с торчащей из живота рукоятью кинжала киммерийца.

Когда капитан рухнул на каменный пол, внимание всех зрителей переключилось на победителя. Благоразумно, на всякий случай, заняв позицию в дверях, Конан сказал;

— Кинжал можете оставить себе на память о смерти командира. Жаль, что я не могу вырезать кинжалом из его глотки всю готовую вырваться оттуда ложь, как вырезают жемчужины из раскрытой раковины, но мне нужно идти. Я собираюсь предотвратить кое-что из того зла, которое и после смерти предателя еще долго будет распространяться по миру, посеванное им еще при жизни.

Конан нагнал Ирилию и ее конвой в темном глухом переулке неподалеку от казармы. Едва успев развернуться навстречу киммерийцу, один из офицеров был сбит с ног сильным пинком и рухнул прямо на острие подставленного меча. Обернувшись, Конан увидел, что второй конвоир уже поплатился за свою невнимательность. Видимо, прикидывая, как лучше напасть на киммерийца, он не обратил внимания на то, что Ирилия вытащила у него из-за пояса свой

кинжал. В тот момент, когда Конан повернулся к нему, офицер уже стоял на коленях, судорожно хватаясь слабеющими руками за торчащую из горла рукоятку кинжала.

Вся дрожа от пережитого, Ирилия схватила Конана за руку, чтобы успокоиться. После долгого молчания она хрипло спросила:

— Значит, капитан Омар мертв?

— Да, или вот-вот умрет! Не был он вашим союзником! Пойми ты, скорее он верно служил нашему общему врагу.

— Может быть, ты прав, — сдавленным голосом сказала Ирилия, позволяя Конану увести себя прочь от еще извивающихся тел. — За сегодняшнюю ночь я видела столько смертей и предательств, что теперь уже ни в чем не уверена. Кто знает, не настанет ли завтра действительно день воцарения хаоса и смятения в сердцах!

— Трудно предугадать. Мы ведь не боги. — Конан сжал ее плечо. — Трудно предсказать и то, кто из смертных сыграет свою роль так, что боги будут вынуждены отступить...

Пройдя несколько кварталов, они вышли к площади с большим глубоким фонтаном. К удивлению Конана, Ирилия, разбежавшись, перепрыгнула через бортик и с размаху влетела в прохладную воду.

Окунувшись, она повернулась к Конану и, впервые улыбнувшись ему, сказала:

— Мы оба опять измазаны. На этот раз — кровью лжецов и негодяев.

Расстегнув застежку своей туники, она сняла ее, оставшись обнаженной по пояс в воде.

— Нужно отстирать кровь. Будь благоразумен, герой. Снимай свою форму!

И она протянула ему свои тонкие, с легким загаром руки:

— Давай, герой, я отмою тебя...

— Что ты сказал, евнух? Капитан Омар мертв? — Аболхассан взволнованно заходил по комнате, словно тень, в своей черной тунике. — Невероятно! Опытный мастер фехтования побежден дикарем, упражнявшимся в каких-то боях с мятежниками! Честно говоря, я этого совсем не ожидал. Даже предположить не мог. Весьма несвоевременная смерть. Проследи, чтобы на его место был назначен наш человек... А что с варваром? Он схвачен?

— Нет, господин генерал. — Эврантхус явно чувствовал себя неуютно в роли гонца, приносящего дурные известия. — По последним донесениям, он был замечен в одном из городских фонтанов совокупляющимся с женщиной по имени Ирилия.

Лицо Аболхассана совсем покернело, он еще раз измерил шагами свой кабинет, отчаянно гремя шпорами. Наконец, криво улыбнувшись, он сказал:

— Ну что ж, прекрасно, что наши противники, развлекаясь вместе, облегчают нашу задачу следить за ними. Но как только девка останется одна — притащи ее сюда немедленно.

— Слушаюсь, генерал! — Молодой евнух неумело попытался щелкнуть каблуками и изобразить стойку «смирно».

— А как быть с варваром, генерал?

— Позаботься, чтобы он вовремя прибыл на назначенную церемонию. У меня есть новый план.

Развернувшись, он снова зашагал взад-вперед по кабинету, как любой начальник накануне решающего сражения.

— Завтра, когда король наконец-таки воплотит свою дурацкую затею с награждениями, я буду находиться рядом с ним и варваром, вручая королю наградной знак. Сначала я хотел сказать ему, что такой порядок церемонии унижает меня, превращая в жалкого подносчика побрякушек, но теперь я по достоинству оценил решение короля. Итак, когда мы втроем окажемся рядом друг с другом, я сумею улучить момент и воткнуть кинжал в живот Йилдизу. Затем, подняв шум и

указав всем на Конана, я, может быть, успею свалить и его. А если даже нет — стражи не станут слушать его оправданий и тут же прикончат горе-героя. Никто ничего не заметит, а если и заметит, то не посмеет подать голос. В любом случае те, кто будет стоять в первых рядах приглашенных, — в основном наши друзья. Ну, Эврантхус, что скажешь, приятель?

Молодой евнух стоял широко раскрыв глаза, пораженный дерзостью плана.

— Рискованный план, господин Аболхассан! Но красивый. Под силу только могучему человеку, настоящему лидеру, такому, как вы.

Генерал расплылся в широкой улыбке:

— Да, евнух. Именно так! Представь себе, нам не нужно будет ни ждать народных волнений, ни выдвигать ультиматумов. Не будет унизительной зависимости от настроения этого сброва, называемого народом. А для меня это прямая дорога на трон! Ну а теперь обсудим кое-какие детали...

ГЛАВА 19. ПОЧЕТНАЯ НАГРАДА

В течение считанных часов, остававшихся до рассвета, усилиями множества рабов, всегда готовых потрудиться во исполнение священной воли Его Величества короля Йилдиза, огромный зал торжественных приемов полностью преобразился. Сначала были убраны все последствия ночного пиршества и баталии с перебрасыванием поданных блюд; были вычищены и натерты до блеска мраморные плиты пола. Затем, как по волшебству, по периметру зала поднялись широкие ступени, чтобы дать завтрашим гостям возможность видеть церемонию даже из задних рядов: с потолка спустились разноцветные знамена. Наконец с первыми лучами рассвета в огромном куполе зала были открыты большие круглые окна, и помещение оказалось залито сначала красным, а затем золотистым солнечным светом.

Вскоре стали появляться первые гости, помятый и невыспавшийся вид которых явно не стоил столь тщательных и торжественных приготовлений. Многие придворные еще не оправились от последствий вчерашних возлияний и дебоша. Кое у кого на лицах можно было разглядеть тщательно припудренные синяки и ссадины. Но помимо усталости в глазах большинства приглашенных светился огонек сомнения по поводу самого факта разумности присутствия во дворце в этот день. Придворные тщательно взвешивали, что окажется более рискованным — торчать во дворце в столь напряженные дни, полные слухами о каких-то заговорах и готовящихся мятежах, или не показываться даже на церемонии, объявленной праздничной самим королем, и быть обвиненными в недостаточной лояльности королевской власти.

Не рискуя прогневать Йилдиза, большинство приглашенных пошли на компромисс, опоздав к назначенному сроку. Они не учли лишь одного — что право на задержку, как и все другие права, строго регламентировалось неписаными дворцовыми законами. И самые высшие чиновники и вельможи, не менее напуганные, чем другие, появились еще позже их менее почтенных собратьев, а король и вовсе показался перед гостями позже всех.

Собравшиеся гости рассаживались в соответствии с рангами и титулами на подушках в первых рядах или занимали места на жестких скамейках позади. Некоторым пришлось довольствоваться стоячими местами между колоннами у самых стен. Между гостями засновали слуги, разносившие на золотых подносах изящные кубки с вином и кумысом, а также фрукты и сладости. Придворные вели себя чрезвычайно сдержанно, словно желая исправить мнение о себе, пошатнувшееся после вчерашнего побоища. Многие вообще не притронулись к напиткам и закускам. Все вели себя тихо, и лишь негромкий гул спокойных голосов наполнял воздух в зале.

Но в одном углу огромного помещения еда и выпивка уже требовались куда в больших количествах. Там, на большом помосте, огражденном невысокими перилами, царило веселое оживление. На шелковых подушках, устилавших помост, восседали Конан и Ирилия, не скрывавшие своего явно более близкого, чем дружеское, знакомства. Эта парочка явилась чуть не раньше всех и уж точно была самой шумной. Вокруг них носились специально выделенные слуги, подававшие вино и еду; тут же крутился и взволнованный Семпрониус.

— Я рад, что вы довольны дворцовой жизнью, сержант, а также тому, что вы нашли себе... обожательницу.

Семпрониус с сомнением оглядел Ирилию, лежащую тесно прижавшись к Конану и обняв его рукой за шею.

— Надеюсь также, что вы по достоинству оцените торжественность сегодняшнего дня и его основной церемонии — награждения героя.

— А, это да, конечно... Почему бы не оценить, правда, красотка? — Конан ласково провел

рукой по спине Ирилии, отчего она чуть не замурлыкала. — Я тут уже много чего оценил. Теперь понятно, как в столице принимают героев... Слушай, Семпрониус, нельзя ли как-нибудь организовать парочку чистых туник, а то наши маленько помялись...

— Безусловно! Это несомненно улучшит ваш внешний вид и, наверное... избавит вас от необходимости прижиматься друг к другу, чтобы согреться. Я немедленно займусь этим. — И Семпрониус обернулся к двум стоящим поблизости слугам с соответствующим приказанием.

Стоило евнуху отвернуться, как Ирилия, чуть отстранившись от Конана, с неодобрением посмотрела на очередной осущаемый им кубок с вином, который киммериец тотчас же поставил на столик рядом с собой и жестом приказал внимательно следящему за ним слуге вновь наполнить весьма объемистый сосуд.

— В чем-то он прав, — сказала Ирилия совершенно серьезным голосом. — Хоть мы и счастливы быть рядом друг с другом, но не забывай, что мы участвуем в серьезном деле, а значит, и опасности нам грозят еще более серьезные. Я, конечно, желаю тебе удачи в твоем честном порыве образумить Йилдиза, но маловероятно, что это осуществимо. Но в любом случае мы не должны быть слишком пьяны или разгорячены страстью, чтобы быть готовыми по крайней мере защитить себя и унести отсюда ноги.

— Эх, девочка, к сожалению, ты права. С этой минуты я не пью ничего крепче кумыса. — Конан движением руки подозвал другого слугу с кувшином кобыльего молока. — Но вот за моего приятеля — Юму — я поручиться не могу... А кстати, вот и он. Этот парень, зная, что выпивка халаявная, потребует себе крепчайшего ликера, и побольше.

Ирилия с интересом разглядывала приближающегося черного великана, выглядевшего свеженьким, как огурчик. С обеих сторон на нем висели две вчерашние знакомые, которые просто светились от удовольствия и гордости. Перешагнув через перила, Юма помог перебраться и дамам, не избежавшим легких щипков и нескромных, напоказ, прихватываний. Со смехом и шумом вся троица уселась рядом с первой парочкой, заставив Ирилию слегка потесниться.

Их появление заинтересовало присутствующих, приворав к помосту множество любопытных взглядов, особенного тогда, когда появился Семпрониус с новой одеждой для Ирилии и киммерийца. Те, загороженные шелковым покрывалом, натянутым перед помостом двумя евнухами, быстро переоделись, не переставая обмениваться шутками. Затем вся компания расселась поудобнее, и слугам пришлось изрядно побегать, чтобы удовлетворить аппетит и жажду двух героев и трех их спутниц.

— Скажи мне, Юма, — обратилась Ирилия к чернокожему сержанту, — а есть ли у Конана в Вендии женщина?

Ее неожиданный вопрос изрядно смущил двух других женщин и на миг заставил замолчать даже героев. Прикинув, Юма многозначительно изрек:

— Ну, госпожа, что я могу сказать вам. В Венджипуре женщин навалом, будем откровенны: кабацкие танцовщицы, маркитантки и шлюхи в борделях. Да еще и молодые дочки местных крестьян; правда, их поцелуй может стоить стрелы или кинжала в спину... Но дело не в этом. Конан, как вы, наверное, уже могли убедиться, парень серьезный. Разве станет истинный воин растрачивать свои силы и нервы на...

— Хватит! У меня в Венджипуре есть женщина, — оборвал друга Конан, глядя в глаза Ирилии. — Ее зовут Сария. Я спас ее от лютой смерти. Дикии собирались принести ее в жертву.

— А теперь она с тобой, да?

— Да, мы живем вместе в небольшом бамбуковом домике. Сария умная, я бы даже сказал, мудрая девушка. Образована она куда лучше меня... но не побоюсь признаться, что подчас я

чувствую, что не понимаю ее мыслей и, что еще тяжелее, — ее сердца.

Ирилия выслушала слова Конана спокойно и с достоинством. Воцарилось неловкое молчание, которое, впрочем, было вскоре весело нарушено воспоминаниями Юмы и его подруг о вчерашней потасовке во время банкета.

Вдруг звонкий ропот пронесся по залу. Все привстали, ожидая появления Йилдиза. Но тревога оказалась ложной. Под многочисленными взглядами четверо рабов внесли на серебряных носилках подарок королю от губернатора Венджипура — карликовое дерево, посаженное много лет назад и выросшее в среднего размера кадке. Дерево установили около ступеней королевского трона, и гости занялись обсуждением диковинного растения: пучка ветвей с небольшими листьями, торчащего из короткого ствола, напоминающего перевернутый котел.

Это проявление продолжающихся приготовлений к церемонии звонило многих присутствующих. Гул голосов усилился. Конан и Юма, переглянувшись, одновременно примерились к висевшим на их поясах церемониальным позолоченным саблям, выанным им утром. В это время Ирилия негромко называла им имена и должности самых важных гостей, многих из которых она лично приветствовала: одних — искренне и радостно, других — натянуто и холодно.

С еще большим напряжением Юма и Конан встретили появление отряда из двух дюжин королевских гвардейцев, одетых в парадную форму и вооруженных сверкающими позолотой алебардами. Возглавлял отряд сам генерал Аболхассан. Расставив почетных часовых по местам, он направился к гостям, ни разу даже не посмотрев в сторону помоста, где сидели виновники торжества.

Очень многое вокруг настораживало Конана: и это подчеркнутое невнимание генерала, и напряжение, недоброжелательные взгляды многих гостей, и то, что все евнухи пришли вооруженные длинными кинжалами в красивых чеканных ножнах. Неожиданно холоден вдруг стал и Семпрониус, лишь на несколько секунд отозванный прошептившим ему что-то на ухо старшим евнухом по имени Эврантхус. Конану и раньше казалось, что заботы Семпрониуса уж очень контрастируют с более чем прохладным отношением к героям со стороны большинства евнухов. Видимо, в целях конспирации его до последнего момента не посвящали в курс дела.

Неожиданно зазвучавшие трубы заставили всех присутствующих встать. Мужчины, а вслед за ними и евнухи щелкнули каблуками и с лязгом ударили эфесами о ножны. Через огромную центральную дверь в зал вошел Его Величество король Йилдиз. Несмотря на всю роскошь костюма и исполненную царственного величия физиономию, король несколько терялся между генералом Аболхассаном и высоким офицером, сопровождавшим его с другой стороны. Следовавшие за спиной монарха две юные наложницы в шелках и парче тоже были выше короля едва ли не на голову. Несомненно, Йилдиз отбирал себе спутников, никак не считая за достоинство худощавость или малый рост.

Оба офицера, сопроводив короля до ступенек трона, остановились и развернулись на месте. Проследовавшие за королем девушки полулегли у его ног. Йилдиз остался стоять один, возвышаясь с высоты тронного подиума над толпой гостей.

— Верные мои подданные, — начал Йилдиз торжественным и неожиданно звучным голосом. — Я назначил этот праздник и призвал вас всех сюда для того, чтобы наградить героя! Нет, больше чем просто одного героя! Целый легион, армию героев — всех храбрых сынов Турана и его колоний, которые сражаются за дело королевства в далекой Вендии и на других неспокойных границах страны! Не сомневайтесь, что все они герои. Все до единого! Они распространяют свет королевства во все пределы, на земли, еще не нанесенные на карты! Они расширяют наши торговые пути, приносят нам богатые трофеи и контрибуции побежденных,

неуклонно превращая Аграпур в столицу мира. Они несут свет цивилизации в варварские края. А самое главное, не забывайте об этом, — они участвуют в религиозной битве, воюют за святое дело — истинную и всеобъемлющую туранскую веру, за веру пророка Тарима! Эту жестокую войну они ведут против варварских культов и языческих идолов, о мерзких ритуалах и жертвоприношениях которым вы все уже слышали. В этой опасной борьбе наших братьев подстерегает подчас смерть. Но вспомните слова пророка Тарима: смерть тела служит лишь началом. Началом новой жизни чистой души в новом мире!

Они сражаются за Тарима и величие нашей страны. Но есть среди моих подданных те, кто не видит величия этой войны. Горе затмило их разум — ведь в траур оделись многие и многие семьи. А сколько трудностей и несчастий несет война даже тем, чьи близкие остались живы и невредимы. Но я снова обращаюсь к вам: вспомните слова Тарима. Пророк говорил: о сильном человеке узнают не только по многим друзьям, но и по многим врагам. Чего стоит человек без врагов? И чего стоит государство без войн?

Ради всех вас я провозгласил этот праздник — день героев. Это торжество должно вселить новый боевой дух в ваши сердца. Я надеюсь, что мои подданные будут меньше требовать от страны, а спросят себя, что они дали ей. Ведь судьба каждого из нас зависит от судьбы страны. А теперь, — рука короля потянулась к услужливо поднесенному кубку, — для тех, у кого под рукой бокал или кубок, я хочу провозгласить тост! — Йилдиз поднял руку, приветственным жестом обвел гостей, стражу и остановился на помосте для виновников торжества. — За героев Конана, Юму и за всех героев, служащих королевству в Вендии и других дальних странах!

Йилдиз поднес ко рту кубок и пригубил вино. Или же только сделал вид, опасаясь яда, а затем вновь махнул рукой в сторону героев:

— А теперь — жертвенное возлияние!

Король оглянулся вокруг и, не решаясь испачкать вином ступеньки или костюмы охраны и подданных, не нашел лучшего решения, чем плеснуть вином в землю у корней подарочного дерева. Затем король вернулся к трону.

Хор голосов эхом повторил тост, хотя возлияний не последовало. Разве что несколько поднятых особенно высоко кубков перевернулись, залив вином ближайших соседей. Конан услышал, как десятки голосов прокричали его имя и имя его друга. Вообще казалось, что публика близко к сердцу приняла слова короля. Красноречием Йилдиз не был обделен, и его слова явно настроили многих в его пользу и одновременно рассеяли напряжение в зале. Пожалуй, впервые во дворце Конан почувствовал некоторое спокойствие и облегчение.

— А теперь, — Его Величество продолжил свою речь, — пусть герои соблаговолят подойти к трону, чтобы мы могли вознаградить их за подвиги...

По сигналу Семпрониуса Конан и Юма перешагнули ограждение помоста и направились к ступеням трона, слушая продолжающуюся речь Йилдиза.

— Генерал Аболхассан держит в руках знаки отличия, которыми мы наградим достойных этой чести... Но что это? Что случилось? Не чудо ли это?

Возглас Йилдиза застал Конана в тот момент, когда он внимательно рассматривал Аболхассана, шагнувшего к трону, держа в руках бархатную подушечку с двумя сверкающими орденами. Обернувшись на взволнованный крик, Конан с удивлением заметил, что вендийское дерево странно оживилось. Оно двигалось, извиваясь всеми ветвями, и на глазах увеличивалось в размерах. Казалось, что судороги, пробежавшие по ветвям, были следствием дикой боли, произвавшей растение от неестественно быстрого роста. Конан только успел разинуть рот от удивления, а дерево уже удвоилось в размерах, накрыв своей тенью Йилдиза и его наложниц, и, не останавливаясь, протягивало ветви к солнцу, пробивающемуся из-под купола.

Неестественно быстрый, невиданный рост дерева сопровождался треском в стволе и

Толстых ветках и резкими хлопками лопающихся почек, обнажающих девственно-чистую зелень новых и новых листьев. Появляющиеся побеги походили на слепых, извивающихся червей. Но по сравнению с этими безмозглыми существами дерево вело себя подозрительно целеустремленно и разумно. Очень скоро несколько ветвей нависли над остолбеневшим королем, и вдруг резко вырвавшиеся из гущи листвы свежие побеги крепко обхватили Илдиза и одну из его спутниц. Это произошло так быстро и неожиданно, что разинутый рот монарха не успел даже пошевелиться. Вторая девушка спаслась только тем, что быстро упала на пол и, пользуясь всем опытом гибкой танцовщицы, изгибаясь и уворачиваясь от цепких зеленых пальцев, метнулась прочь от страшного растения.

Захватив первые жертвы столь резким броском, дерево словно решило передохнуть, медленно опутывая несчастных новыми побегами, постепенно закрывая им лица и передавливая горло. При этом оно не переставало расти как вширь, так и в высоту.

Оглянувшись вслед проскользнувшей мимо него девушке, Конан увидел, что не только Илдиз оказался захвачен зелеными дьяволами: почти все стражники бились в судорогах, опутанные по рукам и ногам ветками, не дававшими солдатам воспользоваться алебардами. В этот же момент Аболхассан, отбросив подушечку, выхватил ятаган и яростно рубанул по ближайшей тянувшейся к нему ветке. Повинуясь какому-то внутреннему приказу, Конан почувствовал, что и сам он, с саблей в руке, направляется вперед, к пульсирующему стволу страшного дерева.

Не успел он сделать и двух шагов, как был вынужден вступить в бой, отсекая извивающиеся на его пути ветки. Опытный солдат джунглей, Конан умело орудовал саблей, держа ее как длинный вендинский нож для прокладывания тропы в зарослях. Но беззвучные коварные противники обошли его сзади. Вскоре первые побеги сомкнулись вокруг его тела и протянулись к рукам. Их объятия оказались неожиданно цепкими, и Конана прошиб холодный пот, когда он понял, что больше не может двинуть рукой, держащей саблю. А дерево не унималось, опутывая киммерийца все плотнее и плотнее.

Неожиданно над его ухом просвистело тяжелое лезвие, и Конан почувствовал, что хватка на руке ослабла. А невидимый клинок все продолжал рубить ветки, освобождая киммерийца.

— Проклятое дерево! — раздался над его ухом голос тяжело дышащего Юмы. — Надо же, привезли подарочек королю! Ничего себе подношение вендинских союзников, переданное через губернатора!

Резко дернувшись, Конан оборвал одну из последних держащих его веток, бормоча скомканные слова благодарности Юме.

К его изумлению, в следующий миг он увидел Иридию, с видимым усилием орудующую тяжелой алебардой, которую она наверняка успела схватить у одного из задушенных стражников. Задыхаясь, женщина все же продолжала рубить наступающие ветви.

— Что ты здесь делаешь, женщина? — заорал Конан, выхватывая из ее рук более подходящую ему по размеру и весу алебарду.

— Что? Спасаю тебя, неблагодарная свинья! — быстро подобрав отброшенную киммерийцем саблю и снова вступая в бой с тянувшимися к ней ветвями, с ухмылкой ответила Ирилия.

— Слушай... шла бы ты... — Но прежде чем Конан придумал более или менее приличный адрес, где Ирилия могла бы быть в безопасности, он понял, что вряд ли ей удалось бы добраться туда или даже выбраться из зала. Все пути к отступлению были перекрыты извивающимися, жадно шевелящимися ветками.

Дерево дотянулось уже до всех углов огромного зала. О его высоте Конан мог только догадываться, потому что потолок был уже почти скрыт зеленым зонтом, как небо в джунглях.

Многие из приглашенных на церемонию, особенно сидевшие в первых, самых почетных рядах, оказались схваченными похожими на змей ветвями. Изрядно подвыпившие придворные даже не успели повскакать со своих подушек. Теперь они корчились и извивались в цепких объятиях, словно насекомые, попавшие на липкий лепесток хищного цветка или в паутину гигантского паука.

Была ли эта смерть страшней, чем судьба тех, кто оказался задавленным в столпотворении у дверей, — этого Конан обдумать не успел. Рубанув по очередному подползающему к ним побегу, киммериец крикнул:

— Юма, вставай рядом! Ирилия, прикрывай нас сзади! Надо прорываться к стволу. Мы свалим это чудовище, подрубив его снизу!

Дело не обещало быть легким — ствол дерева увеличился в толщину пропорционально росту. Крошечная кадка, в которой подарок был привезен в Аграпур, давно разлетелась на куски. Теперь подобный котлу ствол покоялся прямо на полу, а толстые, словно слоновий хобот, корни вонзились в стыки между мраморными плитами и, видимо пробуравив фундамент дворца, стали, пульсируя, выкачивать из земли воду и силы, необходимые для такого чудовищного роста.

— По крайней мере, мы — воины из джунглей — лучше управимся с ролью лесорубов, чем городская стража или короли степей — кавалеристы! — сказал Конан, прорубаясь к стволу и поглядывая на Йилдиза и его подругу. Лица обеих жертв посинели, но по крайней мере их рты все еще судорожно втягивали воздух. Обрубив несколько ветвей, тянувшихся к королю, Конан понял, что большего ему сделать не удастся, и вернулся к ушедшему вперед Юме.

Добравшись до ствола, Конан и Юма обрушили на него град ударов алебард, оброненных менее расторопными стражниками. Не сговариваясь, оба стали поочередно врубаться в самую толстую часть ствола, похожую на перевернутый котел, зависший над землей. Чувствовалось, что именно там лежит источник дьявольской силы этого растения. Алебарды обоих воинов поочередно вонзались в дерево, пробивая коричневую кору, зеленоватую влажную кожуру под нею и добираясь до бледной, почти белой неподатливой сердцевины. Со спины обеих прикрывала Ирилия, отчаянно орудовавшая саблей и кинжалом.

— Снизу! Берегись корней! — услышал Конан предупреждение Юмы. Глянув вниз, киммериец увидел, что, защищаясь, дерево выбросило из корней первые тонкие побеги, которые быстро росли и обвивались вокруг ступней и лодыжек людей. Конан не стал тратить время и силы на то, чтобы избавиться от этой новой угрозы. Через мгновение он увидел, как сабля Ирилии звякнула о мрамор пола, отсекая часть тянувшихся от корней побегов. В другое время Конан похолодел бы от столь близкого к его ноге звона клинка, но сейчас, молча кивнув Юме, он с удвоенной энергией обрушил лезвие своей алебарды на ствол дерева-убийцы, которое отвечало на каждый удар гулким эхом.

— Кром! — выдохнул Конан, отсекая еще один здоровенный кусок древесины. — Ну и воняет же эта деревяшка! Да свалится оно наконец или нет?

— Смотри, что там внутри сверкает? Похоже на драгоценности, — крикнул Юма, показывая на образовавшееся при очередном ударе дупло в самом центре дерева, из которого блеснула самоцветами какая-то сфера.

— Стой! Не лезь туда руками! — одернула Юму Ирилия и вонзила в широкое отверстие саблю, звякнувшую обо что-то твердое.

— Ух ты, да это же череп, украшенный самоцветами и серебром! — воскликнул Юма.

Он потянулся к выкатившейся из ствола дерева находке, но отдернул руку, когда топор Конана обрушился на сверкающий череп, разнося на мелкие осколки кости и рассыпав искрящимся дождем драгоценные украшения.

— Это эмблема Моджурны, шамана, лидера восставших хвонгов, — отдуваясь, сказал Конан

своим товарищам по сражению, с удивлением взиравшим на него. Освободив ноги от неожиданно ослабевших тисков корней, он добавил: — Я должен был догадаться, что этот подарочек от вендишцев был передан в Аграпур самим Моджурной, чтобы отомстить за завоевание его страны Йилдизу и всему королевскому двору.

При упоминании имени короля все трое обернулись к несчастному монарху и его наложнице. Оба были почти без сознания, сжатые, словно кролики удавом, но живые. Юма аккуратно разрезал кинжалом сдавливающие их ветки и стал приводить спасенных в чувство.

Вместе с ударом, разбившим сверкающий череп, дерево потеряло источник не только роста, но и всей жизни. На глазах Конана и Ирилии листья потемнели и дождем посыпались на пол, превратив его в толстый шуршащий ковер. Тут и там в разных углах зала ветки скрипели и ломались, не выдерживая груза добычи. Все, кто мог, давно покинули зал, а для большинства из тех, кого дерево успело захватить в свои объятия, освобождение пришло слишком поздно.

Конан и Ирилия обошли помещение, помогая выбраться немногим оставшимся в живых. Так, нескольких офицеров спасли их доспехи и шлемы, а женщин — их большая изворотливость и гибкость, давшая им спасительную отсрочку. Когда выжившие, прия в себя, выбежали из зала, Конан и Ирилия осмотрели тех, кто погиб. Мертвых было немало: несколько евнухов, включая Семпрониуса и Эврантхуса, фанатичный Верховный Жрец Таммураз, юный надменный аристократ Филандер и еще многие хорошо знакомые Ирилии придворные. Аболхассана обнаружили с перетянутым ветками горлом. Генерал лежал на полу у самого трона. Из перекошенного рта вывалился язык, почти такой же черный, как его форма.

К тому времени, когда Конан и Ирилия вернулись к королю, тот стараниями Юмы почти пришел в себя и даже смог говорить:

— Какой ужас! Такая церемония, такое торжество — и все насмарку! — Закатив глаза, Йилдиз бессильно опустил голову. — А где моя возлюбленная? Она жива? — Наклонившись к груди девушки, лежащей рядом, Йилдиз улыбнулся: — Благословен будь Тарим! Она жива, моя куколка! Но боюсь, что многие погибли.

— Большая часть высших придворных, Ваше Величество.

Ирилия низко наклонилась над сидящим королем, и Конан даже опустился на пол рядом, чтобы видеть, что она собирается делать. Глаза Конана беспокойно следили за кинжалом, все еще сжатым в руке его подруги. Но, к своему удивлению, киммериец увидел в ее глазах слезы.

— Самое страшное позади, — продолжала Ирилия. — Мы пережили этот кошмар, Ваше Величество. И теперь вы можете мирно управлять страной, положив конец ненужной войне и сосредоточившись на улучшении дел здесь, дома...

— Да, Повелитель, — добавил хриплым голосом Конан. — Среди тех, кто сегодня погиб, были люди, организовавшие заговор против вас. Теперь вы можете обновить двор по своему выбору. А что касается войны в Вендии, ее можно выиграть, но вести ее нужно по-другому. Нужна другая тактика, другое оружие, а главное, существующая сейчас система командования разъедена злоупотреблениями, воровством, продажностью начальников и высокомерием офицеров, не считающих солдат за людей...

Как Конан и предполагал, рука Ирилии крепче сжала кинжал и стала заносить его для удара; ему пришлось остановить движение, перехватив руку женщины. К удивлению киммерийца, заглянувшего в глаза Ирилии, ее гнев и желание убить оказались направленными не на Йилдиза, а на него самого. Их молчаливый поединок взглядов был прерван стонущим голосом Йилдиза, отбрасывающего от себя прочь снятые с него ветки и листья:

— Венджипур! Не говорите мне о Вендии! Это дерево-убийца — разве не один удар, нанесенный по мне — уже в третий раз — в самом сердце моей великой страны, в стенах родного дворца? Разве не хватит предупреждений судьбы? Будь проклят тот безумец, который

втянул меня в эту войну! Видит Тарим, я больше не хочу! Я отказываюсь от этой страны! Дарую ей свободу!

Слышавшие эти клятвы короля Конан и Ирилия убрали ладони с рукояти кинжала и переглянулись между собой. Потом посмотрели на Юму. В зале воцарилась гробовая тишина. Вскоре ее нарушили крики, доносившиеся из-за стен, из другого мира. Этот мир преодолел страх и возвращался к жизни.

ГЛАВА 20. ВОЗВРАЩЕНИЕ

— От залива тянет гарью. — Сидя рядом с Конаном на покачивающейся спине слона, Юма лишь выразил вслух то, что давно было ясно обоим. — Сейчас не сезон для сжигания рисовой соломы, а значит, там идет бой, ну а горит либо деревня, либо форт. Смотри, даже наш слон чует, что что-то не так.

Юма кивнул в сторону изогнувшегося, как кобра, поднятого кверху хобота, усиленно втягивающего воздух. Особое обоняние этого слона, его способность находить дорогу по запаху давала ему привилегию идти первым в колонне и не вдыхать пыль, поднятую его четырьмя сородичами, их запах, а также запах пяти сотен тяжеловооруженных пехотинцев, марширующих позади.

Замечание Юмы Конан оставил без ответа, сам втягивая носом воздух и пытаясь по запахам выяснить обстановку впереди. При этом в голове киммерийца постоянно крутились одни и те же мысли. Конечно, такой вариант возвращения в Вендию не привиделся бы ему и в кошмарном сне. Только что награжденного героя, к тому же подтвердившего высокое звание в день награждения, направляют в воюющую страну, чтобы он с горсткой солдат осуществлял вывод войск — не только легионов из городов, но и полков из дальних фортов. Конан, конечно, сгорал от желания поскорее увидеть Сарию, но к чувству этому примешивались тяжкие сомнения.

— Да, — заметил Юма, не обращаясь ни к кому конкретно. — Даже я недооценивал опасность положения героя! Кто бы мог подумать! Вот так заданьице для свежеиспеченных награжденных. Как ты думаешь, будет ли этот проклятый Моджурна так великодушен, что даст нам всем уйти с миром? — Воодушевленный отсутствием комментариев или возражений со стороны Конана, Юма продолжил свои рассуждения: — Но, разумеется, кто посмел бы отказаться от предложения самого Йилдиза. В его устах — один шут, предложение или приказ... Правда, когда ты вернешься... и если... тебе гарантировано звание капитана, а нам обоим — назначение в Почетную Гвардию... опять же, если мы вернемся. И, я полагаю, это будет не последний шаг в твоей карьере, если, конечно, ты не выкинешь какой-нибудь номер! — Искося посмотрев на Конана, Юма добавил, изобразив обиду в голосе: — Я могу признать, что даже несколько ревную. С какой стати король всюду продвигает тебя, хотя он прекрасно помнит, что именно я освободил его от пут этого проклятого дерева и привел Его Величество в чувство. К тому же ты младше меня и меньше прослужил... Нет, ты точно его любимчик. Он тебе теплое местечко найдет... Ты только не выступай много. — Юма тяжело вздохнул. — Ладно, наплевать. Вот вернемся в Аграпур, там и мне кой-чего перепадет за дружбу с тобой. Наш путь будет усыпан розами, м-да, не уколоться бы только о шипы.

Юма, сам улыбаясь своим же шуткам, аккуратно погладил рукой металлическую трубку, закрытую с обоих концов. В этом контейнере находился свиток с указом короля о прекращении войны и выводе войск. Конан тоже бережно положил руку на ценный груз и уже открыл было рот, чтобы что-то ответить другу. Но в этот момент их внимание привлек погонщик, указывающий на зашевелившиеся в волнении уши слона и настороженно изогнутый хобот. Привстав на помосте, Конан посмотрел вперед и понял, почему животное беспокоилось: навстречу их колонне по лесной дороге двигались всадники.

Их было человек двести — усталых, пропыленных турецких кавалеристов. За всадниками далеко растянулась по дороге колонна пехоты. Солдаты были так измучены, что даже не очень обрадовались встрече со своими. Конан узнал их командира и обратился к нему со спины слона:

— Приветствуя тебя, Шахдиг. Какие новости?

— Хуже некуда, Конан, извините, капитан Конан, — поправился Шахдиг, с уважением

поглядывая на украшенный знаком героя тюрбан киммерийца. — Мятежники снова взялись за оружие. Их столько, сколько мы за всю войну не видели. Они смогли обмануть разведку и просочились к столице. Там никто не ожидал нападения, и город пал в первый же день штурма. Сейчас то же самое творится повсюду. Малочисленные посты перебиты, крупные форты в плотной осаде. Мы единственные, кто смог вырваться.

— Что с Шинандаром? — спросил Конан.

— Шинандар штурмуют с первого дня. Если он еще держится — то только чудом. Но в любом случае, его надолго не хватит. — Офицер опустил голову, избегая встречаться глазами с Конаном. — Мятежники наиболее активно и настойчиво действовали именно в том районе. Мы, уйдя из нашего разрушенного форта, даже не посмели туда сунуться.

— Ну так осмеливайтесь сейчас, — сказал Конан, давая сигнал к продолжению марша своим пехотным сержантам. — Мы направляемся именно в Шинандар.

Две колонны на время перемешались, но вскоре отряд Шахдиба пристроился в хвост пехоте Конана. Кавалеристы недовольно переглядывались, непривычные к маршруту позади пехоты, в облаках пыли.

— Разрази меня гром! — пробурчал Юма. — Дела-то и вправду пошли куда хуже, чем с тех пор, как мы отсюда уехали. Ты прав. Придется лезть в пасть тигра, чтобы вытащить из нее тех наших, которые еще не проглоchenы кровожадным зверем. Надеюсь, мятежники согласятся на наше предложение о мире и отводе войск. Честно говоря, надеяться просто больше не на что.

— Как сказать, — задумчиво сказал Конан. — С другой стороны, у нас отличный отряд; к нему присоединятся лучшие из других гарнизонов — те, кто сумеет выжить в этом аду. Все революции и восстания побеждают в один день, но большинство из них оказывается разгромленным уже на следующее утро.

— Конан, разве ты посмеешь не выполнить указ короля? — Юма кивнул на Надежно привязанный к помосту величественный позолоченный цилиндр с королевским пергаментом.

— Думаешь, Йилдиз откажется, если ему преподнесут Венджипур на блюдечке? — Конан повернулся к другу и внимательно посмотрел ему в глаза. — Эта война неправильно велась с самого начала. Ты и я — мы сможем исправить это. А мятежники... Если с Сарией что-то случилось, вряд ли я буду в настроении предлагать им мир!

По дороге на Шинандар отряд Конана неожиданно не встретил вооруженного сопротивления. Кое-где она была загружена беженцами — местными жителями, которые организованно и целеустремленно двигались куда-то к заливу. Может быть, это и были отряды мятежников, но они не сделали ни единого угрожающего жеста в сторону турецких. К тому же они были слишком многочисленны, чтобы остановить их. Поэтому Конану ничего не оставалось делать, как проводить свою колонну мимо расступавшихся вендейцев. Киммериец понимал, что его гадания будут бесполезны; и в добрые времена грань между мирным селянином и мятежником была более чем условной.

Даже когда впереди замелькали верхушки частокола Шинандара и сторожевые вышки, мятежники не перекрыли дорогу. Конан провел колонну мимо того, что осталось от его домика, — груды обгоревших бамбуковых стволов на опушке джунглей. Остальная часть деревни тоже была сожжена, а часть бревен нагромождена нападающими в виде бастиона напротив ворот форта.

Конан приказал своим солдатам развернуться в боевой порядок, а сам направил своего слона к воротам. Их створки были открыты, и в глубине форта виднелись вендейцы вперемежку с безоружными турецкими.

Конан узнал некоторых старых знакомых: одноухого Орвада, нескольких ветеранов из

отделения, которым командовал киммериец до отъезда в Аграпур. Но вдоль гребня частокола на вышках сплошь были видны рожи вендицийцев, причем вовсе не вызывающие доверия. Подведя слона вплотную к воротам, Конан соскользнул по боку гигантского животного на землю и обратился к вышедшему ему навстречу капитану Мураду:

— Капитан, что здесь произошло? Я так понимаю, форт пал?

Глаза капитана Мурада лишь на миг подозрительно взглянули на Конана и уставились в землю.

— Спроси свою подружку, — буркнул Мурад, пожимая плечами.

— С какой стати? Она что, в форте?

Конан недоуменно взглянул на подошедшего Юму, который тоже ничего не понимал и не мог ничем успокоить киммерийца. Оба в изумлении уставились на открывающуюся вторую створку ворот. За ней, в глубине двора, оказался выстроен деревянный алтарь, украшенный цветами и пальмовыми венками. Около него стояла большая группа вендицийцев: вожди, жрецы, воины-хвонги, молодые девушки. В центре группы привлекала внимание ярко одетая высокая молодая женщина.

Она была выше всех остальных. Стройное тело обхватывал белоснежный хитон, перетянутый в талии блестящей змеиной кожей. Гирлянды цветов спускались с шеи на плечи женщины. Несколько цветков таинственным узором украшали ее прическу. В одной руке она держала длинный посох, вершину которого украшал знакомый Конану талисман — череп кабана, на чьи клыки тоже был наброшен цветочный венок. Рубиновые огоньки сверкали в глазницах, а по лбу и скулам тут и там сверкали огнями драгоценные камни и серебряные блестки. Вздрогнув от того, насколько этот талисман был похож на череп кабана, защищавший их с Сарийей дом, и на зловещий знак Моджурны, Конан наконец перевел глаза на лицо той, которая держала в руке чудовищный посох.

— Сария, девочка! Это ты? Ты пленница? Но, похоже, с тобой обращались хорошо. — Конан шагнул вперед, разводя руки, чтобы обнять ее. — Как я счастлив видеть тебя живой и невредимой.

— Стой! Не прикасайся ко мне! — Царственным жестом женщина остановила киммерийца.

Хотя ее лицо не выражало ни капли беспокойства за свою безопасность, две стоявшие рядом юные девушки встали перед нею, чтобы защитить свою госпожу.

— Знай же, Конан из Киммерии: я больше не принадлежу тебе! Ибо я — Верховная Жрица Венджипура! Время, когда мы были вместе, прошло.

— Сария, что ты несешь?.. — Конан обвел взглядом стоявших неподвижно с ничего не выражавшими лицами вендицийцев. Его рука сама легла на рукоять меча.

— Сария, если тебя заставляют говорить это, только дай знак, и я освобожу тебя... или это какое-нибудь новое колдовство Моджурны?

— Моджурна... мертва, капитан. — Слова Сарии ледяным душем обрушивались на Конана. — Погибла ее магия, умерла и она сама. Насколько я знаю, ты уже давно понял, что Моджурна — женщина.

Сария повернулась и показала рукой на алтарь. Только сейчас Конан понял, что это был погребальный костер. На его вершине, в море цветов и лиан, едва виднелась человеческая фигура со старушечьим лицом.

— А теперь... — продолжила Сария, — пришло время мне занять ее место... К этому меня готовили... и к этому я должна была прийти...

— Сария, когда мы впервые встретились, Моджурна собиралась... собиралась убить тебя! — Настал черед Конана гневно перебить женщину. — Хотя, быть может, она собиралась живьем скормить тебя какому-нибудь бессмертному демону-людоеду! Старая ведьма...

— Да, это правда. Ты прервал совершаемый ею наш древний ритуал. — Голос Сарии был по-прежнему тверд и холоден. — Ибо Моджурна была Верховной Жрицей, непреклонной, безжалостной, не дрогнувшей рукой отправляющей своих последователей в бой. Быть может, она считала, что эта жертва поможет нам победить в войне, или думала, что я слишком слаба, чтобы руководить восстанием и победить противников. Но я все же надеюсь, что смогу стать жрицей в свободной и мирно живущей стране.

Глаза Сарии осматривали Конана и всех остальных с каким-то неземным, нечеловеческим спокойствием.

— Она решила забрать мою молодость и, если будет на то воля богини Сигтоны, продлить свою жизнь. Если она и была фанатичкой, сошедшей с ума от тяжести ноши, свалившейся на ее плечи, — то все равно я должна простить ее. Ибо она — моя мать!

На этот ужас Конану нечего было ответить. Словно получив удар молотом по голове, он стоял, пошатываясь, рассеянно глядя в пространство. Юма обнял его за плечо, чтобы не дать другу упасть. Сария же спокойно и неспешно продолжала:

— Как бы ни были жестоки ее действия, они почти привели нас к победе... Хотя кто знает, что будет завтра? Моя роль оказалась куда менее важной; хотя я ревностно выполняла все, что зависело от меня, возглавляя тех, кто верит в нашу богиню, и стремясь распространить нашу веру. Никто, кроме меня, не сможет защитить вендинцев от ересей и чужеземной веры. Но сама я не столь сильна. Поэтому в тяжелое, опасное время я выбрала себе защитника, непобедимого в бою. Такой нашелся только в стане врагов. Я учила его, исцеляла его раны, делала его еще сильнее и превращала его в мудрого предводителя. — В первый раз за все время в голосе Сарии, обращавшейся к Конану, появился какой-то намек на чувство. — Мы научились строить дом, создавать очаг и греть его, научились жить вместе. Мы прошли дорогой познания любви, как это должна сделать любая жрица. Но это все в прошлом.

Наступила долгая пауза, зловещее молчание под палящим солнцем. Наконец Конан, словно с трудом найдя в своем горле голос, хрипло сказал:

— Колдовство Моджурны оказалось сильнее, чем ты думала, Сария. Оно доделало начатое Верховной Жрицей дело даже после ее смерти... Йилдиз предлагает мир.

Сунув руку за ремень, он извлек не меч, а футляр с королевским указом. Отступив на шаг от поддерживавшего его Юмы, Конан протянул свиток Сарии.

— Признаюсь, я не удивлена, — ответила Верховная Жрица. — Вендиjsкая магия всегда оказывалась сильнее, чем самодовольная вера туранцев.

Кивком головы она подозвала одного из вождей, который принял свиток из рук Конана.

— Я прикажу снять осаду с фортов и гарнизонов и отпустить ваших людей. Это уменьшит насилие, но не позволит избежать его вовсе, хотя вас это уже почти не коснется. Здесь останемся мы, вендинцы, — те, которые боролись за свободу Вендии, и те, которые прислуживали вам, предав родину. Им придется выбирать — или уходить с вами, или рискнуть остаться. Боюсь, что тут без крови не обойдется... Но для вас сейчас главное — уйти, не нарушив перемирия. Уйти навсегда, чтобы никогда не возвращаться.

— Ничего другого я бы себе и желать не мог, — усмехнулся Конан, глядя в глаза Сарии. — Да и большинство из них, — сказал он, обводя рукой цепь солдат, окруживших форт. — Хотя для них это поражение их родной страны, а для меня — чужой армии, которой я, правда, честно служил. Но вот что касается меня лично, я сомневаюсь, что избавиться от меня — твое единственное желание.

— Не будь столь самонадеянным, Конан-чужестранец. — Сария достойно выдержала его пристальный взгляд. — Я желаю только одного — выполнить свою миссию Верховной Жрицы. Будь уверен, Конан, что после меня останется наследник...

Качнув посохом в сторону туранских солдат, она добавила:

— Тебе и им здесь больше нет места!

— Ну что ж, решено, Сария. Посытай гонцов в твои отряды. Прощай!

Подняв руку, он в последний раз ласково провел ладонью по ее черным волосам и янтарной коже щеки. Развернувшись и подойдя к воротам, он прохрипел приказ своим солдатам — тем, кто был внутри форта, и тем, кто ждал снаружи. С быстрой молнией облетели его слова весь отряд. Тотчас же вместе с гонцами-хонгами отправились с этими же словами во все осажденные гарнизоны туранские посыльные. Конан, прочистив горло еще раз, громко повторил:

— Мы уходим! Вам, вышедшим из окружения и из осажденных фортов, — присоединяться к нашему отряду. Пропади она пропадом, эта проклятая Вендия! Мы уходим на север. Слышали вы — псы войны? Проиграли королевство, страна, вера. Проиграли генералы, придворные и даже сам король! Но мы, воины, мы уходим непобежденными. Мы сделали свое дело честно. Мы уходим! Мы возвращаемся домой!